

Архимандрит РАФАИЛ (Карелин)

Дыхание жизни

О молитве

По благословению епископа Саратовского и Вольского ЛОНГИНА

© Архимандрит Рафаил (Карелин), 2007

© Издательство Саратовской епархии, 2007

Содержание

1

От издательства	
Тайна приближения к Богу	
Сокровище, которое всегда при нас	
Вращение духовных сфер	
Смерть и воскресение	
Стяжание благодати	
Дыхание жизни	
Войти в свое сердце	
Освобождение духа	
Враги молитвы	
Встреча двух личностей	
Высший дар	
Трапеза любви	
Предощущение вечности	
О молитве в вопросах и ответах	
Прорыв в вечность	
Высшее делание человека	
17 На Апокалипсис	
17 Часть 1	
18 Часть 2	
19 Часть 3	
20 Часть 4	
21 Часть 5	
22 Часть 6	
23 Часть 7	
24 Часть 8	
25 Часть 9	
26 На псалмы	
26 Псалом 51	
27 Псалом 115	
28 Псалом 133	
29 Приложение	
29 Проповеди о молитве	
29 О молитве	
30 Об исцелении иерихонского слепца (1)	
31 Об исцелении иерихонского слепца (2)	

От издательства

Процесс духовного становления современного христианина очень непрост: каждый из нас познал или познает это на собственном опыте. Есть много объективных причин, обуславливающих эту «непростоту»: большинство наших современников приходит в храм уже взрослыми, сложившимися людьми, которым приходится учиться этой новой, церковной, жизни буквально с нуля. Сама жизнь эта во многом неустроенна, зачастую создается «на пустом месте» — там, где в советские годы все было разрушено до основания, так что порой и фундамента от храма спустя десятилетия не удастся найти. Очень мало людей, имеющих личный опыт аскетической, подвижнической жизни, которые могли бы поделиться этим опытом и с другими, так что для многих сегодня учителями становятся книги. Наконец, мир вокруг нас не просто полон соблазнами — нет, наблюдается полная утрата того, что прежде именовалось нравственными ориентирами, «разрешенным» оказывается все то, что «не запрещено». Но есть и еще одна объективная сложность, с которой также приходится сталкиваться практически каждому из нас. Для современной жизни очень характерна какая-то страшная поверхностность, отступление от внутреннего к внешнему, сползание от центра к периферии. И то же происходит в современном христианстве: слишком часто мы ограничиваемся внешними проявлениями своего благочестия, забывая о том, что все сосредоточено в человеческом сердце, что само «сердце» христианства заключается именно в сокровенной, потаенной жизни нашей души, в том, что святые отцы называли внутренним деланием. Мы, собственно говоря, настолько живем, насколько молимся, насколько Бог перестает быть для нас реальностью внешней, насколько Он воспринимается нами как наша жизнь. Ведь именно молитва становится той золотой нитью, которая соединяет земное с небесным: она открывает для нас дверь в духовный мир, вводит нас в него, дает возможность раскрыться сокровенному «внутри нас» Небесному Царству.

Но именно о молитве мы так часто и так упорно забываем, именно ее мир точно вытесняет из нашей памяти, у нас находится множество дел, которые кажутся нам «гораздо важнее молитвы». Однако опыт показывает, что любое дело, начатое без молитвы и памяти о Боге, оказывается в конце концов зданием, построенным на песке, которое вдруг с громким шумом рушится, оставляя своих строителей ни с чем. И тот же опыт свидетельствует: нет ничего сильней и действенней, чем молитва, она действительно самое мощное оружие, которым вооружает нас Сам Господь, она, как говорит архимандрит Рафаил, то единственное сокровище, которое всегда с нами, которого никто не может у нас отнять.

И потому нам особенно отрадно предложить читателям новую книгу отца Рафаила, посвященную молитвенному деланию. Ряд статей, вошедших в нее, уже издавался в разные годы в различных сборниках, однако большая часть была написана недавно и ранее не публиковалась. Особенно интересно в этом отношении очень оригинальное толкование на послание семи Церквям из Апокалипсиса, построенное автором как раскрытие взаимоотношений Бога и человеческой души. Искренне надеемся, что книга эта принесет немалую духовную пользу нашим братьям и сестрам во Христе, ревнующим о своем спасении и ищущим единения с Богом в церковных Таинствах и молитвенном предстоянии пред Ним.

Тайна приближения к Богу

Чем отличается идеалистическая философия от религии? Идеалистическая философия — это обоснование существования и первичности абсолютного духа посредством логических суждений, то есть попытка рационально обосновать сверхрациональное бытие. Как и все философские системы, идеализм основан на постулате, то есть недоказуемом основании, которое принимается на веру, но на веру не в

религиозном значении, а в смысле определенного допущения. Затем на недоказуемом постулате уже путем логических суждений строится все здание системы. Но чем религия по сути отличается от философии, если даже философия поставила своей задачей обосновать идею существования Божества? Отличие в том, что религия — это стремление войти в общение с Божеством. Бог для религии — это не абстрактная идея, не гипотеза с высокой степенью вероятности, как в идеалистических философских системах. Бог для религии — это внутренний факт человеческой жизни. Бог для религиозного человека — это главный стержень бытия, начало и конец жизни. Какая главная характерная черта в религиозном человеке? В чем более всего обнаруживается его религиозность? Религиозного человека характеризует прежде всего **молитва** — личностное обращение к Богу.

У некоторых людей, находящихся под влиянием восточных мистических и оккультных систем, понятие религии сведено к понятию медитации, то есть к размышлению или обращению человека к самому себе. Эти системы рассматривают молитву как определенное самовнушение. Получается, что субъектом и объектом молитвы является сам человеческий дух, что молитва — это как бы определенная идея или определенное суждение, которые человек должен усвоить. В сущности, материалисты почти так же объясняют молитву — как вид самовнушения. У некоторых возникает сомнение: для чего нужна молитва? Ведь Бог — это Дух, Абсолют, то есть Дух, имеющий полное всеведение. Бог знает лучше нас все наши нужды. Что же мы можем открыть Ему? Бог всеумудр и всеблаг. Чего же мы должны просить у Него? Следовательно, считают они, молитва вообще не нужна. Она может быть лишь плодом нашего неправильного представления о Божестве как о существе несовершенном, действия которого мы должны корректировать своей собственной молитвой. Но молитва — это всецелая обращенность души к Богу. Молитва — это тайна Богопознания, тайна Боговидения. У святых отцов человек назван словесным существом. Через слово молитвы человеческая душа обращается к Богу. Молитва — это не информирование Бога о наших нуждах. Молитва — это условие, при котором Божественная сила может соприкоснуться с нашим духом и действовать в нас. Бог всеведущ и знает нас лучше, чем знаем себя мы. Он знает все Свои создания и знает будущее, как настоящее.

Но всеведение Божие без нашего личного участия знает нас как некий предмет мироздания. А посредством молитвы — посредством самораскрытия в молитве — мы входим в иные отношения с Богом, отношения личностные, когда человек — существо смертное, ограниченное, слабое и греховное, но существо личностное — ведет беседу с Существом абсолютным, бессмертным и всеблагим. Здесь — тайна, тайна приближения человека к Богу. Здесь начинается то, что святые отцы называют обожением человека. Здесь совершается тайна преображения человека как образа и подобия Божия.

Человек молится не только для того, чтобы получить от Бога некие внешние блага, хотя и это имеет место, потому что земная жизнь ставит на нашем пути много преград, которые можно успешно преодолеть лишь с помощью Божией. Но не в этом главное. Главное в том, что в процессе самой молитвы человек получает намного больше, чем блага всего мира. Он получает залог благодати Божией, то есть полагает начало богообщению — тому процессу, который будет продолжаться в вечности и не окончится никогда. Говоря образно, несколько упрощенно, в молитве человек получает Самого Бога. Это первое. Второе: молитва есть реализация любви человека к Богу. Это определенный барометр нашей духовной жизни. Как каждому из нас внутренне необходимо быть вместе с любимым человеком, общаться с ним и, так сказать, дышать одним воздухом, так и для души, любящей Бога, необходима молитва; душа наша стремится к общению с тем, кого мы любим. В этом заключается один из самых важных психологических законов — закон духовной симпатии, закон соответствий.

Если человек любит Бога, то он стремится к общению с Богом. И, стремясь к общению с Ним, сам изменяется и преображается в этом общении по подобию Божию.

Здесь идет важнейший мистический процесс — уподобление человека Богу. Где нет молитвы, там Бог понимается человеком как некая объективная реальность. Однако могут существовать объективные реальности, до которых нам, в сущности, нет дела. Если человек не молится, то не может и жить по-христиански и вера его мертва. Эта мертвая вера есть лишь некое мысленное допущение существования Высшей Силы. И это мысленное допущение не имеет в самой сути своей свидетельства и доказательства бытия Божия.

Какая разница между человеком верующим и неверующим? Предположим, верующий и неверующий имеют одни и те же внешние знания, одну и ту же информацию, один и тот же уровень образования. Но чем верующий человек отличается от неверующего? Отличие в том, что верующий ощущает Бога, имеет свидетельство о бытии Божиим в собственном сердце, и это внутреннее свидетельство неотделимо от молитвы. Некоторые спрашивают: «Что нам делать, чтобы поверить в Бога?». Ответ прост: жить по заповедям Божиим и пребывать в молитве. Молитва дает душе человека реальное доказательство Божественного бытия. У нас есть самоочевидные доказательства существования внешнего мира: мы воспринимаем его через трансформированные образы наших органов чувств; мы воспринимаем его непосредственно как данность, реальность. И верующий человек так же непосредственно, как реальность, ощущает мир духовный, включенность себя в этот мир, свою внутреннюю связь, свой союз с Божеством и постоянную зависимость от Божества. Именно этим верующий отличается от неверующего, хотя бы тот был по своим убеждениям идеалистом. Поэтому идеалист тот, кто рассудочно допускает существование Бога, считает, что это наиболее вероятная теория — и всё. А верующий чувствует и ощущает Бога. Идеалист размышляет о Боге; он может спокойно размышлять о Боге с папиросой в зубах, положив ногу на ногу. Что же касается верующего, то у него мысль о Боге вызывает чувство благоговения пред Творцом. У верующего человека образуется гармоничная связь между его духом и Духом абсолютным, и прежде всего через чувство благоговения.

В аскетике учение о молитве занимает огромное место. По сути, молитва — это сердце духовной жизни и ее пульс. Молитва — нервы человеческого духа. Если Церковь — мистическое Тело Христа, то, по аналогии, богослужение и молитва — это кровеносная система, которая питает каждую клетку этого организма; а клетки — это мы, люди. Вне молитвы с душой человека происходит то же, что и с омертвевшими клетками, например при гангрене, когда к ним не поступает кровь и они погибают и отторгаются от живого организма. Поэтому человек в религиозном смысле жив лишь тогда, когда он молится. Если человек, совершающий добрые дела или даже занимающийся богословскими проблемами, надолго оставляет молитву, он теряет внутреннюю связь с Богом. Такой человек умирает духовно и постепенно превращается в духовный труп. Можно сказать, что из всех задач аскетике самой главной является задача научить человека непрестанной молитве, ибо это и начало, и бесконечный конец духовной жизни. По словам святителя Иоанна Златоуста, молитва — это единение людей с Ангелами, единое занятие людей и Ангелов. Только здесь, на земле, молитва у нас имеет словесную форму, а молитва Ангелов — это нечто иное, это более непосредственное устремление их духа к Богу. В церковных богослужебных текстах мы часто встречаем именование Ангелов небесным хором, воспевающим величие Божие. Мы встречаемся с такими словосочетаниями, как «ангельское песнопение», «херувимская песнь». Что это означает? Святые отцы говорят, что «ангельская песнь» — это всецелая устремленность горних сил к Богу, пламенная любовь к Нему, пленение любовью Божией. В Апокалипсисе есть таинственные слова о четырех плененных Ангелах¹, и вот, некоторые из толкователей Священного Писания говорят о пленении Ангелов как о пленении их любовью к Богу, то есть они не могут оторваться существом своим — тем, что мы образно назвали бы мыслями и чувствами, — от Бога. Это некая высшая степень любви и богообщения.

¹ См.: Откр. 9, 14. Здесь и далее все неподписанные сноски принадлежат издателю.

Наша молитва будет продолжаться и в вечности, но примет уже другую форму. У тех, кто удостоится участи спасенных, она делается постоянным состоянием их души. Однако учиться молитве человек должен здесь, в этой временной жизни. Если верующий не разовьет в себе эту способность, то в будущей жизни, которая есть раскрытие того, что уже приобретено в земной, научиться молиться он не сможет. Тогда перед ним откроется зияющая пустота. Поэтому у святых отцов мы находим такое изречение: «Самое высокое делание на земле — это Иисусова молитва: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго”».

Иисусова молитва представляет собой как бы сконцентрированное средоточие всех молитв. В ней мы исповедуем Бога своим Владыкой и Господином. Мы начинаем эту великую молитву со слова: «Господи». Это первое слово означает, что мы желаем быть рабами Божиими, то есть находиться в благом рабстве у Бога, Который дарует высшую свободу. Рабство Богу — это не унижение человека. Рабство Богу — это возможность переходить во все более высокие состояния свободы. Рабство Богу — первое условие гармонии человека с Божеством и свобода от действительно унижительного рабства страстям и своему эгоизму, людскому мнению и диктату окружающей среды. Рабство Богу освобождает от этих рабств и делает душу истинно свободной. Рабство Богу — это добровольное подчинение человека добру. Но здесь рабство связано еще с сыновством: оно переходит в сыновство. Так учат святые отцы. Однако если мы не назовем Бога своим Владыкой и Господином, не посчитаем Его всеблагою волю обязательной для себя, то не сможем назвать Его своим Отцом, так как будем слишком далеки от Него, поработанные бесчисленными страстями и грехами. Если мы не пройдем через рабство Богу, слово «Отец» будет словом совершенно фальшивым, неестественным для нас.

Потом мы говорим: «Иисусе». «Иисус» — значит «Спаситель». В Иисусовой молитве мы называем, исповедуем Иисуса из Назарета своим единственным Спасителем. Не свой интеллект, не цивилизацию, не культуру, не других мнимых богов — будь то Кришна, Будда или кто-либо еще, а Иисуса из Назарета мы исповедуем своим единственным Избавителем, Спасителем и Искупителем, отверзающим для нас врата вечной жизни.

Далее слово «Христе». «Христос» — значит «помазанник», обладатель всей полноты даров Духа Святаго. У преподобного Иоанна Дамаскина сформулировано учение о взаимном проникновении Божественных Ипостасей Троицаго Бога. Отец абсолютен. Сын Божий абсолютен. Дух Святой абсолютен. Следовательно, три Абсолюта. Бытие трех Абсолютов должно быть взаимопроникновенным. Три Абсолюта не сливаются и не разделяются; само число «три» является не количеством, а образом Божественного бытия, и через жертву Христа Спасителя и Его Божественное учение человек может быть причастен благодати Духа Святаго.

Затем со словом «Христос», или «Мессия», мы вспоминаем Голгофскую Жертву, которая искупила человечество от греха, проклятия и смерти. Но это мистическое искупление не стирает человеческой воли и оставляет за каждым из нас свободу выбора — принять, усвоить его или же отвергнуть. И в Иисусовой молитве мы просим Бога о том, чтобы Искупительная Жертва Христа, принесенная за весь мир, стала Его Жертвой и за наши ежедневные, непрестанные грехи. Иисусова молитва — это сокращенное Евангелие и высшая христианская философия. Бог абсолютен. Божество неисчерпаемо. Иисусова молитва, содержащая в себе имя Божие, также неисчерпаема человеческим духом. Если человек будет внимательно читать Иисусову молитву, то она станет раскрывать ему все новые глубины духовного мира и сама каждый раз будет произноситься по-новому. В Апокалипсисе сказано: *Творю все новое*². Это новое можно понимать и как постоянную новизну отношения молящейся души к Богу. Но здесь, на земле, человек предошущает эту новую вечную жизнь в какие-то особые мгновения, а в вечности он будет непрестанно приближаться к Божеству и воспринимать жизнь как поступательное движение к Нему, где каждое мгновение будет новым.

² Откр. 21, 5.

«Сыне Божий» — что это значит? (Некоторые афонские отцы так еще дополняли эту часть Иисусовой молитвы: «Сыне и Слове Божий».) Все, что имеет Отец, имеет и Сын. Слово Божие означает самовыражение Божества, подобно тому как в слове выражается мысль. «Сыне и Слове Божий» означает: через Сына Божия был сотворен мир. «Слове Божий» — это самовыражение абсолютной мудрости и любви Бога Отца. Затем «Сыне Божий» указывает на то, что сыновство, будучи личным свойством второй Ипостаси Пресвятой Троицы, проявилось также и в том, что Единородный Сын Божий стал Сыном Человеческим, Сыном Девы — Существом, во всем подобным нам, кроме одного — кроме греха; то есть совершенный Бог стал совершенным Человеком. Святому мученику Иустину Философу задали вопрос: «Почему воплотился не Отец, а Сын?». И он ответил: «Потому, что хотел сохранить свойство Своей Ипостаси». Сын Божий рождается вечно от Отца, и здесь Сын Божий воспринял человеческую плоть, то есть по человечеству Он родился от Девы. Отец — это безначальное начало; Сын — безначальное рождение. Рождающийся в вечности родился во времени. Монахи, удалявшиеся в пустыню и занимавшиеся в безмолвии Иисусовой молитвой, становились мудрее тех, кто изучил все науки, всю философию, все, что дала человеческая цивилизация. Но Иисусова молитва не для одних монахов. Монашество — это лишь наличие определенных условий для концентрации человеком своих духовных сил на Иисусовой молитве. Иисусова молитва — это заповедь, обращенная ко всем христианам. Каждый христианин должен стараться в сердце своем творить Иисусову молитву. Иисусова молитва зависит от нравственной и духовной жизни человека, но в той же, и даже еще в большей степени, она сама обуславливает нравственность и духовную жизнь христианина, если, конечно, совершается правильно, то есть с благоговением и покаянным чувством.

Некоторые говорят, что от Иисусовой молитвы можно впасть в прелесть. Святые отцы это решительно отрицают. Они учат, что можно впасть в прелесть из-за своей гордыни, а не из-за Иисусовой молитвы. Человек может нечаянно пронзить себя мечом, которым вооружился против врага. Но это не значит, что виноват его меч. Виноват он сам. Если христианин, еще не пройдя через горнило покаяния, будет искать посредством Иисусовой молитвы каких-то духовных восторгов и мистических откровений, то он может впасть в прелесть. Но не из-за Иисусовой молитвы, а по причине ложной самооценки, потому что уверен в своей способности воспринять особые тайны и откровения Божии. Впадают в прелесть, как правило, самонадеянные из-за своего самомнения. Однако такие люди и без Иисусовой молитвы могут так же впасть в прелесть при любом духовном делании.

«Помилуй мя, грешнаго». Преподобный Симеон Новый Богослов пишет, что он сидел в углу келии и помышлял о своих грехах — бесчисленных, как морской песок, и только вопиял: «Господи, помилуй меня, прости меня!». Мы все без числа согрешаем, и поэтому правильная молитва всегда основана на благоговении и покаянии.

Мы должны искать покаяния. Может быть, покаянное чувство как духовное переживание будет приходить к нам лишь очень редко и на какие-то краткие мгновения, но искать его мы должны.

В Иисусовой молитве надо испрашивать прощения своих грехов. Это — главное. А даст ли Господь остальное — дело Его милости. Искать этого сами мы ни в коем случае не должны. Нельзя «программировать» молитву, как делают некоторые. Они думают, что в Иисусовой молитве им должно быть дано то или это, и затем выбирают как схему для внутренней самонастройки те состояния, которые описывают святые отцы, имевшие совершенно иной образ жизни, чем мы. В Иисусовой молитве необходимо всегда стремиться к покаянию: оно, как и всякий дар Божий, дается во спасение при содействии Божественной благодати.

Святой Василий Великий на вопрос: «Надо ли продолжать молитву, если ты молишься невнимательно?» — отвечает, что невнимательность бывает разная: одна происходит от нашей слабости душевной, а другая — от небрежности. Невнимательность

от небрежности — это грех. Что же касается невнимательности от нашей слабости, то мы в этом отношении должны проявить свою волю. Не может еще молиться наше сердце, не может удерживать себя в словах молитвы наш ум, но мы должны продолжать молитву, как некий труд. И тогда Господь за этот труд дарует нам в свое время внимательную молитву. Для нас необходимы этот труд и искание. Обычно то, что дается сразу и без труда, очень быстро теряется.

Если мы напрягаем свою волю, чтобы молиться нерассеянно, но молитва рассыпается сама, то есть Господь как бы отступил от нас и благодать не помогает, нельзя бросать молитву или ждать какого-то особенного молитвенного чувства. Наоборот! Мы должны трудиться и трудиться. Если же мы молимся с душевным расслаблением, по фарисейски, только лишь для того, чтобы исполнить правило, как бы «избавиться» от молитвы, то такая «молитва» лицемерна и является оскорблением Бога.

Господь смотрит на наше произволение. Есть у нас желание молиться достойно — значит, молитва наша достойна, хотя бы внешне нам и казалось, что мы не молимся. Если этого желания мы не ощущаем, то, по крайней мере, молитва должна быть для нас определенным волевым актом. Если есть определенный волевой акт, направленный на приобретение молитвенного внимания и на борьбу с рассеянностью, то мы дали Богу, что имеем. Евангельская вдовица принесла две лепты, и Господь похвалил ее. Может быть, усилие нашей воли будет этими двумя лептами, хотя бы наши ум и сердце и не могли еще возвыситься до Бога, ибо это внутреннее движение, внутреннее усердие — действительное качество нашей молитвы.

В благодатной молитве благодать Божия присутствует и действует явно. Но такая молитва не всегда служит критерием духовного достоинства человека. Иногда Господь дарует благодатную молитву в самом начале нашего пути, когда мы еще младенчествуем духовно. Делается это для того, чтобы христианин ощутил и увидел то, что ожидает истинно усердного и преуспевающего молитвенника. А потом Господь как бы отдаляет от нас благодать, чтобы мы прилагали свой собственный труд. И это вовсе не значит, что мы опустили на более низкую духовную ступень. Просто наша духовная жизнь вступила в иную фазу.

Сокровище, которое всегда при нас

В Библии есть таинственный образ человека, борющегося с Богом. Ветхозаветный патриарх Иаков возвращался из Месопотамии в Палестину. Его ожидала месть брата Исава. Как бы призрак смерти стоял перед глазами Иакова. И вот ночью с Иаковом случилось странное, загадочное происшествие: он увидел таинственного Незнакомца и вступил с Ним в борьбу.

В первой книге Моисея мы читаем: *И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. И сказал (ему): отпусти Меня, ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал (ему): отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь. Спросил и Иаков, говоря: скажи (мне) имя Твое. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? (оно чудно). И благословил его там³.*

Что означает этот случай? Для многих он непонятен и вызывает лишь недоумение. Как может человек бороться с Богом? Или как мог настолько крепко заключить в свои объятия Бога, что всемогущее Божество не могло вырваться из его рук? И почему Иаков говорит Тому, с Кем он боролся: *Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня?* Святые отцы объясняют, что здесь символически, в иносказательных образах говорится о глубокой, сердечной молитве — молитве, которая становится победоносной. В такой молитве человек как бы так же охватывает своими руками Бога, как борец охватывает

³ Быт. 32, 24–29.

борца. Молитва — это та великая сила, которая удерживает наказание Божие, заслуженное человеком. Молитва, если можно так выразиться,— это та великая сила, которая побеждает самый Промысл Божий, а точнее, включена в него. Борьба, которую Иаков вел с Богом всю ночь, означает молитву покаяния — молитву с глубокой ночи до рассвета. Эта молитва, исходившая из глубины сердца, достигла Божества. Всемогущий Бог, Который превыше всего и проникает во все, а Сам пребывает непостижимым для сотворенных Им существ, этот Бог являет Себя пленником молитвы, показывая тем самым, какая великая, могучая сила находится у человека. Эта сила — молитва пламенного покаяния.

Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. Молитва Иакова — молитва пламенной веры и надежды. Иаков говорит как бы так: «Я не перестану молиться, хотя бы дух мой разлучился с телом во время молитвы. Я не оставлю молитвы, пока Ты не исполнишь ее». Бог касается бедра Иакова. Что это значит? Святые отцы объясняют, что бедро является символом чувственности человека. Поэтому здесь иносказание: человек должен владеть своей чувственностью. Эту же мысль святые отцы выражают так: «Дай кровь и прими Дух». Человек должен побеждать, поработать свои страсти. Это одно из условий молитвы.

Молитва — самый мощный двигатель духовной жизни. Она являет собой те подземные воды, которые питают всю нашу духовную жизнь. Более того, можно сказать, что сама духовная жизнь — это прежде всего степень нашей молитвы. Мы духовно живем в той мере, в какой молимся и умеем молиться. У святых отцов молитва названа словом «художество». Художество означает самое высокое искусство, самую высокую науку, требующую от человека непрерывных творческих усилий, то есть непрерывной живой молитвы. Молитва лучше, чем что-либо другое, разрешает все задачи, которые ставит перед нами жизнь. В молитве человек находит разрешение всех своих проблем — как духовных, так и житейских. Молитва незримо защищает человека от всех его врагов — видимых и невидимых. Если мы внимательно проследим свою жизнь, то увидим, что, когда обстоятельства казались безвыходными и никто не мог нам помочь, единственным нашим оружием была молитва: Господь неоднократно чудесно избавлял нас от беды, от скорби. Но только на том свете, в вечности, мы узнаем вполне, от каких еще страшных опасностей, зол и несчастий охраняло нас наше молитвенное делание.

Молитва — это то достоинство человека, которое не может отнять никакая внешняя сила. Молитва всегда с нами — не только лишь в этой земной, временной жизни, но и в жизни загробной, вечной. В сущности, сама вечность как непрерывное движение человеческой души к Богу — это вид молитвы, но не словесной, а иной. Молитва изменяет человеческое сердце, открывает и пробуждает обычно спящие и неведомые нам самим сердечные силы. Молитва духовно обновляет наше сердце, делает его чутким и прозорливым.

В Книге Притчей Соломоновых сказано: *Нечестивый желает уловить в сеть зла; ... но праведники прозорливостью спасаются*⁴. Прозорливость — это особая духовная интуиция, различение добра и зла, замаскированного и скрытого под личиной добра. Молитва отрывает душу от земли. Вне молитвы человек прикован к земле, как мифический Прометей к скале.

Молитва дает уму человека некую духовную способность: это умение ощущать, чувствовать достоверность истины. Как человек чувствует вкус пищи, отличает сладкое от горького, здоровую пищу от испорченной, так и молитва дает уму особую способность чувствовать истину и ложь. Святые отцы говорят о том, что молитва выше всех добрых дел. Все добрые дела, совершаемые человеком, ограничены определенными лицами, которым мы благотворим; иногда же это наше «добро» и вовсе не приносит другим настоящего блага и счастья. А сила молитвы простирается на весь космос. Молитва людей и молитва Церкви — это та огромная гармонизирующая и очистительная сила, которая, можно сказать, сохраняет бытие всего космоса. У апостола Павла есть такие таинственные

4 Притч. 12, 12; 11, 9.

слова: *Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь*⁵. Что это за удерживающий, который не дает прийти на землю олицетворению зла? Святые отцы говорят, что эта удерживающая сила есть дух благочестия и прежде всего — дух молитвы. Когда иссякнет дух молитвы, видимый мир придет в состояние разложения и распада, ибо уже не будет силы, обновляющей его. Поэтому молитвенники, уходившие из мира в монастыри и пустыни, и многие простые, незаметные, никому не ведомые в этом мире люди, достигшие путем многотрудного духовного подвига, напряжением всех своих сил непрестанной молитвы,— величайшие благодетели всего человечества.

Молитва — это сокровище, которое всегда при нас. Его не могут ни украсть, ни отнять. Молитва — это бесценное сокровище, которое всегда и везде с нами, куда бы мы ни пошли, чем бы ни занимались. Что бы ни случилось с нами — пусть бы даже мы лишились всего, что имеем,— нашу молитву не могут отнять у нас ни люди, ни демоны — ничто, кроме нашего собственного нерадения. Если даже все наше тело будет изъязвлено болезнью, молитва останется при нас, как «душа нашей души». Молитва выше любых богословских рассуждений, потому что все они лишь показывают нам путь. Богословские истины являют нам только тень Божества, описывают духовный мир как внешний объект. А молитва включает нас в этот невидимый духовный мир, делает его частицей. Молитва прекраснее всего. Только в молитве мы можем соприкоснуться с горним миром и увидеть очами сердца небесную и Божественную красоту. Молитва неисчерпаема. Для тех, кто старается слить с ней свое сердце, она всегда открывает что-то еще неизвестное, как будто мы совершаем ее в первый раз. Молитва основывается на надежде, однако она есть и исполнение надежды. В молитве мы реально соприкасаемся с тем, на что надеемся, то есть молитва как бы дает нам будущее, еще не осуществленное, в качестве уже осуществленного и исполненного. Поэтому молитва опережает само время. Молитва — это сияние веры, тепло надежды, жизнь самой любви. Молитва внешнее делает внутренним. Духовные книги мы можем потерять, их могут украсть или сжечь. Болезнь может отнять у нас зрение, друзья — бросить, любимый человек — изменить, родные — обмануть и стать чужими, мир — изгнать, небо — опалить огнем, земля — разверзнуться под нашими ногами, ночь — удушить страшными сновидениями, день — превратиться в тьму искушений и стать мрачной ночью. Одна молитва никогда не изменит нам. Только она есть наше неотъемлемое достояние.

Молитва не знает расстояния. Она проходит через моря и горы, возносится к небесам, проникает в глубь земли, нисходит в ад. Мы молимся об умерших, как о живых, и только молитва дает нам реальное ощущение того, что умершие живы и связаны с нами тысячами духовных нитей. Молитва — лик нашей души. Молитва — свет нашей души. Молитва — воскрешение нашей души прежде всеобщего воскресения. Молитва — это битва человеческого духа с силами ада, и в этой жестокой битве неизменный Помощник человека — Сам Господь. Молитва — бой, и молитва — победа. Молитва — оружие, и молитва — знамя. Молитва — сокровище неоскудеваемое и неизживаемое. И сколько бы мы ни пользовались этим сокровищем, оно будет лишь приумножаться. Молитва — духовный хлеб, которым мы питаемся сами и питаем других. Этот благословенный хлеб никогда не кончается.

Вращение духовных сфер

Молитва — это свободный акт человеческого духа, реализация той любви, которая некогда соединяла человека с Богом. Золотая цепь этой любви была разорвана, нарушена человеческим грехопадением. Молитва есть восстановление прежней связи человеческого духа с Божественным Абсолютным Духом — связи, которая существовала у первозданных людей. Молитву, как кажется, можно представить и описать только через определенные аллегории и образы. Логически её разобрать невозможно, так как сама молитва намного

глубже, чем аналитическое, рассудочное мышление. Следовательно, если мы даем какую-нибудь логическую, философскую интерпретацию молитвы, то, в лучшем случае, можем указать лишь на некоторые внешние ее проявления. А глубинная сущность молитвы всегда будет ускользать от поверхностного, рассудочного мышления.

Наша жизнь — странствование по огромной пустыне: для истинного христианина весь этот мир кажется пустыней. Здесь он внутренне одинок, его не понимают, его слова не встречают отклика в душах других людей. Непонятый, утомленный и часто отвергнутый миром, христианин может излить душу в молитве к Богу. Молитва дает ему истинное свидетельство, истинное удостоверение в том, что он в этой огромной пустыне не одинок, что с ним Бог. В молитве человек укрепляет свои силы. Вне молитвы человеческая душа ослабевает и духовно гибнет. Поэтому молитву можно сравнить с источником родниковой, чистой, живой воды. И уставший в мирском странствовании путник утоляет этой живоносной водой свою духовную жажду. Но это не просто источник, из которого пьет он сам. Если в сердце человека водворится непрестанная молитва, случается великое чудо: он сам становится источником живой воды для других.

Люди, ищущие Бога, невольно тянутся к тому, в чьем сердце течет молитва. Пусть христианин скрывает свое духовное делание и вообще не говорит ни о чем духовном, но если в сердце его идет истинная, покаянная молитва, от него исходит некий духовный свет. Этот дивный свет невидим глазами, но его может почувствовать каждый, кто ищет Бога. И поэтому многие простые монахи и даже миряне, внешне не отличающиеся ни образованностью, ни красноречием, ни какими-нибудь обширными познаниями, в то же время, как магнит металл, притягивают к себе души людей. Народ окружает этих молитвенников, тянется к ним, как бы желая около них утолить жажду своей души, жажду, которую не могут утолить ни плотская мудрость, ни земные знания, ни суетные наслаждения, ни мимолетные радости. Тот, кто имеет в своем сердце глубокую и непрестанную молитву, становится духовным источником, около которого люди, изнемогающие от тягот, противоречий, скорбей этой жизни, получают духовное утешение и укрепляют свои силы. Поэтому каждый священник прежде всего должен заботиться о том, чтобы в сердце его была молитва, заботиться больше, чем о приобретении внешних богословских познаний. Без внутренней молитвы философские и богословские познания пастыря мертвы, и сердце человека не откроется для него. Пастырские наставления будут восприниматься лишь внешне, холодным умом. От холода исходит холод; холод нашего сердца не может зажечь огонь в сердцах других. Поэтому, как кажется, самый главный долг священника — это молиться за свою паству и за весь мир, непрестанно повторяя в своем сердце Иисусову молитву или же те молитвы, которые внутренне близки его душе.

Иисусова молитва самая высокая и всеобъемлющая, но человек при желании может выбрать и другую краткую молитву, например какие-нибудь стихи из псалма; некоторые постоянно читают «Отче наш». Есть такие люди, которые произносят только два слова: «Господи, помилуй!», но при этом их сердца всегда обращены к Богу. Словом, здесь не существует твердого и неизменного правила: как хочет твоя душа, так и молись. Святитель Феофан Затворник говорил, что если человек читает молитвенное правило и сердце его раскрылось на какие-то слова молитвы, откликнулось на них с особой силой, то не надо спешить идти дальше, надо остановиться и дать своему сердцу напитаться этими словами. Когда же оно насытится, человек почувствует сам; тогда уже пусть читает он молитвы дальше.

В мире есть много ценностей, и иногда они заставляют нас забывать о молитве. Но проходит время, и мы видим, что эти ценности превращаются в сор и прах; и единственное реальное сокровище, которое может приобрести человек,— это молитва. Действительно, если мы окинем мысленным взором всю свою жизнь, то увидим, что истинной жизнью нашего духа были лишь те немногие мгновения, когда мы пребывали в молитве. Так, например, молитва перед чудотворной иконой или внутренняя молитва,

когда благодать коснулась сердца, воспринимается нами как истинная жизнь, а все остальное по сравнению с ней — какой-то серый сон.

Молитва — это великое сокровище, которое добывает человек. Молитва — это рудник, а в руднике драгоценные камни и металлы добываются с большим трудом: они не лежат там открыто, у всех на виду, но извлекаются из твердой породы. Поэтому для молитвы и нужен постоянный напряженный труд. Однако те золотые и алмазные крупички, которые мы добыли путем тяжкого молитвенного труда, уже навсегда становятся достоянием нашего сердца. Они хранятся где-то глубоко внутри, так что даже и не видны нам. Но в определенное время наш дух начинает жить именно теми силами, которые мы приобрели в молитве. Без молитвы человек остается нищим. Он может потерять все — все и теряет. Нет ничего в этом мире, что осталось бы с нами навсегда: или оно покинет нас, или мы его. Лишь только молитва является истинным неотъемлемым достоянием человеческого сердца. Человек, собираясь в дальний путь, берет с собой посох, на который опирается в дороге. И молитва, как некая духовная опора, делает наш путь значительно легче, неожиданно превращая трудноисполнимые для нас дела в легкоисполнимые. И наоборот: если человек без молитвы, полагаясь только на свои силы и способности, принимается за какое-нибудь, пусть даже самое простое дело, то перед ним часто встают совершенно неожиданные и непреодолимые препятствия.

Молитва — корень всех добродетелей. Все истинные добродетели — дар Божественной благодати. Вне благодати Божией никакие дела не спасают человека. Истинные добродетели приобретаются только тогда, когда человек дает в своем сердце место действию Святого Духа; они испрашиваются у Бога в молитве и сохраняются лишь молитвой. Поэтому молитва и собирает, и хранит.

Молитва — это крылья души. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Что нам делать, когда нас окружают враги, когда каждый наш шаг подстерегают сотни опасностей?» — и продолжает: «Поднимись выше земли, и все враги твои будут бессильны и опасности уничтожены. Какие бы силки ни ставились для птицы, пока она летает в вышине, они не угрожают ей. Так и ты, человек, если мыслями и сердцем влачишься по земле, то ты окружен врагами, на пути твоём стоят западни и подстерегают тебя опасности. А ты поднимись ввысь над землей, и все опасности исчезнут». Как можно подняться ввысь? Подняться можно только в молитве, поэтому молитва — крылья души, возносящие человека превыше всех его врагов.

Молитву называют вращением духовных сфер. Трудно понять нам, что это значит. А суть этого определения в следующем: искренняя покаянная молитва непрерывно приводит человека во все новые и новые состояния и положения по отношению к Небесной Церкви. Истинная покаянная молитва привлекает к человеку совершенно неведомые ему светлые духовные силы. Так один монах, внезапно войдя в келью преподобного Иоанна Колова, увидел, что тот спит на своем ложе, а у изголовья стоит его Ангел-хранитель. Вообще, этот святой отец — авва Иоанн — был известен среди монахов тем, что всегда пребывал в молитве. Часто он даже забывал и о своем рукоделии, и о других людях. Иногда преподобный погружался в такое состояние, что как бы полностью оставлял земной мир и приближался к другому миру — небесному, ангельскому. Однажды к нему пришел погонщик верблюдов, который брал у монахов их рукоделие (авва Иоанн плел корзины), затем отвозил в Александрию и продавал, а на вырученные деньги покупал монахам хлеб и продукты. Постучал погонщик в келью святого старца и, когда тот вышел, спросил его:

— Приготовил ли ты корзины, отец?

Иоанн ответил:

— Я сейчас вынесу их.

Затем авва вошел в келью и забыл обо всем: и о погонщике, и о корзинах. Он пребывал в каком-то духовном восхищении, то есть в особом молитвенно-созерцательном

состоянии. Долго ждал погонщик и потом постучал опять. Снова вышел к нему авва Иоанн, и диалог почти повторился:

— Отец, я жду корзины.

— Прости меня, я сейчас принесу их.

И вновь сей богоносный муж возвратился в келью, забыл обо всем и погрузился в молитву. Терпеливо ждет погонщик, любящий великого старца, и наконец решается постучать в третий раз. Звучат всё те же слова:

— Отец, вынеси корзины.

— Хорошо, я вынесу их.

И вот, возвращаясь во внутреннюю келью (обычно келья делилась на два отделения: первое — для молитвы, второе, нечто вроде чуланчика,— для ремесла), святой Иоанн все время повторяет: «Верблюд и корзины, верблюд и корзины», чтобы не забыть о том, что надо взять корзины и отдать их погонщику. Все вышесказанное говорит о том, что молитва у древних подвижников была настолько глубока, что они были ближе к духовному миру, чем к земному. Они как бы слегка касались земного мира — только ступнями ног, а жили в мире ином, невидимом, духовном. Поэтому истинная покаянная молитва вращает духовные сферы, то есть делает духовный мир иным по отношению к нам.

Молитва есть поклонение Богу. В Евангелии от Иоанна говорится о том, что Бог ищет Себе поклонников *в духе и истине*⁶. И таким поклонением — *в духе и истине* — является непрестанная сердечная молитва, сокровенная от человеческих взоров. В ней пробуждается человеческий дух, который обычно находится в некоем спящем состоянии, ибо погребен нашими страстями и как бы оцепенел, омертвел.

То, что мы чувствуем чаще всего,— это не дух, а душа; то, что мы переживаем чаще всего,— это наши душевные переживания. Иногда мы стоим в храме, молимся, испытываем радость. Но вот мы вышли из церкви, дошли до остановки автобуса, и радость наша уже пропала, как будто ее и не было. Что это значит? Дело в том, что мы испытывали не духовную радость, а душевную. Настоящая духовная радость совершенно отлична ото всего иного. Она как бы прозрачна, световидна и воспринимается совсем по-другому: как новая жизнь, как если бы что-то новое, незнакомое и в то же время очень знакомое, словно давно потерянное, вдруг обрелось и ожило в нашем сердце. Духовная молитва описаний почти не имеет. Можно только сказать, что она воспринимается как воскресение души прежде воскресения тела. Духовная молитва и есть истинное поклонение человека Богу. Но такая молитва дается лишь через долголетние, напряженные труды, и не только, я бы сказал, через одни молитвенные труды, но и через всю жизнь человека, которая должна соответствовать молитве. Здесь происходит обоюдный процесс: молитва помогает исполнению Господних заповедей, исполнение заповедей — пробуждению духовной молитвы. Духовная молитва становится непрерывным поклонением Богу *в духе и истине*, а человек — истинным поклонником Небесного Отца, одним из тех поклонников, которых ищет Бог.

Смерть и воскресение

Самой широкой из всех заповедей, охватывающей всю духовную жизнь человека, заповедью, исполнение которой должно превратиться в постоянное состояние человеческой души, является заповедь о молитве. Ее выразил апостол Павел в двух словах: *Непрестанно молитесь*⁷. Другие заповеди представляют собой или отдельные действия, совершаемые в определенное время, или чувства, которые не могут быть постоянными и неизменными. Даже любовь к Богу сменялась у подвижников периодами охлаждения. Этот духовный пламень то ярко горел в их сердцах, то промыслительно скрывался в тайных глубинах их духа.

⁶ Ин. 4, 23.

⁷ 1 Фес. 5, 17.

Человеческая душа по своей природе проста, но после грехопадения единство ее сил нарушилось, они пришли в состояние болезненного разлада, обособления, часто противятся друг другу. В молитве же происходит соединение этих сил, пробуждение духа и обращение того, что Христос назвал оком сердца⁸, к Богу.

Благодать связывает грехи и страсти, но они продолжают жить и действовать в душе человека даже в то время, когда ему кажется, что он на крыльях благодати поднялся выше грехов и уже всецело принадлежит Богу. Стоит ему только лишь ненадолго утратить благодать, как страсти, точно проснувшиеся звери, снова примутся терзать своими когтями его сердце.

Молитва — это свет души. Меркнет свет — и человек погружается во мрак. Он теряет чувство вечности, он перестает видеть самого себя. Бог становится для него не Живым Богом, Которого он ощущает всем своим существом, а отвлеченно-рассудочной идеей, похожей на холодный и далекий свет звезды.

Молитва стала для нас некой внешней данью, которую мы уплачиваем в определенное время, и то стараясь сократить или вообще избежать ее. А между тем молитвословия, данные Церковью, необходимы: они являются средством для приобретения молитвы непрестанной. В жизни древних христиан молитва служила как бы стержнем, на который нанизывались прочие их добродетели, и донине поражающие нас своим величием. Молитва была для них непрестанно текущим подземным источником, который незримо питал их деяния, мысли и чувства. Молитва была для них тем небесным огнем, отблески которого озаряют порой и нас, когда мы читаем творения подвижников и святых. Поэтому изречения аскетов, собранные в патериках, простые и краткие, но удивительно яркие и образные, похожие, кажется, на самих одетых в ветхие хитоны старцев, производят поразительное действие на сердца людей.

Человечество все больше удаляется от Бога. Когда-то можно было разделить мир на христианский и языческий. Теперь христианский мир похож скорее на огромную пустыню, где только изредка каким-то чудом уцелели немногие оазисы и по местам из-под камней и песка пробивается чахлая трава.

Единственная сила, которая может противостоять сыпучим пескам этой всепоглощающей пустыни,— это молитва.

Мир перестал понимать молитву. Он или отвергает молитву (чаще всего ссылаясь на множество неизбежных внешних дел), или смотрит на нее как на медитацию — средство для определенного психологического настроения, то есть приравнивает ее к аутогипнозу или самовнушению. И это по-настоящему страшно. Ведь мир, потерявший молитву, потерял Бога...

Самое опасное в духовной жизни — это компромисс. Компромисс постепенно делает человека фарисеем, у которого два лица и две воли. Именно из-за компромисса с духом мира тяжелеет наша душа и слабеет молитва. Дух мира привязывает человека к земле сотнями нитей.

Что нужно для того, чтобы научиться молитве?

Прежде всего молитву надо считать самым главным делом в своей жизни, а все остальное — второстепенным. Нужно, чтобы вся наша жизнь способствовала молитве, а то, что мешает ей, изгонялось из нее. И это не есть отказ от внешней деятельности. Древние христиане добросовестно исполняли свои дела и работу, считая их служением не людям, а Богу. Мешает другое — наше неправильное отношение к миру, к людям и самим себе. Ангелы посылаются служить людям, но от этого они не теряют молитвы. Молитва гаснет от нашего страстного, пленяющего сердце отношения к миру, его делам и проявлениям, от нашей всецелой преданности им.

Человек должен возненавидеть то, что препятствует молитве. Душа состоит из трех сил: ума, чувства и воли (или иначе: мысленной, желательной и раздражительной сил).

⁸ См.: Мф. 6, 22.

Препятствием в молитве для рассудка является его гордыня. Гордыня рождает властолюбие и уверенность в своих силах. Если человек уверен в себе, то он не может просить. Его молитва превращается в заученный монолог, Бог перестает быть ему нужным. Ум, надеющийся на себя, отключается от Бога и под действием гордыни и страсти властолюбия старается черпать силы, как бы приобретать оружие и блеск для своего величия во внешних знаниях. Здесь возникает любопытство ума. Человек загружает себя ненужными знаниями, которые считает своим интеллектуальным богатством. Эти знания питают его гордость, а тщеславие требует все новых знаний. Такой человек похож на скупого, который все тащит с улицы в свой дом. Его комната делается словно мусорная куча, ему трудно дышать и передвигаться из-за хлама, но, вместо того чтобы выкинуть его, он собирает еще более ненужный хлам. Ум, загруженный ненужными знаниями, приобретенными из-за тщеславия и неукротимого любопытства, тянет душу вниз. Он будто птица, к крыльям которой привязан свинец: она хочет взлететь, но, придавленная тяжестью к земле, не может и лишь беспомощно мечется.

Высоких молитвенных состояний обычно достигают люди, простые умом и сердцем, или же те, кто посчитал приобретенные прежде мирские знания за пыль и прах.

Человек должен отказаться от ненужных знаний, чтобы иметь свободным то пространство души, в котором может действовать благодать.

Ложные знания — это исписанная, истертая доска, на которой невозможно уже ничего написать и изобразить. Ненависть к ложным знаниям и гордыне рассудка открывает перед человеком таинства веры и духовную мудрость. Незнание внешнего и преходящего, того, что не переходит в вечность, становится началом истинного знания духовного мира и пути к нему. А неведение того, что не нужно для спасения, что относится лишь к круговороту земного бытия, становится почвой, на которой растут цветы духовной мудрости. Птица, вырвавшаяся из петли, свободно взлетает вверх. Ум, обратившийся от многознания к простоте ребенка, входит в ту внутреннюю клетку, где он наедине беседует с Богом.

Что нужно сделать, чтобы сократить поток постоянно перегружающей нас информации? Сначала отказаться от греховного, явно вредного, затем от ненужного, а потом даже нужное свести до минимума, до самого необходимого; при этом качество работы человека вряд ли ухудшится, так как вместо механической памяти в нем пробудится память творческая, он приобретет умение через малое достигать многого.

Следующим врагом молитвы является наслаждение, обольщающее человеческие чувства. Это эмоциональная провокация, которой человеческая душа поддается больше всего. Наслаждение — это суррогат счастья, демоническая подделка, призванная подменить собой потерянную человеком духовную радость. Оно оканчивается тягостным чувством внутренней опустошенности, и при этом чем интенсивнее было само наслаждение, тем сильнее будет и последующее ощущение потери. За эмоциональным подъемом, пережитым душой, следует некий провал в душе, как бы тень смерти. И это самый верный знак того, что наслаждение отключает душу от Бога — Источника жизни.

Современная культура, за немногими исключениями, представляет собой культ наслаждений, иногда в подчеркнуто безобразном виде, а иногда под внешне привлекательной личиной добродетели. Страстное сердце не может быть частицей неба, оно становится горстью земли. Сердце, загрязненное и обессиленное наслаждением, не только не может молиться, но даже противится молитве, ненавидит молитву, как пес ненавидит того, кто пытается вырвать у него отравленный кусок мяса. Такой человек или совсем бежит от молитвы, или только произносит заученные слова, как сочетание звуков, не понимая, к Кому он обращается и чего просит, то есть оставляет от молитвы лишь внешнюю форму.

Чтобы научиться молитве, надо возненавидеть наслаждение, как своего врага, отбросить то, что вызывает страсть, хотя бы это было так же трудно, как, по слову

Спасителя, отсечь себе руку или выколоть глаз для того, чтобы войти в Небесное Царство⁹. Мир особенно яростно защищает свое право на страсть и наслаждение, полагая в этом главную цель человеческой жизни. Именно поэтому почти все искусство и занимается тем, что украшает разлагающийся труп наслаждения шелковыми одеждами и золотом.

Чаще всего страсть возбуждается ярким чувственным образом; поэтому для приготовления к молитве образы, навеянные светским искусством и светской литературой, а также грезами и фантазией, должны безжалостно изгоняться, как воры, проникшие в наш дом.

Молитва — это зеркало внутреннего состояния человека. Молитва — это испытание человеческой души на верность Богу.

Третья сила души — сила воли. От нее зависит способность человека сосредотачиваться на нужном и защищать ум и сердце от ненужного. Иногда ее называют мужеством души. Волю расслабляет то же, что и ум и сердце: многоведение, чрезмерная попечительность и суета, забвение главного и приманки наслаждений. Свойства воли — решимость и терпение.

В молитве трехчастная душа становится триединой.

Белый цвет кажется особенно ярким на черном фоне. Духовный свет становится особо интенсивным в поле волевого неведения. Апостол Петр сказал Христу: *Вот, мы оставили все и последовали за Тобою*¹⁰. *Оставили все*, то есть земные обычаи, законы, представления и знания, то, что дает мир своим сынам; *оставили все*, то есть оставили свои человеческие помыслы и желания. Идти за Христом — значит идти путем молитвы, который проходит через человеческое сердце. Поэтому истинно молиться способны лишь те, кто, подобно апостолам, может сказать: *Вот, мы оставили все и последовали за Тобою*.

Молитва — это смерть и воскресение: кто не умирает для мира, тот не может воскреснуть для вечности. Кто не отказался от себя, тот не может найти себя.

Стяжание благодати

Спасение — это стяжание благодати, той невидимой силы Божией, действием которой преображается человеческая душа.

В благодати всегда все новое, она неисчерпаема, как Само Божество. Благодать открывает человеку три видения. Первое — видение мира Божественного, который становится для него внутренней очевидностью, и это внутреннее видение мира никогда не представляет собой две одинаковые, тождественные картины. Благодать открывает духовный мир всегда как новое и неожиданное в различных емкостях и глубинах. Это видение не имеет материальных форм, красок и очертаний, но в то же время это не пустота, как некий бездонный вакуум, не метафизическая темнота, в которой душа человека теряется, — это мир других измерений, который открывается душе как незримый свет, совершенно несравнимый со светом физическим — с сиянием огня или лучами солнца.

Второе видение — это собственная душа человека, внутренняя бездна. Благодать открывает человеку его душу в ее растлении грехом, в гное страстей, в ее глубоком падении. Само видение греха является началом исцеления. Здесь странная и непонятная антиномия: благодать открывает взору человека темное дно его сердца, где, как змеи, копошатся страсти, и в то же время делает его душу все более прекрасной, как бы снимая с нее грязные лохмотья и облачая в белый венчальный наряд.

Третье видение, которое подает благодать, — видение мира, окружающего нас. Человек видит в мире то же, что в своей душе, — отпадение свое от Бога и следы потерянного рая. И он начинает любить этот падший мир, но уже другой, не пристрастной к нему любовью, а соединенной с жалостью, с болью о том, что люди сами ввергли себя в море страданий, что они глухи к призывам Бога. Благодать открывает человеку трагедию

⁹ См.: Мф. 5, 29–30.

¹⁰ Мф. 19, 27.

мира, он познает Божественную любовь, которой мир не принимает. Благодать открывает человеку, что самое страшное несчастье — это неведение Бога и вечная смерть, поэтому человек начинает по-настоящему сострадать тем, кого он прежде считал своими врагами.

Благодать всегда творит новое. Но откровение Божие было дано Церкви, и поэтому Таинства, богослужения, молитвы, как духовные каналы благодати, имеют свою форму, устанавливавшуюся веками. И здесь опять антиномия: в одних и тех же формах Таинств, обрядов и молитв человек может и должен находить новое содержание, так как обряды — это символы, которые включают человека в мир бесконечного, где нет границ и пределов для духовного совершенства.

Возьмем пример: взору человека небосвод представляется ограниченным горизонтом; это как бы голубая сфера или хрустальный купол, венчающий землю; однако в действительности небо не только безгранично в своих глубинах, но и всегда неповторимо для человека. Если христианин будет внимательно читать церковные молитвы, то раз за разом будет открывать в них что-то новое, прежде неизвестное, проникать в их смысл, переживать по-иному каждое слово; ему будет казаться, что он впервые читает молитву, которую давно знает наизусть. Потому-то некоторые из святых отцов и называли молитву творчеством; только это особенное творчество, обращенное не вовне, а к своей собственной душе. Молитва сопряжена с усилием. Наша ленивая плоть и страстная душа противятся ей. Часто эта борьба бывает напряженной и мучительной: в ней человек противостоит своему падшему естеству, миру, который врывается в него через помыслы и обольстительные картины, и демоническим силам, которые при попусчении Божиим мучают человека, наполняют его сердце тоской, безотчетным страхом, ненавистью, а иногда доводят до состояния полного изнеможения.

Для того чтобы внимательно молиться, нужен подвиг, подобный бескровному мученичеству.

Здесь снова антиномия: в молитве сочетаются боль и радость, борьба и покой, труд и утешение. Молитва — своего рода экзамен, который сдает человек, обнаруживая тем самым, какова в действительности его жизнь. Но подлый человеческий эгоизм хочет получить награду без труда, и лукавый ум человека соглашается со страстями обмануть Бога. Это происходит как бы незаметно, подсознательно. Человек перестает понимать, что молитвенные слова получают животворящую силу лишь тогда, когда они осмысливаются умом и переживаются сердцем. Молиться рассеянно, словно в полудреме для плотского человека намного легче, и постепенно происходит подмена молитвы как состояния души простым произнесением молитвенных слов, то есть возникает разлад между волей, умом и чувством, которые при молитве внимательной сливаются воедино. Ум наполняется помыслами, точно нечистыми животными, которых никто не гонит из дома; сердце становится глухим к молитве, твердеет, как камень, на котором от молитвенных слов не остается и следа. Воля отключается от разума и сердца, делается подобна провисшей струне, которая если и издает звук, то неверный. Между человеком и Богом вырастает какая-то невидимая стена. Человеку начинает казаться, что чтение определенного количества слов и является молитвой, и он усиленно стремится, как к заветной цели, к последнему слову — «Аминь».

Если такому человеку сказать, что он не молится, а обманывает себя и Бога, он оскорбится и даже не поймет, в чем его упрекают. Сущность фарисейства — внешний ритуал без духовного содержания, поза благочестия при пустом сердце. Человек постепенно забывает о тех благодатных состояниях, которые переживал в прошлом. На молитву он уже смотрит как на некое внешнее дело, как на ярмо, которое должно нести, как на дань, которую он должен заплатить. Этой данью становится количество прочитанных страниц. Гаснет свет молитвы в человеке и вместе с этим духовный мир становится для него далеким. Нередко люди нерелигиозные удивляются тому, что некоторые верующие, православные христиане, регулярно посещающие храм, практически не изменяются к лучшему, оставаясь всё теми же — со всеми своими

недостатками и пороками. Чаще всего так случается именно потому, что эти христиане угасили свою собственную молитву, подменив ее некой словесной оболочкой, шелестящей, подобно сухой бумаге. Если такого человека спросить, о чем он молится, он вряд ли сможет ответить, ибо не дает себе даже и малого труда, какой потребен хотя бы для понимания смысла читаемого или слышимого, не говоря уже о духовных переживаниях. Бывает, что человек, закончив молитвенное правило, не помнит, утренние или вечерние молитвы прочел он только что.

Особая опасность здесь кроется для священнослужителей. Они должны читать молитвы «по заказу», несмотря на занятость, усталость, на свое душевное состояние. Поэтому немалый для них соблазн прочесть молитву, не включившись в нее как должно, не пережив ее сердцем. Потому-то и требуется от священника несравненно БОЛЬШЕЙ подвиг — быть внутренне всегда подготовленным к молитве, совершать каждую требу как свое кровное дело.

Обычно те, кто молится небрежно и рассеянно, становятся небрежными также и в отношении к исполнению заповедей Божиих: нравственная сторона христианства как бы упраздняется ими. Они перестают видеть и ощущать свою греховность. Слабеет молитва — слабеет покаяние, а за ними замирает и духовная жизнь. Стоя на молитве дома или в храме и предаваясь беседе с помыслами или обдумыванию житейских дел, такой человек, вычитав правило или уходя после богослужения, доволен собой: «Помолился», вовсе не осознавая того, что стоял перед Богом как мертвец.

Часто ложная, фарисейская молитва развивает у человека особую гордость: он начинает порицать и учить других, как будто получил право на это. В общении такие лицемерные «молитвенники» обидчивы, раздражительны, даже злы, и неверующие, видя это, говорят: «В церковь ходит, а ведет себя хуже нас». Такие люди не понимают, что давно перестали по-настоящему пребывать в церкви: в храме находятся лишь их тела, как гроб души, а ум закопан, погребен под мирскими заботами. Они погружены в свои мечты и планы, по существу, глухи и слепы к происходящему в храме, сердца их закрыты для благодати, которая нисходит на молящихся во время богослужения, внимание их сосредоточено лишь на убранстве храма, на том, кто из знакомых пришел сегодня на службу, как они одеты; подходя поприветствовать их, сообщают и узнают новости; то разглядывают лица, то возмущаются тем, что их толкнули, то негодуют, зачем у певчих скверный слух. А выходя из храма, они вполне уверены, что помолились и заплатили дань Богу. Это состояние духовного самодовольства и лицемерия можно назвать обывательским фарисейством.

Но есть другой тип людей, которые хотят молиться, но их молитва рассыпается, как дом из песка; они напрягают силы, но не слышат собственной молитвы, подобно тому как не проникают звуки голоса за железную дверь тюрьмы. Это люди, которые наполнили свою душу и память внешним, как наполняют вещами пространство комнат, так что становится трудно передвигаться и дышать; это люди, возведшие знания в культ, одержимые чрезмерным поглощением информации, из-за чего ум разбухает и делается дряблым, как тело обжоры, как чрево Гаргантюа, который поглощал все, что находилось на его огромном столе. Такие люди живут, точно Плюшкин среди собранного им хлама, в мире накопленной информации, ненужной и бессистемной. Ум теряет свою силу, пытаясь усвоить этот материал, переполняющий память человека и бессистемностью подавляющий его творческие способности, но материал этот почти весь так и остается мертвой рудой. Душа, задыхаясь в груде внешних знаний, не может подняться над земным. Земное — удел ученых, они могут порассуждать о Боге, но, пытаясь молиться, нередко задыхаются, подобно несчастным, страдающим астмой.

Второй культ — культ эмоций, душевных волнений и переживаний. Его служители — люди, увлеченные искусством, живущие в мире своих грез и воображения. Их сердце, наполненное страстями, так же глухо к молитве. В храме они погружены в свои мечты; сетуют, что в богослужении мало эффектности. Служба воспринимается ими как нечто

чуждое и очень скучное; иногда они пытаются составлять свои молитвы — так, как другие пишут стихи, но вскоре приходят к выводу, что в театре душевная жизнь куда ярче, разнообразнее и эффектнее.

Третий культ — культ наслаждений на уровне ощущений; здесь преобладают жажда удовлетворения похоти и жажда крови. «Жрецы» этого культа теряют не только духовный, но и душевный облик. Об этой категории людей и говорить не стоит: у свиньи глаза всегда устремлены вниз. Но беда в том, что эти люди нередко считают себя христианами. Что сказать об их молитве? Они молятся только тогда, когда срываются со скалы или когда у них обнаруживают злокачественную опухоль.

Дыхание жизни

Духовная жизнь во многом — это искусство молитвы. Святые отцы называли молитву дыханием жизни, нервами души, золотым дождем, льющимся в душу человека, неиссякаемым источником благодати, небесным сокровищем, которое человек всегда имеет при себе. Молитва — это ключ, открывающий врата Небесного Иерусалима.

Молитва — это лестница, по которой душа восходит от земли к престолу Божию.

Молитва — вечный, нетленный, неугасимый небесный свет, который видит сердце человека.

Молитва — воскресение человеческой души прежде воскресения тела.

Молитва — крылья души: без нее душа в своих помыслах и страстях ползает, как червь, по земле.

Молитва — это озарение бездн нашей души небесным светом.

Молитва — постоянное пребывание с Богом, неоскудевающий родник светлой радости.

Молитва — предчувствие и преддверие рая.

Человек создан для вечности: его истинная родина, его отчий дом — это небо. Здесь, на земле, он изгнанник и странник. Когда человек забывает о своем предназначении, когда ему кажется, что его жизнь — это только краткий путь от рождения до смерти, от колыбели до могилы, тогда он становится самым несчастным существом на земле.

Молитва — это воспоминание о потерянном рае, это обращенность души к Богу. Для молитвы нет времени и расстояния. Если на слова молитвы откликнулось сердце, то их услышало все небо. Если слова молитвы излились из глубины души, то они достигли Господа. Мы часто совершаем в молитве роковую ошибку: нам кажется, что мы молимся своими силами, сами по себе, а Бог только отвечает на нашу молитву. Но это не так: мы молимся истинно только тогда, когда благодать Божия молится вместе с нами.

Благодать — это Божественная любовь, Божественная сила, которая спасает человека. Само «напоминание» о молитве, желание молиться — действие благодати.

Человек может принять благодать и может отвергнуть ее, но «заменить» благодать своими человеческими силами невозможно. Если человек считает, что может молиться за счет одних усилий своей воли, концентрации своих мыслей, возбуждения своих чувств, за счет телесных трудов (поклонов, коленопреклонений), то, значит, он приписывает молитву своему личному подвигу, своим человеческим способностям, и тогда происходит потеря самой молитвы: или наши силы истощаются и молитва рассыпается, как здание, построенное не на камне, а на песке; или происходит надрыв душевных чувств, и после молитвы человек вместо душевного мира испытывает болезненную раздражительность, как будто у него обнажены нервы; или же, что хуже всего, он погружается в состояние мечтательной восторженности, в гордое самолюбование.

Демон внушает человеку, что он великий подвижник, точно убаюкивая душу колыбельной песней. Мы должны помнить слова Господа: *Без Мене не можете творити ничесоже*¹¹. А молитва — это высшее творчество духа, перед которым душевное творчество со всеми созданными им шедеврами искусства бледно и ничтожно.

¹¹ Ин. 15, 5.

Церковь в начале молитвенного правила постановила читать молитву Духу Святому: без Него молитва будет мертва. Но как нам узнать, где действует благодать, а где — человеческие силы? Ведь наши духовные чувства не обучены: и свой восторг, и свое настроение мы можем принять за духовное переживание. Дать место в своем сердце благодати Божией можно, лишь устранив две преграды, которые мешают ей действовать в нас: первая — страстность, вторая — гордыня.

Молитва без покаянного чувства — это не благоговейная беседа, а дерзкий вызов Богу. Господь свят, а мы грешны, поэтому приблизиться к небесному пламени и не опалиться мы можем только через покаяние. Борьба с гордостью — это постоянное чувство своей немощи и своего бессилия, постоянное ощущение потребности в помощи благодати. Мы как бы говорим Богу: «Я бессилен, Ты Сам молись во мне, Сам учи меня молиться и Сам прими эту молитву». Тогда человек будет ощущать в молитве нечто иное: не свою силу, а силу Божию. Тогда он поймет, что душа его была прежде бесплодной, мертвой, как раскаленный песок в пустыне. А теперь в этой пустыне отверзлись источники вод.

Однако нельзя даже помыслить, что наша воля отключается от молитвы: наоборот, наша воля покоряется благодати, хранит благодать в сердце, желает этой благодати, прислушивается к ее беззвучному голосу, отдает ей всю славу, а о себе мыслит как о способной только грешить. Когда человек, обращаясь к Богу, говорит: «Я...», то Бог оставляет его с его маленьким «я». Когда человек в молитве говорит Богу: «Ты...», то Бог восполняет его немощь и скудость Своей силой и пребывает с ним.

Основа молитвы — мысль: «Ты — всё, а я — ничто». Это ее гранитный фундамент. Происходит некое таинственное единение Бога с душой: душа внимает благодати, а благодать внимает душе. Об этом так говорит апостол Павел: *Потрудился я, впрочем, не я, а благодать Божия*¹².

Если Господь должен быть высшей целью и главным содержанием жизни для верующего человека, то, значит, способность души обращаться к Богу, то есть молитва, должна стать как бы внутренним стержнем, пронизывающим все мысли, слова и дела человека. Если человек живет для вечности, своим земным бытием готовит себя к истинной, не имеющей конца жизни, то самым важным делом для него должна быть молитва, а все остальное, включая его домашние и общественные обязанности, служит лишь подготовлением к ней.

Мы чаще всего думаем, что внешние обстоятельства, особенно работа, мешают нашей молитве. Но на самом деле главным препятствием для нее служат наши собственные внутренние противоречия. Как движению крови по артериям и венам мешают склеротические образования, так и молитве препятствуют не занятость и труд, а ложь и лицемерие, лень и сластолюбие, слишком большая привязанность к земной жизни.

Что нужно сделать, чтобы наши обязанности совмещались с исполнением заповеди о непрестанной молитве? (*Всегда молитесь, за все благодарите*¹³, — говорит святой апостол Павел.) Не надо воспринимать свое дело как ярмо, надетое на шею животного, или оброк, который нужно заплатить миру, а затем свободное время отдать молитве. На свою работу надо смотреть как на послушание, данное от Бога, делать ее как пред лицом Божиим — со всем усердием и добросовестностью, имея притом всегда мысль, что мы служим не людям, а Самому Господу. Если мы будем работать не для того, чтобы, поскорее отделившись от работы, проводить духовную жизнь, а так, чтобы ею угодить Богу, то сама работа станет стимулом для молитвы, хотя бы она заняла больше времени и потребовала больше усилий и труда, чем раньше. Тогда жизнь, соединившись с молитвой, будет вся пронизана ее светом, тогда наша совесть обретет покой.

12 Ср.: 1 Кор. 15, 10.

13 Ср.: 1 Фес. 5, 17–18.

Главные силы души — воля, разум и чувства. Волю следует упражнять в том, чтобы принуждать себя подчиняться разуму, а не чувствам, воля должна быть союзником ума, а не эмоций и настроений. Чувства надо обучать, очищая их от страстей и слепой привязанности. В духовной жизни наслаждение — враг ума и сердца, это приманка, которую человек заглатывает, как рыба крючок.

Разум следует упражнять для молитвы: памятью о смерти и возведением его от видимого к невидимому, от вещественного к духовному. Например, любясь красотой природы или человека, подумаем: «Как же прекрасен должен быть их Создатель, какова же неизреченная красота духовного ангельского мира!». Видишь свет солнца — вспомни о духовном свете, просвещающем души людей. Увидел ночное небо — скажи себе: «Как велик Творец этих небесных миров! Сколько тайн сокрыто от человека!».

Любой предмет, любое событие могут служить для ума напоминанием о будущей жизни, о духовном мире; обученный этому ум из всего может извлекать для себя уроки и примеры.

Чтобы не поработиться земным, вещественным и внешним, во всех ситуациях мысленно спрашивай себя: «А что будет дальше, каково завершение всего?». И увидишь, что конец всего земного — прах и тление и только духовное вечно. Уже этим самым мы будем очищать ум от земных образов, возводить душу к Богу, помнить о Его вездеприсутствии, иметь Его в мыслях, то есть иметь молитву. Например, прельщает красота женского лица — спроси себя: а что будет через двадцать или тридцать лет? Морщины избородят лицо, как шрамы; глаза, блеск которых кажется подобным блеску самоцветов, потускнеют, зубы выпадут. А что дальше? — Смерть. А что будет с покойником в гробу через несколько дней? — Лицо потемнеет, начнет опухать, пошлышится запах тления, а через месяц в могиле — какой-то страшный студень, в котором копошатся черви. Вот земная красота и ее конец.

Если мы приучим себя спрашивать: «Что дальше? Что будет потом?», то поймем, что все видимое обречено на гибель, что все мирское — неверный друг, который оставит нас, что единственная ценность в этом мире — человеческая душа. Подобные «упражнения» очищают ум и готовят его к молитве.

Жизнь не должна быть беспорядочной и хаотичной. Человек не должен хвататься сразу за несколько дел: он утомляется и устает от самой беспорядочности в работе, и тогда в душе его вместо благоговения к Богу возникают чувство уныния, ропот и раздражение на себя и на всех. Ему кажется, что накопившиеся дела превратились в огромную гору, сдвинуть которую с места он не в силах. Отложенная или не доведенная до конца работа давит на его душу, как неуплаченный долг. Не труд, а внутренняя разбросанность мешает молитве. Надо взять за правило не делать несколько дел одновременно, а, спокойно подумав, решить для себя, какое из них самое важное и неотложное, и начать с него, как будто оно единственное дело, которое необходимо сделать. Следует бороться с рассеянностью и невнимательностью, как с врагами своей души.

Когда человек берется сразу за несколько дел и, не окончив одно, думает о другом, то он вырабатывает в себе некие свойства характера, которые можно назвать хронической небрежностью и хроническим безволием. Такой человек не сможет сосредоточиться на молитве: совершая молитвенное правило, он будет в то же время обдумывать и решать множество дел. Его молитва перейдет в механическое повторение затверженных слов, причем мысли будут разбегаться во все стороны, как шарики пролитой ртути. Только закончив одно дело, человек может приступить к другому.

Теперь о внешней стороне молитвы. Человек состоит из духа, души и тела. Положение и состояние тела для молитвы очень важны. Когда человек расслабляет свое тело, то мысль его становится вялой, она словно дремлет. Когда человек при молитве сидит вразвалку, положив ногу на ногу, или лежит в небрежной позе, то у него исчезает чувство благоговения к молитве, он фамильярно, как бы сквозь зубы говорит с Богом.

Существует два вида языка, два вида самовыражения: через слово и через жест или движение. Поклоны, коленопреклонения — это безгласное обращение, когда слово заменяется движением. Это вид письма, которое не написано чернилами на бумаге, а отражено, воплощено в самом человеческом теле.

Для духовной жизни огромное значение имеет контроль за тем, что человек говорит: всякое пустое слово — это потеря драгоценной энергии человеческой души, поэтому после долгих и бессодержательных бесед у человека появляется чувство опустошения, утраты. У него пропадает желание молиться, душа наполняется каким-то туманом и тяжестью. Он становится ненавистен самому себе.

Каждое лживое слово — шрам на лице человеческой души, обезображивающий ее рубец. Каждое гнилое и скверное слово — смердящая язва, ибо Господь сказал, что за всякое пустое слово человек даст ответ на Страшном Суде, и тем более за греховное¹⁴. Здесь взаимная связь между душой и словом: сердце рождает помысл, от которого происходит слово, а сказанное слово, как бумеранг, возвращается к человеку; душа становится главной мишенью его собственных слов.

То же можно сказать о языке жестов и движений: они могут выражать не только сильные эмоции, но и тонкие движения человеческой души. В походке, телодвижениях, в позе человека находит свое выражение целая гамма чувств: радость и горе, высокомерное пренебрежение и тайное пристрастие, любовь и отвращение. С особенной мимической силой выражаются такие страсти, как гнев, страх и блуд. Поэтому человек так же, как за своими словами, должен следить и за движениями своего тела и лица. В позе не меньше, чем в словах, может проявиться распушенность. Но в то же время поза может благотворно воздействовать на душу человека, если человек в состоянии гнева сохранит внешнее спокойствие, не будет сжимать кулаки и стискивать зубы, хмурить брови, нервно шагать по комнате, размахивать руками или как-то по-иному проявлять свою страсть, то она не получит поддержки со стороны тела и человек скорее успокоится. Это можно легко проверить на собственном опыте.

Если человек удержится от вольности в движениях или от мечтательного расслабления во время искушения нечистыми помыслами, то они быстро пройдут, как проходит туча по небосклону. Некоторым кажется, что внешнее не имеет значения для духовной жизни, что единственный долг человека — это отдать Богу свое сердце. Но они не понимают, что тело не одежда, а часть нас самих, что между телом и душой существует самая тесная взаимосвязь, что очищение сердца — это не одно лишь намерение и решимость, это упорный труд, который длится до самой смерти.

Во всяком обучении мы видим переход от легкого к более трудному, от простого к сложному; контроль над своим телом — это условие, необходимое не только для новоначальных, это один из тех краеугольных камней, на которых возводится здание всей нашей духовной жизни.

Церковь включила в богослужение как органичную часть молитвы язык обрядов. Можно сказать, что не только ум человека, но и весь человек как душевно-телесное существо участвует в богослужении. Церковный обряд — это особый символический язык. Даже если человек не может перевести совершающийся обряд на язык слова, то есть объяснить его, но участвует в нем, то он все равно включается в благодатное поле Церкви, как включается лампа в энергетическую сеть, хотя мы, в сущности, не знаем, что такое электричество, а фиксируем только его действие и силу.

Святые отцы запрещали нескромные, беспорядочные, суетливые движения, наполняющие нашу душу нечистыми и нелепыми помыслами. Обобщая их наставления относительно этого предмета, кратко выразим их суждение: человек должен держаться скромно и просто. Даже наедине с собой или отходя ко сну он должен помнить, что он не один, а находится в присутствии своего Ангела-хранителя. Святые отцы советуют во время молитвы быть особенно подтянутыми, не переминаясь с ноги на ногу, не

14 См.: Мф. 12, 36.

расслаблять тело. Если человек очень устал, то лучше сесть и некоторое время продолжать молитву сидя.

Что касается поклонов и коленопреклонений, то это выражение нашего богопочитания. Здесь движение и жест как бы дополняют слово, усиливают и углубляют его. Тело при молитве не должно быть ни расслаблено, ни излишне напряжено. Первое ослабляет, как бы усыпляет, а второе утомляет человека. Тело должно быть собрано, должно находиться в состоянии внутренней готовности, какое бывает перед совершением работы, требующей усилия и быстроты, когда человек как бы ощущает свои мышцы, еще не напрягая их.

Человек — единая личность, единая психофизическая монада¹⁵, поэтому в молитву он должен быть включен всем своим духовно-телесным существом.

Войти в свое сердце

В начале XX века на Афоне, в этом оплоте всемирного Православия, внезапно появилась новая ересь, которая называлась имяславием, или имябожием. Эта ересь вспыхнула, словно пожар, в стенах Пантелеимонова монастыря, и значительная часть населявших его монахов примкнула к ней. Говорят, что новое на самом деле повторение хорошо забытого старого. Можно сказать, что имяславцы имели своих предшественников в лице гностиков, последователей Евномия¹⁶ и каббалистов. Сущность этого учения заключалась в том, что имя Божие отождествлялось с Самим Богом. «Имя Иисус есть Бог» — вот догмат этой странной ереси. Внешнее, профористическое¹⁷ человеческое слово, состоящее из сочетаний и комбинаций звуков, воспринималось имяславцами как Божественный Логос. Это учение, подобно ереси Евномия, не только приводило к логическому отрицанию обрядов и Таинств Церкви, но и ставило под сомнение необходимость самого воплощения Спасителя и Голгофской Жертвы. Если имя Божие есть Бог по существу и природе, то, следовательно, в произнесенном имени уже присутствует Бог во всей Его полноте. В таком случае можно было бы приобщаться не Святыми Дарами, а только именем Иисуса, и вместо Голгофской Жертвы Богу достаточно было бы открыть людям Свое имя.

Эта ересь вызвала богословскую полемику, в которой приняли участие Константинопольский и Антиохийский патриархи, а также специальная комиссия, посланная на Афон. Poleмика не принесла ощутимых результатов и кончилась принудительной высылкой имяславцев с Афона. Надо отметить, что позиции имяславцев разделяли некоторые декадентствующие богословы, в том числе отец Павел Флоренский, который взял на себя труд редактирования книги иеромонаха Антония (Булатовича)¹⁸, представляющей собой апологию имяславия. Особенно ярко приверженность Флоренского к магическому платонизму и гностицизму проявилась в его сочинении «О именах».

Следует отметить, что церковные богословы в споре с имяславцами, как это обычно бывает в таких случаях, для того чтобы удержать готовую опрокинутую лодку в равновесии, прижались к другому борту, и она накренилась в противоположную сторону.

15 Монада (нем. monade, греч. monas [monados]) — единица; простая сущность.

16 Евномий, до низложения епископ Кизический (ум. 398), утверждал, будто человеческий разум может иметь совершенно верное познание о непостижимой в действительности природе Божества. При этом он отрицал божественность Господа Иисуса Христа, считая, что природа второго Лица Святой Троицы не только не тождественна, но даже не подобна природе Отца. Единственной связью между людьми и Богом Евномий считал разум, или веру, основанную на рассуждении.

17 От греческого προφορα — «произнесение».

18 Иеросхимонах Антоний (Булатович [1870–1919]) — один из виднейших деятелей, «идеологов» имяславия. Дворянин, происходивший из семьи потомственных военных. В 1891 году окончил Александровский лицей и вскоре поступил в лейб-гвардии гусарский полк 2-й кавалерийской дивизии. С 1896 по 1899 год находился в Эфиопии, совершал экспедиции по неисследованным районам страны, оставил путевые записки. По возвращении в Россию отправился в Маньчжурию, участвовал в боевых действиях по подавлению так называемого «восстания боксеров». Был удостоен ряда наград.

Ими была проигнорирована специфика имени, его личностный аспект; при этом имя превратилось в наименование, в безликий индекс и номер. Здесь не было ереси, как у имяславцев, но было несоответствие с молитвенным опытом аскетов, упрощение и как бы профанация мистики молитвы. В отличие от названия, наименования, клички и прозвища, имя имеет не случайную, внешнюю, а внутреннюю связь со своим носителем: имя может относиться только к личности, и личность отзывается на свое имя. Характерно, что безымянной личности вообще не существует. У всех народов человеку дается имя. В молитве имя дает реальное ощущение присутствия, поэтому имя — самый высший и динамичный из всех символов, кроме того, самый устойчивый и конкретно-реальный. Божественные имена — это как бы концентрация молитвы, это как бы светящиеся центры, пронизывающие лучами всю ткань молитвы. Душа молящегося по пробуждении духа ощущает благодать, струящуюся через Божественные имена; тогда они открываются человеку, как тайна, а человеческое сердце — им. Это реальное, но субъективное переживание бывает настолько сильным и неизгладимым, что некоторые старцы, не обученные богословию, но занимающиеся Иисусовой молитвой, на вопрос об имяславской ереси отвечали, что «истина находится где-то посередине».

Имя Божие — это тайна, скрытая от плотских и душевных людей. Хотя Иисусова молитва невидимо преображает человека, но открывается не душе, а «уму» (духу) в своем величии как бы на фоне вечного света. Для таких молитвенников, как святой Иоанн Кронштадтский, Бог являлся в Своем имени, как в неопалимой купине. Речь и слово — это, по сути, не сигнальная, а знаково-символическая система. В молитве мы общаемся через слово как через посредствующий знак. Святые отцы советуют заключать ум в слова молитвы, для того чтобы видеть через эти слова то, что выше слова, и слышать молитвенное молчание, которое глубже слова. То, что относится к символу, переходит на символизируемое, поэтому человек должен относиться с благоговением к каждому слову молитвы. Превращение человеческого слова в игру, шутку, ложь, брань, празднословие наносит молитве трудновосполнимый ущерб: слова ее становятся для молящегося холодными, жесткими и грубыми, похожими на инструмент, покрытый грязью и ржавчиной. Тот, кто хочет учиться науке из наук — молитве, должен взвешивать и обдумывать каждое свое слово. В этом отношении он должен быть похож на скупца, который, прежде чем отдать монету, долго удерживает ее в руке и размышляет.

Для православного монашества характерно учение об Иисусовой молитве; вернее, это заповедь для всех христиан, но монашество было тем садом, где дивные, благоухающие цветы этой молитвы цвели особенно пышно. Иисусова молитва называется по-разному: памятью Божией, духовной песнью, любовью Божией, сердечным безмолвием — в зависимости от степени молитвы. Начинается она как память, затем переходит в таинственную песнь, которую дух поет день и ночь Богу, а затем вводит человека в безмолвие и любовь.

Для Иисусовой молитвы нужен труд. Наше сердце от грехов и страстей превратилось в камень. Нужно долбить скалу, чтобы найти источник. Проходят годы; человеку кажется, что труд его бесплоден, что он оставлен Богом, но это не так: в человеке происходит непрерывное, но незаметное изменение, подобное росту его тела. На каждую Иисусову молитву Бог неслышно отвечает сердцу: «Я с тобой!». Некоторые, прочитав учение отцов об Иисусовой молитве, хотят сразу пережить их состояния, но эти руководства написаны преимущественно для пустынников и аскетов, а наше сердце похоже на грязное болото. Иисусова молитва — ручеек, втекающий в это болото, но сколько времени нужно для того, чтобы его струи вытеснили, вымыли всю грязь и сделали воду прозрачной! К тому же в это болото непрерывно попадают стоки и выбросы наших грехов и страстей — того, что проникает в сердце, особенно через зрение и слух. Постепенно очищаются глубины нашего подсознания, тайники человеческого сердца; иногда благодать касается души, как бы показывая, что ожидает ее впереди, и скрывается снова. Человек переживает то помощь Божию, то богооставленность, то краткие просветы радости, то мучительные

периоды бессилия и скорби. Благодать Божия скрывает этот путь от нас самих, чтобы мы не впали в гордыню, и только после пробуждения духа человек познаёт в молитве, как сладок рай и как благ Господь.

Святые отцы советуют вначале произносить Иисусову молитву устно, но негромко, полупшепотом, вслух самому себе: громкий голос рассеивает мысли, и только при особенно сильном восстании страстей допустимо громко произносить, как бы кричать молитву, чтобы заглушить змеиную песнь сладострастия и гнева. Иисусову молитву надо произносить в темпе обыкновенной беседы, не слишком быстро, когда ум отключается от слов, и не слишком медленно, когда ум начинает дремать в них. Затем человек по временам переходит к безгласной молитве, стараясь внутренне четко произносить ее слова, причем отцы рекомендуют несколько сдерживать дыхание, то есть делать его поверхностным и редким: это помогает сосредоточению мысли. Мы можем проследить на себе, что концентрация внимания связана с задержкой дыхания. Однако возможна ошибка в следующем: человек, набирая воздух до отказа, делает затем долгие паузы, напрягая все силы, чтобы не выдохнуть его. Некоторым людям, поступавшим так, удавалось иногда мысленно произносить до десяти, даже до пятнадцати молитв после глубокого вдоха, но следствием подобной практики нередко оказывалась болезнь — расширение (эмфизема) легких и гипертония. Отцы советуют противоположное — употреблять при дыхании малое количество воздуха, как пищу во время поста.

Древние подвижники связывали слова Иисусовой молитвы с дыханием. Этот способ употребляют и некоторые современные нам монахи. Жизнь человеческого организма протекает в определенных ритмах, и когда молитва соединяется с этими ритмами, они способствуют ей. Это не механический процесс, который умерщвляет дух, а нечто другое, похожее на поддержку дружеской руки, помогающей человеку, идущему по крутой горной тропе.

Человек — уникальный, неповторимый индивидуум, поэтому и путь Иисусовой молитвы у каждого свой, неповторимый. Молитва — дар Божий, поэтому надо молиться Богу о ниспослании этого дара. Это, быть может, самый лучший и безопасный способ достигнуть молитвы: просить ее у Бога как великой милости. При молитве тело должно находиться в состоянии некоторого напряжения, как бы готовности к действию: при расслаблении тела ум обычно впадает в дремоту, внимание ослабевает, сознание покрывается какой-то мглой: человек говорит молитву как во сне, не слыша самого себя. Напряжение мышц должно быть направлено к сердцу, живот подтянут, как у солдата в строю. Это напряжение дает определенную опору для молитвы, как правильное дыхание дает опору для голоса. Хорошо при молитве делать поясные и земные поклоны; при этом надо сначала произносить молитву, а потом делать поклон, а не полагать его во время молитвы. Поклоны смиряют человеческую гордыню и делают трезвенной душу. Некоторые считают полезным для внимания во время молитвы сидеть на невысокой скамеечке, прижав подбородок к груди. Однако все это — внешние приемы; сами по себе они полезны, но без них можно обойтись. Они похожи на посох в пути, на который опираются, а затем, когда он становится ненужным, отбрасывают прочь.

Самое главное — духовная сторона молитвы, но, поскольку душа связана с телом, внешнее может как помогать, так и мешать внутреннему. Полагаться на внешнее или же, напротив, совершенно пренебрегать им было бы неразумно и неправильно. Общие советы для занимающихся этой молитвой — не принимать чувственных образов, не стремиться к ощущению благодати и душевным восторгам, смотреть на молитву как на покаянный плач сердца, часто исповедоваться, всю свою жизнь считать приготовлением к молитве. Все наши дела, слова и мысли — это почва, на которой будут расти или увядать цветы молитвенных состояний.

Во время Иисусовой молитвы внимание должно быть сосредоточено на словах самой молитвы, но само по себе волевое усилие не может быть продолжительным, поэтому во время молитвы человек сознательно или бессознательно ищет того места, где проявится в

форме слова молитва. Некоторые, прочитав наставления древних аскетов, ищут так называемого «сердечного места», но сердечное место — это закрытая дверь, которую силой можно сломать, а не открыть. Нужно определенное состояние души и духа, чтобы молитва ожила, проявилась, вошла в глубину сердца, именно не в физическую область сердца, а в его духовную глубину. Если ум, отягощенный и загрязненный помыслами, мы будем усиленно вбивать, как гвоздь молотком, в свое сердце, еще покрытое гнойниками греха и страстей, то результатом этого будет не приобретение духовной молитвы, а неуравновешенность, вспыльчивость, истеричность, быстро меняющееся настроение. Наш ум и сердце разъединены в результате грехопадения, но это является для них в некотором роде предохранением от большего зла; они могут сблизиться и соединиться друг с другом только через покаяние и очищение грехов, а еще вернее, их может соединить благодать. Поэтому сосредотачивать внимание надо не на источнике слова, а на его периферии, медленно и постепенно переходя к центру. Так, некоторые из старцев считают наиболее безопасным сосредотачивать внимание во время Иисусовой молитвы на движении губ, произносящих ее шепотом или безгласно. Этот прием дает возможность бороться с помыслами, не внимать им, почувствовать более четко структуру слова. При долгом упражнении Иисусова молитва сама соединяется с дыханием. Некоторых удовлетворяет этот способ молитвы, и они продолжают молиться так до тех пор, пока не появится сердечная теплота; для других следующим этапом молитвы становится фиксирование внимания в области гортани, где они чувствуют при молитве движение мышц, где как бы рождается слово, выходящее из груди. Продолжая путь, точно от устья к истоку реки, человек ощущает уже, что слово рождается в области сердца, и вниманием опускается к своему сердцу по пути вдыхаемого воздуха, ориентируясь на пульсацию сердца¹⁹. Здесь он яснее видит зарождение помыслов, и ему становится легче бороться с ними через молитву.

Есть два вида борьбы: первый — не внимать помыслам, а продолжать молиться (так человек затыкает уши, чтобы не слышать брань), а второй — отвергать, как бы отбрасывать и уничтожать помыслы. Один из святых сравнил ум с пауком, который сидит, неподвижно притаившись, в паутине и, как только муха попадает в нее, тотчас убивает свою жертву. Путь в сердце — это восхождение ума по ступеням; но лестница как бы «прокинута» вниз, и большее погружение в глубину означает большее восхождение. По этой лестнице можно идти только малыми шагами, прыгнуть через ступени — значит сорваться с нее. Здесь внимание не должно переходить в насилие. Каждая ступень открывается сама, сердце постепенно притягивает ум, но сердце в физическом значении и сердечное место — это не одно и то же. Сердечное место похоже на тайную сокровищницу, замурованную в стене, ее открывает Господь как дар благодати человеку; это как бы «внутреннее сердце» в человеческом сердце, и самому войти в него невозможно, как невозможно сорвать с неба звезду. Сердечное место открывается человеку тогда, когда он этого не ожидает. Ожидать — значит чувствовать себя достойным. Бог дает благодать смиренным и молчаливым. Кто нашел это сокровище, тот не будет рассказывать о нем миру, а заградит свои уста молчанием, чтобы духовные воры не похитили его.

Мы говорим о символике слова, но есть еще другой план — мистика слова. У человека кроме внешнего, фонетического, слова существует еще скрытый и неведомый для него внутренний логос. Это способность не души, а духа. В пробужденном духе профористическое, внешнее слово приближается к внутреннему слову, поэтому ложь как раздвоенность, как противоречие между внутренним и внешним языками губительна для духовной жизни: она угашает ее, как вода огонь. Внутренний логос, или, как по-другому

¹⁹ Вот как говорит об этом преподобный Никифор, уединенник афонский (†XIV; память 4/17 мая): «Ведомо тебе, что дыхание наше, коим дышим, есть втягивание в себя и выпускание из себя воздуха. Орган, служащий к сему, суть легкия, которыя облегчают сердце и, проводя чрез себя воздух, обдают им и сердце. Таким образом, дыхание есть естественный путь к сердцу. Итак, собрав ум свой к себе, введи его в путь дыхания, коим воздух доходит до сердца, и вместе с сим вдыхаемым воздухом понудь его сойти в сердце и там остаться» (Добротолюбие в русском переводе. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1993. Т. 5. С. 249).

его называют, эндотетическое²⁰ слово,— способность к непосредственному познанию, к прозрению и духовным интуициям — начинает сиять через внешнее слово и делает его мудрым и глубоко проникающим в душу. Поэтому слово молитвенников и аскетов несет в себе необычайную силу, превосходящую разум всех философов.

Наступает момент, когда молитва превращается в зрение. Душа молится в потемках, дух — в свете. Христос рассказал притчу о дивной жемчужине, спрятанной на поле, и о неком человеке, который, узнав о ней, продал все имущество, чтобы купить это поле, и, овладев жемчужиной, стал богаче всех²¹. Тот, кто жертвует всем ради Иисусовой молитвы, получает через нее всё, а главное, то, чего он не знал и не мог пожелать. Продать имущество — значит отказаться от земных привязанностей, от душевных знаний, упростить себя, сконцентрировать свою жизнь в одном, подобно лучам, проходящим через увеличительное стекло и концентрирующимся в одной точке.

Иисусову молитву нельзя противопоставить другим видам молитвы, например Псалтири: все они берут начало от одного источника — Духа Святаго. Псалтирь и каноны помогают, особенно вначале, Иисусовой молитве; сразу перейти только к одной Иисусовой молитве так же трудно, как перейти от привычной пищи к хлебу и воде, которыми питаются аскеты. Наш ум по привычке требует разнообразия; даже в поле молитвы лишь постепенно он переходит от широты познания к глубине. Постоянно держать ум в напряжении — это, по слову Антония Великого, то же, что держать все время тетиву лука натянутой. На вопрос, что избрать — Иисусову молитву или Псалтирь, преподобный Варсануфий Великий отвечал: «И одно делать, и другое не оставлять»²². Причем постепенно все больше времени и места в душе отдавать для Иисусовой молитвы. Укрепившись в сердце, Иисусова молитва вначале проявляет себя как духовная теплота. Часто, просыпаясь по утрам, человек, к удивлению своему, замечает, что в сердце его идет Иисусова молитва. Сны становятся чистыми и легкими. (Здесь не говорится об особых демонских искушениях, когда диавол приближается во сне к молитвеннику, как к своему врагу, и тот чувствует от этого приближения мертвящий ужас.)

Вторая степень непрестанной Иисусовой молитвы — это особый внутренний свет, который озаряет темные глубины человеческой души. Теплота приносит молитвеннику мир помыслов и покаяние, а духовный свет — радость и вместе с тем ощущение, что он ниже всякой твари, но в то же время не оставлен Богом. Тогда человек понимает, что смирение — истинная жизнь, а превозношение — ложная жизнь и крайняя нищета. Святые отцы не открывают нам дальнейших действий благодати или открывают через иносказания и намеки. Преподобный Исаак Сирий говорит об этом, что лишь немногие перешли на другой берег Иордана²³.

Иисусова молитва — это голос покаяния, а само покаяние подобно нити, протянутой между двумя полюсами — скорбью о грехах и надеждой на спасение. Молитва без сознания греховности переходит в горделивое возношение и ложную духовность, а молитва без надежды постепенно угасает, душа приходит в состояние уныния и расслабления. При молитве должно быть такое расположение души: «По грехам своим я достоин ада, но милосердие Божие не препобеждается никакими грехами: Господь простил бы и сатану, если бы тот смог покаяться».

Когда вступаешь в разговоры с мирскими людьми, спроси себя: «Сколько бы Иисусовых молитв я произнес за это время? Неужели есть на человеческом языке слова выше и прекраснее, чем «Иисус Христос»? На что я меняю Иисусову молитву?». Тайны

20 От греческого Jendon — «внутреннее», Je€siv — «положение, утверждение».

21 См.: Мф. 13, 44–46.

22 См.: Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни. Ответ на вопрос 126. Репр. М., 1995.

23 То есть немногие сподобились вкусить тех благодатных даров, о которых невозможно поведать словом.

Божии открываются молчаливым. Апостол Петр говорит о красоте молчаливого духа и о таинственной звезде, которая восходит в человеческом сердце²⁴.

Освобождение духа

Учение о молитве тесно связано с православной антропологией²⁵. В антропологическом плане молитва является средством к освобождению духа от деформированных, растленных чувств души, находящихся в неуправляемом, хаотическом состоянии, борющихся друг с другом.

Мир понимает свободу как возможность человека следовать своей главной страсти, которая на время потеснила прочие, и находить условия и средства для ее удовлетворения. С религиозной же точки зрения, эта «свобода» — состояние непрерывного рабства у различных, постоянно сменяющих друг друга «хозяев». Страсти находят основание, как бы поле действия, в человеческом теле. Тело, «объединившись» с душой, подавляет дух — так союзные войска осаждают город, отрезав все его коммуникации. Но один из союзников этого вражеского войска, а именно человеческий разум, менее, чем другие силы души, поражен грехом и страстями, поэтому он по временам становится на сторону духа и делает попытки освободить его.

Борьба за освобождение духа имеет свою стратегию, свои закономерности и постепенность. Она начинается с внешнего. Если, еще находясь в страстном состоянии, человек будет пытаться пробудить силы духа, то или увидит бесплодность своих попыток, или, что много хуже, посредством горделивых фантазий приведет свою душу в состояние экзальтации, нервного возбуждения, иллюзорных, мечтательных представлений, которые по своей неопытности примет за духовные откровения. Такая душевная, экстатическая любовь подробно описывается в книгах западных «аскетов». Католические энтузиасты принимали подобные состояния за явления Божественного света, в то время как православные подвижники сказали бы, что это лишь дымное пламя человеческих страстей, доведенных до состояния экстаза.

Начинать борьбу надо с тела, с приучения его к дисциплине. Первое — знание меры, воздержание. Мера в еде и сне, в отдыхе и труде. Ласточка дает своему птенцу определенное количество пищи, как бы ни пищал птенчик: если он наестся досыта, то умрет. Надо давать телу необходимое и брать с него оброк — труд и бодрствование в молитве. Когда человек дремлет, то мышцы его расслабляются; когда человек напряженно думает, то концентрация мысли влечет за собой определенное напряжение, как бы поддерживает тело в тонусе. Если человек расслабляет во время молитвы мышцы, то он начинает дремать и грезить, поэтому полезно стоять на молитве подтянутым, как в строю, и делать поклоны, которые являются «вспомогательным языком» молитвы. При усталости и болезни можно сидеть, но не развалиясь, не облокачиваясь, не откидываясь на спинку стула, а прямо, соединив ноги вместе, слегка подтянув живот и приклонив голову,— это все помогает бороться с дремотой.

К душевно-телесным добродетелям принадлежат молчание, хранение зрения и слуха. Душевные силы таковы: словесная, желательная и раздражительная. К словесной относится способность мыслить на уровне слов и представлений, припоминать, предполагать, строить планы, мечтать, наблюдать, находить причинно-следственные связи, анализировать, синтезировать, проводить эксперименты, выявлять закономерности, составлять гипотезы и теории, применять найденные законы на практике, составлять различные знаковые системы и пользоваться ими. Так рождаются научное, философское, художественное творчество, законы, права, манифесты и конституции. Это необъятное поле действия человеческого интеллекта в двух его аспектах — разума и воображения. Здесь — главные корни цивилизации: в накоплении, сохранении и применении

24 См.: 1 Пет. 3, 4; 2 Пет. 1, 19.

25 Антропология — учение о человеке; соответственно, православная антропология — учение о человеке в свете Священного Предания Церкви.

информации, идущей извне. Больше всего человек гордится своим разумом. В нем — основа неверия, та интеллектуальная гордость, которая делает для человека его разум маленьким божеством, идолом, от которого он ждет помощи и спасения. В то же время этот разум по временам ощущает свою ограниченность, беспомощность, духовную слепоту, и тогда он ищет Бога.

Вторая сила — желательная; сюда относятся все виды наслаждения. Здесь — семейная, дружеская, родительская и чувственная любовь; здесь — патриотизм и общественная солидарность, любовь к искусству, наслаждение поэзией, музыкой, живописью; здесь — радость от общения с природой. Здесь же и человеческие страсти: эгоизм, самолюбие, сребролюбие и жадность, привязанность к вещам, чувство зависимости от внешнего, и при этом такие высокие чувства, как соперничество, милосердие, сострадание. К желательной части души относятся смех и шутки, в которых скрыт тайный блуд. Такие понятия, как удовольствие, ласковость, вежливость, изящество, такт, привлекательность, красавица, тоже относятся к желательной силе души. Иногда она обнаруживает себя как стремление к надмирной Божественной красоте и тоска по потерянному раю (это смутное чувство похоже на луч света, внезапно проникший в подземелье). И к ее же области, к области желательной силы, принадлежат демоническая мистика и экстатические культы. Вообще всякая мистика, кроме православной, целиком находится в поле душевных сил. Православная же по существу своему духовна (хотя поскольку она включает в себя всего человека, то может проявляться одновременно и на душевном, и на телесном уровне).

К извращенным проявлениям желательной силы относится также и тайная любовь ко злу и пороку, которую человек по временам явственно ощущает в своем сердце.

Третья сила души — раздражительная. Ей свойственно, подобно любому живому организму, исторгать из себя все чуждое, инородное, нейтрализовать проникший в кровь яд и умерщвлять болезнетворное начало. Раздражительная сила — это крепость и войско души, это способность отличать добро от зла, сила защитная, психический фильтр, предназначенный для того, чтобы задерживать грязь и шлак, это способность души реагировать на то, что стоит между ней и Богом, и, свято ненавидя эту преграду, разрушать ее. Раздражительная сила может проявляться в стремлении к добру, в защите ближнего от несправедливости, в самопожертвовании. Но в греховном, падшем состоянии человека она чаще всего обнаруживается в высокомерии, равнодушии и безразличии, в постоянном недовольстве и ропоте, нетерпимости, зависти, злобе, соперничестве, гневе на людей, ненависти, мести, насилии, жестокости, тайном садизме — от семейного деспотизма до тирании и некромонии правителей.

Вообще, в душевных проявлениях нужно разграничить следующие уровни: вредное, ненужное, терпимое (или безразличное), нужное, необходимое, крайне необходимое — и затем вести духовную борьбу с собой, отсекая сначала вредное, а потом ненужное.

Вредным в области действия словесной силы являются сознательная ложь, лукавство, хитрость, насмешки, издевки, клятвы, проклятия, брань, пустословие, осуждение — источники ложной и растлевающей информации. Лучше не знать, чем иметь ложные, извращенные сведения. По слову Соломона, лучше малое с правдой, чем великое с ложью²⁶. Только обуздав свой язык, приручив его, как дикого зверя, человек может заняться очищением своего ума от различных мыслей, мечтаний и чувственных помыслов, возникающих в сознании.

Вредные проявления желательной силы — это всякий вид удовлетворения похоти. Я не говорю о плотских грехах: это понятно каждому, но есть и другие, более тонкие виды удовлетворения похоти и сладострастия: встреча и общение с людьми, к которым мы имеем нечистую привязанность и пристрастие, чтение страстных книг и рассматривание возбуждающих чувственность изображений, просмотр телепрограмм и видеофильмов, ставших источником душевной заразы и разврата. Борьба с такими тяжелыми видами

26 См.: Притч. 16, 8.

извращенного наслаждения, как употребление алкоголя и наркотиков (здесь наслаждение явно открывает свой демонический лик), отказ от непристойных бесед, анекдотов и тому подобного необходимы. Без этих внешних мер к ограждению души от порока невозможно добиться чистоты желаний, как невозможно смыть с себя грязь тому, кто стоит в болоте. Если человек будет служить своим страстям и в то же время пытаться молиться сердцем, то он получит нервное расстройство или же придет в то демоническое состояние, которое называется прелестью.

Вредным в области раздражительной силы души являются ропот на Бога и гнев на человека (причиной гнева и рождающейся от него ненависти зачастую становится неисполнение желаний, чувство оскорбленного самолюбия, поэтому невозможно победить гнев, не обуздав вначале похоть). Греховные проявления раздражительной силы таковы: мщение, коварство, злопамятство, насилие над волей другого человека, порой — даже под видом добра. Победе над гневом способствуют высокие жизненные цели, поставленные человеком перед собой, и ограничение своих желаний. Гнев побеждается покаянием и самоукорением. Сначала надо преодолеть гнев молчанием (как говорит преподобный Иоанн Колов, скорпион, помещенный в закупоренный сосуд, умирает), а затем бороться с ним в мыслях и сердце.

Следующая ступень — терпимое (то, что не является злом, но без чего можно обойтись). В отношении словесной силы это занятия наукой и философией, искусством, чтение литературы и периодики; в отношении желательной — слушание серьезной классической музыки, посещение музеев и картинных галерей, пение мирских песен, путешествия; в отношении раздражительной — стремление к общественной деятельности, соревнования, игры и прочее, подобное сему.

Ступень нужного в плане словесной силы — знание своей профессии, общественных, а также семейных прав и обязанностей, познание окружающей нас природы, изучение богословия — имеет практическое значение. В плане желательной силы нужное — дружеская, семейная, родительская любовь, патриотизм и общественная солидарность, общение с природой, жалость и сострадание к живым существам. В плане раздражительной — память о смерти, понуждение себя на добро, борьба со страстями, терпение, покорность воле Божией, памятование о своих грехах.

Наилучшее из необходимого для словесной силы — концентрация в молитве, для желательной — участие в богослужении как предощущение небесной красоты, для раздражительной — исполнение заповедей как волевой акт. Пробуждающийся дух, воздействуя на словесную силу, дает возможность для непосредственного, интуитивного познания духовного мира, того, что лежит глубже слова; воздействие его на желательную силу сообщает ощущение Бога как единственного блага, в сравнении с которым земные наслаждения кажутся горечью. Воздействуя на раздражительную силу, дух пробуждает волю, побуждает стремиться к Богу, охраняет душу от действия греха и страстей и возобновляет, возрождает в душе чистоту и целомудрие.

При пробуждении духовных сил человек понимает, что стяжать надо только то, что перейдет в вечность, себя же он может найти лишь в Боге. Пробудившийся дух проявляет себя в тайном знании духовного мира как мира бесконечного, частицей которого является он сам, и в то же время мира, отраженного в нем, как солнце в капле воды; в переживании человеком всем его существом духовного мира как высшей жизни и в обращенности к нему, как к источнику света и единственному истинно реальному бытию. Тогда открывается как высшая духовная ценность безмолвие сердца, перед которым все прочие добродетели кажутся лишь ступенями лестницы, ведущей к нему. Это может показаться жестоким душевным людям, которые забывают, что всё от Бога, а не от наших сил. Бог может сотворить великие милости для всего мира, если найдет в этом мире чистое сердце, как Он миловал и спасал от гибели целые народы и страны за молитвы таких святых, как

преподобные Арсений и Макарий, приняв как самую благоугодную жертву безмолвие их сердец²⁷.

Человек получил от Бога великий дар — способность забывать, не менее ценный для души, чем умение помнить. Если бы не способность забывать, то жизнь была бы невыносимой. Одна из причин нервных комплексов — удерживание в памяти какого-нибудь события и нежелание в клубке эмоций забыть его, то есть снять душевное перенапряжение. Нервные комплексы похожи на катаральные зоны в нашем теле, на незатухающие очаги воспаления, которые болят от прикосновения. Забывать так же необходимо, как выбрасывать из квартиры мусор и ненужный хлам.

Умение забывать, освобождать сознание от ненужной информации особенно ценно для молитвы. Мы вспоминаем посредством ассоциативных связей, поэтому следует постараться разрушить эти связи. Ими могут быть вещи, люди, местности и тому подобное. Нужно избегать встреч с теми, кто напоминает о прежней греховной жизни: самое сильное ассоциативное воздействие оказывает живой человек. Часто бывает необходимо разорвать дружбу с тем, с кем грешил, даже не молиться за него, иначе грех будет возобновляться в памяти. Следует выбросить вещи, несущие на себе печать греха. Если это невозможно, то хотя бы переставить вещи в комнате в другом порядке. Особую атмосферу создают книги, поэтому не должно держать в своей комнате страстную мирскую литературу. Это один из источников той разрушительной «радиации», которая постоянно облучает человека. Желательно посещать места, где редко бывал прежде, чтобы разорвать паучью сеть воспоминаний. Иногда во время молитвы хорошо плотно занавешивать окна в своей комнате и молиться в темноте.

Если нет возможности отказаться от тяжелой для нас беседы, то во время нее надо молчать и молиться, тогда слова собеседника будут лишь скользить по поверхности сознания, не проникая в сердце. Во время таких бесед мы нередко делаем ошибки, попадаем в неловкое положение, а именно: желая убедить человека и демонстрируя перед ним свой ум, втягиваемся в разговор и бываем захвачены им или, боясь огорчить человека, огорчаем Бога. Это извращенное понятие о доброте — потакание страстям другого, когда мы, для того чтобы скрыть смущение, улыбаемся и смеемся. Между тем смех — это нечто сродни опьянению, состояние духовного расслабления, когда человек перестает контролировать свое сердце и в результате оказывается незащищенным. В смехе есть блуд, а в шутке — дерзость, поэтому они незаметно для нас распалют нашу чувственность. Если не будешь сам проявлять хотя бы внутреннего интереса к словам душевредной беседы, то и беседа иссякнет. Человек чувствует, с каким настроением его слушают, поэтому если ты хочешь, чтобы разговор прекратился, то считай слова собеседника не более чем шумом ручья. Некоторые люди, чтобы держать необходимую дистанцию с другими, или говорили им правду в глаза, не страшась обидеть, или юродствовали, притворяясь дурачками. С дурачка спрос невелик, но это путь не для всех.

Чтобы скорее забыть греховное прошлое, нужно изменить свои собственные привычки: манеру ходить, лежать, говорить, сидеть за столом и так далее, ибо это также разрушает определенные ассоциативные связи. Вообще же самыми мощными средствами очищения души от воспоминаний о прошлом являются покаяние и молитва. Прощенный грех забывается легче, а благодать, полученная в молитве, как бы закрывает на ключ двери подвалов нашего сознания, где «хранятся» наши грехи²⁸. На своем небольшом опыте я испытал, что когда действительно молюсь, то уже не помню прочитанных мною в прошлом мирских книг, как будто никогда не держал их в руках, а когда склоняюсь на сочувствие страстям, то опять воспоминания о прочитанном всплывают в сознании, как морские гады на поверхность из глубин. Для того чтобы забыть прошлое, надо упростить самого себя, свое сознание, свою речь — так борец смазывает маслом свое тело, чтобы его труднее было схватить. Если же приходится слушать чей-то рассказ о чужих грехах, то

27 Вероятно, отец Рафаил имеет в виду преподобных Арсения Великого и Макария Египетского.

28 Точнее, память о них.

надо выразить сочувствие грешнику и сказать, что и сам виновен в подобных прегрешениях, затем предложить помолиться о том, о чьих немощах идет речь, и тогда такая беседа быстро прекратится.

Враги молитвы

У молитвы существуют внутренние и внешние враги. Первый враг — это себялюбие. Себялюбие — неправильная любовь к себе. Оно проявляется в трех видах — как тщеславие, сребролюбие и сластолюбие, то есть как стремление к наслаждению.

Молитва — внутренняя жизнь, а тщеславие — поза, жизнь вовне, жизнь для людей. Молитва — это внутренний, невидимый и самый могущественный фактор бытия человеческой личности; если можно так сказать, молитва — это стержень личности, а тщеславие заменяет лицо маской и саму молитву превращает в представление. Тщеславный — это «артист святости», он не может пребывать умом в своем сердце, он непрестанно репетирует роли, которые будет играть перед людьми, в том числе и роль молитвенника. Тщеславный будет намекать на силу и значительность своей молитвы, рассказывать о необыкновенных случаях или даже чудесах, которые происходят по его молитве. Когда тщеславный находится в окружении людей, то он готов молиться целыми часами, чтобы услышать похвалы своему благочестию. Страсть тщеславия дает ему для молитвы демоническую силу, а когда он остается наедине с самим собой, то желание молиться у него исчезает. Тщеславный не молится, а только играет в молитву, поэтому молитва его становится бездушной и лицемерной. Тщеславие постепенно переходит в гордость. Гордый не чувствует нужды в помощи Божией, он полагает, что ему достаточно своих личных совершенств, чтобы исполнить Евангелие или даже превзойти его. Гордый сам для себя становится богом, поэтому молитва или вообще исчезает, или при ней совершенно утрачивается чувство благоговения: он разговаривает с Богом, как с равным себе.

Далее — сребролюбие. Помыслы и чувства сребролюбивого находятся там, где его богатство. Он в непрестанном волнении о том, как сохранить, как умножить его, даже на молитве он думает о деньгах. Его молитва — мертвая и холодная, это лишь некая внешняя дань Богу, потому что он надеется не на Бога, а на деньги: они стали его богом. Сердце сребролюбивого становится твердым, как камень, молитва не оставляет в нем практически никакого следа, как стальной резец на алмазе. Апостол Павел назвал сребролюбие идолослужением²⁹.

Сластолюбие, или любовь к чувственным наслаждениям,— это, в сущности, как себялюбие, неправильная любовь к себе, когда человек отождествляет себя со своим телом. Молитва требует трезвения как прозрачности ума, а наслаждение погашает свет ума. Наслаждение относится к комплексам нервного возбуждения, поэтому, как правило, оно оканчивается душевной опустошенностью, усталостью и тоской. Любое наслаждение — это потеря духовной силы. Наслаждение — один из самых главных врагов молитвы, как суррогат и подмена духовной радости. Любовь к наслаждениям делает человека холодным и эгоистичным, молитва для него становится чем-то непонятным и чуждым, внутренне он ненавидит ее. Если гордость — это прежде всего провокация против веры, «замена» Бога самим собой, а сребролюбие — враг надежды (не Бог, а богатство — источник и гарантия благополучия человека), то наслаждение — это грех против любви.

Следующий враг молитвы — забвение³⁰. Вся жизнь — это школа, и каждый день — урок, который получает человек. Главный урок в том, что мы никогда не бываем

²⁹ См.: Кол. 3, 5.

³⁰ Не следует смущаться тем, что в предыдущей статье отец Рафаил говорил о способности забывать как о даре Божиим, а здесь говорит о забвении как о беде. В первом случае речь шла об умении забывать о душевредном и ненужном: о прежде содеянных прегрешениях, о влекущих ко греху предметах, о суетном и пустом. В настоящей же статье, напротив, говорится об опасности забвения того, что помнить необходимо,— Бога, истинный смысл жизни, опыт, приобретаемый в течение жизненного пути. И потому, если в одном случае забвение — благо, то во втором, безусловно, является злом.

оставлены Богом. Забвение же уничтожает память о помощи и благодеяниях Божиих, которыми пронизана, словно лучами света, вся наша жизнь. Второй урок — это усвоение того, что грех есть смерть. Сколько раз, совершая грех, мы ощущали опытно, что попадаем в область смерти и отвержения, что после совершения греха наша душа как бы становится гниющим и разлагающимся мертвецом, которого мы носим в себе! Третий урок нашей жизни заключается в постижении того, что единственная истинная радость — это Бог, а все остальное — иллюзии и миражи. Забвение отнимает у нас память об этих необходимых знаниях, которые мы приобрели мучительным и горьким опытом. Забвение подобно птице, которая клюет созревшие плоды и оставляет ветви пустыми. Поэтому забвение — вид безумия: человек постоянно падает на одном и том же месте.

Другой враг молитвы — незнание, или неведение. Незнание бывает волевым: человек не знает потому, что не хочет знать; а главное знание заключается в том, что истинно существующее — это мир невидимый, тогда как все видимое подлежит разрушению и смерти. Человек боится этого знания, он ищет счастья в вещественном, в материальном, хотя в них таится великая ложь, поскольку все материальное находится в рабстве у времени и смерти.

Еще один враг — это неразумие. Неразумие — неправильная шкала ценностей, неправильно выбранная цель или же неправильные средства для достижения цели. Неразумие — это прельщение внешним, вечное кружение в той плоскости земного бытия, где только суета и томление духа. Истинная мудрость — почитать единственным благом Бога, а грех считать единственным злом, все же остальное — промежуточными состояниями, не добром и злом, а только ситуациями. Если для нас Бог — высшее и единственное благо, то самое важное в нашей жизни — богообщение, главным средством которого является молитва. Любовь к наслаждениям разлагает волю человека, делает его боязливым. Боязнь — это паралич души, трус — потенциальный предатель и отступник. Чтобы преодолеть боязливость, надо уничтожить ее причину, привязанность к тому, что человек боится потерять. Чтобы преодолеть боязливость, надо уничтожить пристрастия, любовь к телесному покою и наслаждениям. Боязливость рождает ложь. Ложь истощает духовные силы человека, ибо за одной ложью следуют две другие. Лгущий человек вынужден держать в уме придуманную им картину, придавать ей видимость правды, а на это уходит много времени и сил. Поэтому великая мудрость — всегда говорить правду: правда проста, ложь многолика; Бог — истина, поэтому Бог прост. Вне правды невозможно видеть Бога, а молитва есть путь к Видению Божества; ложь уничтожает или извращает молитву. Мир лжи — это область демона, какими бы причинами и обстоятельствами ни оправдывал себя человек.

Следующий враг молитвы — лень. Лень — одно из следствий наслаждения. Воля в духовном плане проявляется как внимание к словам молитвы. Силы души «обособились» друг от друга, поэтому для молитвы необходима воля, а не ожидание, когда захочется молиться. Наслаждение парализует волю, делает человека жестоким и упорным или, напротив, плаксивым и истеричным. Чтобы уничтожить лень, надо вести борьбу с мечтательностью и грезами, с тем тонким сладострастием, которое, как яд, впрыснутый в вену, разливается по человеческому телу и пленяет ум. Молитва — это во многом дело воли. Если мы не можем сконцентрироваться на словах молитвы и она выскальзывает из нашего внимания, как лучи солнца, которые нельзя задержать рукой, то можно временно оставить молитву и в качестве приготовления к ней заняться размышлением о следующем: о способности молиться, о времени, о смерти, об аде, о рае.

Способность молиться является высшим достоинством человека. Если даром слова человек отличается от всех земных существ (у святых отцов он именуется словесным существом), то молитва делает его душу одного достоинства с Ангелами. (Преподобный Максим Исповедник пишет о молитвенниках, что их душа равна Ангелам, кроме того, что Ангелы не имеют, в отличие от людей, похоти и гнева.) Ни одна добродетель, ни одно

духовное дарование, ни одна заповедь не способны возвести человека на такую высоту, как молитва, поэтому она царица всех добродетелей.

Когда нам не хочется молиться и слова молитвы кажутся сухим песком, набившимся в рот, то мы должны сказать, что это ложь, что наш дух всегда хочет молиться, желает всегда быть с Богом, что отвращает от молитвы не лень, а болезнь нашей души. Как мы не можем отождествлять свое тело с гнойниками, покрывающими его, так не можем отождествлять себя и, главное, свой дух с той болезненной жаждой наслаждений, с тем стремлением к внешнему, которое противостоит нашей молитве. Надо спросить себя: «Кто я? Мой дух — око вечности или мои страсти — могильные черви, питающиеся гнилью? Я — это дух, мое — это моя душа. Отчасти мое — это мое тело, которое воскреснет с другими свойствами, сообразными душевным, и тогда будет истинно моим, а остальное все не мое».

Искать счастье во внешнем — это самый страшный обман демона. Адам искал полноту бытия не в Боге, а во внешнем предмете, в некоем плоде, который он в безумии своем счел источником могущества, наслаждения и блаженства. Когда мы ищем смысл жизни и счастье во внешнем, то повторяем роковую ошибку Адама. Обоотворив внешнее, он потерял Бога как внутренний фактор своей жизни. Обоотворяет внешнее страсть. Возвращение от внешнего к внутреннему и от внутреннего к Богу возможно только через молитву. Поэтому учиться молитве — значит учиться спасению. Найти свое собственное сердце — это найти Бога, а найти сердце можно только через Бога и встретиться с Богом можно только в сердце. Войти умом в сердце можно лишь при свете благодати, потому что без Бога глубины сердца, сокрытые от нас, неведомы нам самим. Это словно сокровище, зарытое в землю; человек точно проходит по знакомому, казалось бы, месту, ступает по нему и не знает, что хранится там.

Это первый предмет для размышления, которое, однако, не имеет ничего общего с медитацией, то есть с самовнушением, для которого, как при гипнозе, необходимо пассивное состояние нашего сознания. Медитация как бы вводит инородное вещество в духовную природу человека.

Второй предмет нашего рассуждения — время действия в плоскости бытия, вечность и время. Все внешнее находится под властью времени, оно не наше, мы только соприкасаемся с ним; наше то, что мы можем удержать. В потоке времени рушится и исчезает все. Мы подобны человеку, сидящему на берегу реки и смотрящему на бегущую волну: он думает, что волна — его, но через мгновение ее уже нет. Жизнь во времени — это низшая форма жизни, это только приготовление к жизни вечной. Великое заблуждение — считать дорогу, уходящую вдаль, своим собственным домом. Истинная жизнь — это жизнь вечная. Там нет потерь, разочарований, чувства своего бессилия, там не перемена, а раскрытие, при этом вечность не какая-то неподвижность: вечность — динамика. Есть два аспекта вечности: вечная жизнь и вечная смерть. Третьего состояния нет. Земная жизнь протекает на фоне вечности, о которой мы забыли. Время будет убрано, как в театре убирают подмостки, и тогда мы неожиданно окажемся в сфере вечности; там человек увидит себя таким, какой он есть. Кто не искоренял в своем сердце богоборческие страсти, у того в сердце царит смерть. Страсть и грех — это не просто слабость (их метафизическая основа — ненависть и богоборчество), это тоже царство — царство сатаны.

Молитва здесь, на земле, дает опыт соприкосновения с вечностью, молитва — это доказательство нашей борьбы с грехом и страстями. Молитвой мы как бы говорим демону: «Я не твой». Человек, чуждающийся молитвы, свидетельствует, что он любит свой грех и не хочет расстаться с ним.

Третий предмет размышления — смерть. Один из парадоксов нашего сознания состоит в том, что мы, повсюду видя смерть, меньше всего думаем о ней в связи со своей собственной жизнью. Нам кажется, что мы как бы исключение из общего правила: все умрут, но нас смерть не коснется. Смерть всегда нежданна, всегда трагична. Одна из

причин этого — наша неподготовленность к ней, мы стараемся обмануть себя, чтобы спокойно грешить. В этом отношении мы все похожи на страуса, который, как говорят, спасаясь от врагов, зарывает голову в песок: он ничего не видит и думает, что враги его тоже не видят. Замечательно, что страус — одно из самых быстроногих животных, догнать которое не может даже всадник на коне, и если бы он знал, от кого и как надо спасаться, то сохранил бы себе жизнь. Если бы человек помнил о смерти и готовился к ней покаянием и молитвой, то смерть стала бы для него переходом в вечную жизнь, а не палачом, который вошел в двери его дома, чтобы связать и затем казнить.

Поэтому надо помнить о последнем дне своей жизни, которым может стать любой, даже сегодняшний день. Преподобный Иоанн Лествичник считает память о смерти необходимой для молитвы. Надо спрашивать себя: «Кто ты, зачем пришел сюда, когда и куда уйдешь ты отсюда?». Иоанн Лествичник пишет: «Некоторые говорят, что молитва лучше, нежели память о смерти, я же воспеваю два существа в одном лице»³¹.

Следующее, о чем необходимо вспоминать, это ад. Ад — это место забвения, это вечное отвержение, там нет ни надежды, ни любви, это море ненависти. Мы содрогаясь, когда читаем повествования о камерах пыток в лагерях и застенках. С какой утонченной жестокостью палачи издеваются над своими жертвами, но тут, по крайней мере, есть конец — смерть, а в аду нет смерти, вернее, там вечная смерть, не имеющая конца. Какими бы жестокими садистами ни были люди, какое бы дикое наслаждение ни находили они в мучениях своих жертв, все же в душе каждого палача иногда просыпается что-то живое и человеческое, хотя бы как воспоминания детства. Но демон куда более страшен, жесток и беспощаден, чем все злодеи, жившие на земле! Он воплощение самого зла. Демон — это черный пламень ненависти к Богу, мстящий Богу в лице Его создания: человек — образ Божий, поэтому, ненавидя Бога, демон ненавидит человека.

Однако самое невыносимое в аду — это не мучение, а скорбь потери: грешник знает, что он потерял, кем он мог быть и кем стал. Но в аду нет уже места покаянию, там демоноподобление, и потому сознание потери вечной жизни вызывает у грешника ненависть к Богу, подобную ненависти демона. В аду самые близкие по крови люди будут ненавидеть друг друга: там, осужденные на вечную муку, отцы, матери и дети предстанут друг перед другом в образе мерзких и страшных чудовищ. Любить в человеке можно только доброе, действительное или предполагаемое. Рафинированное зло любить невозможно. Зло, когда в нем нет и следов возрождающего добра, подлежит самоуничтожению. Ад — это разлучение, разделение добра и зла. Ад, как и рай, динамичен, но только в аду — процесс распада, там лишь центробежные силы, и грех, раскрываясь в вечности, будет делать каждого грешника все большим и большим подобием сатаны. И античному³², и современному гуманизму одинаково трудно было воспринять учение об аде: они предпочитали считать его либо «педагогическим приемом», либо «жуткой мифологией». На самом деле это апология греха, самоуспокоение грешника, не желающего бороться со своими страстями. Если бы человек знал, как ужасен и мерзок демон, то понял бы, что царство демона — это царство вечной смерти, что грех не просто оскудение добра, но в метафизическом плане — убийство Христа; поэтому нераскаянный грешник — богоубийца. Грех — это разлучение души с Богом. Бог — Жизнь и Источник жизни, другого источника нет; бессмертие без Бога обращается в смерть.

Последний предмет размышления — райское блаженство. Человек создан для рая: рай — это пребывание с Богом; внутренний рай — это Божественный свет в человеческом сердце. Здесь, на земле, человек чувствует себя изгнанником, он несчастен, страдает, причем это универсальный факт. Внешне благоприятные условия жизни не избавляют от

31 Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28, глава 46.

32 Под «античным гуманизмом» здесь, очевидно, подразумеваются некоторые философские школы (в частности, ранний стоицизм, эпикуреизм), которые косвенно или совершенно принципиально отрицали бессмертие души и занимались вопросами устройства земной жизни.

страданий — значит, с человечеством произошло нечто по-настоящему ужасное, раз вся история его превратилась в трагедию. Так может страдать царь, потерявший свое царство. Человек ищет счастья, но нигде не находит его. Философия не указывает пути ни к счастью, ни к истине — это лабиринт: открыв одну дверь, человек видит десять других закрытых, притом, открывая их, он не знает, приближается к выходу или нет. Чувственные удовольствия также не приносят счастья. У людей, всецело предавшихся страстям, угрюмые и мрачные лица. Единственный просвет в жизни человека — это чувство близости к Богу, это те капли духовной радости, которые ощутил человек на молитве, особенно в Таинстве или у чудотворной иконы, и которые живительны для него, как капли воды для погибающего от жажды в пустыне.

Человек ищет истинной любви, но здесь, на земле, он находит иную любовь, болезненную, аффективную, смешанную с грязью страстей, приносящую лишь одно жестокое разочарование за другим, сокрушающую душу. И только в некоторые мгновения своей жизни он чувствует, как прикосновение Божественного перста, другую, чистую, Божественную любовь; ее может дать только Бог, но ей противостоят человеческие страсти. Рай — это любовь души к Богу и Бога к душе. Рай — лучи любви от каждого святого ко всем и от всех к каждому, это настоящий сияющий океан любви.

Встреча двух личностей

Что значит слово «святой», которое мы употребляем не только в литургической, но часто и в обыденной жизни? На основании чего Церковь канонизирует подвижников веры, свидетельствует об их святости и дает нам право обращаться к ним с молитвой?

Если мы спросим у окружающих нас людей, в том числе у христиан, живущих церковной жизнью, что значит «святой человек», то получим неодинаковые ответы. Одни скажут, что святой — это человек чистой и безукоризненной жизни, другие будут утверждать, что святость — это самоотверженное и бескорыстное служение людям, третьи укажут на такие ее признаки, как милосердие, сострадание, отзывчивость, то есть для большинства людей святость — это наличие высоких нравственных достоинств. Однако на самом деле все это — качества и свойства святости, ее проявления в различных жизненных ситуациях и обстоятельствах, а не сама святость. Все перечисленные достоинства человека, даже в своей совокупности, не дают исчерпывающего представления о том, что мы хотим определить.

Слово «святость» по своему значению намного глубже. Мы не нашли ни одного его синонима, поскольку, действительно, святость не качество; святость — то, что делает человека новым творением, творческая Божественная сила. Святой — это человек, в котором пребывает и действует благодать. Святой тот, кто дал в своем сердце место Духу Святому; это луч, воссиявший от Фаворского света. Здесь, на земле, благодать можно стяжать и потерять. Жизнь даже великих подвижников — это череда постоянно изменяющихся взаимоотношений между благодатью и человеческой волей, между святостью и грехом, это процесс, который у аскетов называется невидимой бранью. В вечности, когда пора испытаний останется уже позади, благодать Божия восполнит недостающее³³ и соединится с душой человека неразлучно, неразрывно, навсегда; а после

³³ Преподобный Макарий Великий утверждает, что даже святые в своей земной жизни не достигают состояния совершенства. Преподобный пишет об этом в своих творениях так: «Доньше не знаю ни одного человека-христианина совершенного или свободного. Напротив того, если и упокоивается кто в благодати, доходит до тайн и до откровений, до ощущения великой благодатной сладости, то и грех сопребывает еще внутри его» (*Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 71.*). Поэтому спасение всегда является для человека милостью и даром Божиим. Об этом свидетельствует также Карфагенский собор: «Определено и сие: если кто речет, что святые в молитве Господней: *остави нам долги наша* — не о себе глаголют, поскольку им уже не нужно сие прошение, но о других грешных, находящихся в народе их, и что не глаголет каждый из святых особо: остави мне долги моя,— но: остави нам долги наша,— так, чтобы сие прошение праведника разумелось о других более, нежели о нем самом,— таковому да будет анафема» (*Правила Карфагенского собора. Правило 129 // Каноны, или Книга Правил, святых апостолов, святых Соборов, Вселенских и Поместных, и святых отцов на русском языке. С. 204.*)—

воскресения она преобразит и одухотворит тела святых. Более того, святость в вечной жизни — это не статика, а вечное приближение к Божеству, вечное восхождение по духовным ступеням, вечное озарение Божественным светом (то, что на языке аскетике именуется обожением) все большей силы и интенсивности. В этом свете человек преображается и становится более и более способным созерцать Божественную красоту, сам делаясь от этого все более прекрасным, как кристалл, в котором отражаются и играют лучи восходящего солнца.

Почему мы прославляем святых? Или, точнее, что мы прославляем в святых? Святитель Григорий Палама, этот вдохновенный поэт исихазма³⁴, который больше всего любил безмолвие, в борьбе с еретиками был вынужден обобщить мистический опыт восточных подвижников в определенных богословско-философских категориях. В этом отношении он явился продолжателем богословия великих каппадокийцев³⁵, сочетавших в своих произведениях опыт мистических созерцаний с блестящим знанием философии.

Святой Григорий Палама, образно говоря, писал о Фаворском свете в Фаворском свете. Предвечный, вневременный и внепространственный Бог имеет в Своей сущности ипостасное, личностное бытие. Это внутренняя жизнь Божества, которая является абсолютной тайной. Она сокровенна и непостижима для Ангелов. Это Само Божественное естество, пребывающее в непреступном свете. Но есть то, что мы именуем благодатью, нетварными Божественными энергиями — силами, которые также предвечны, но могут сообщаться с сотворенным миром и воспринимаются нами как свойства и действия Божества. Святитель Григорий пишет, что Божественную благодать можно именовать Божеством. Святой становится причастником Божественной благодати, а так как Божественная благодать нераздельна и неразлучна с Божественным естеством, то святые неким непостижимым и невыразимым образом становятся общниками этого естества, оставаясь иными по природе. Поэтому, прославляя святых, мы прежде всего прославляем Бога, избравшего и освятившего их и пребывающего в них, как в Своих нерукотворных храмах.

Затем мы прославляем личность самого святого, который при помощи благодати, но своей свободной волей и произволением боролся с грехом, живущим в нем, со страстями своей души и плоти, с демоническими силами, с обычаями гордого и богоборного мира. Жизнь святых — это исполнение Евангелия в различных обстоятельствах и ситуациях, исполнение, посильное человеку, так как исполнить заповеди во всей полноте — невозможно³⁶.

Авт.

34 Исихазм (греч. — «молчание, безмолвие») — мистико-аскетическое течение в восточном монашестве; учение о пути единения с Богом через очищение человека и сосредоточение всех его душевных и духовных сил. Сформировалось уже в ранневизантийскую эпоху (IV–IX века) в египетских и синайских монастырях, а затем получило широчайшее распространение на Афоне. В первой половине XIV века основные теоретические положения исихазма были обоснованы в сочинениях Григория Синаита, Николая Кавасилы и, в особенности, Григория Паламы — создателя фундаментального учения о сообщаемости Божественных энергий, которое имело чрезвычайное значение для аскетической практики. К последователям исихазма на Руси принадлежали преподобные Сергей Радонежский, Нил Сорский и другие подвижники.

35 Великими каппадокийцами называют святителей Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского.

36 См.: *Так и вы, когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17, 10). Также и псаломпевец говорит: *широка заповедь Твоя зело* (Пс. 118, 96). Даже самое полное и безукоризненное исполнение человеком евангельских заповедей перед совершенством законоположившего их Бога представляется недостаточным. Именно такое чувство испытывали святые, жизнь которых служит образцом исполнения заповедей Христовых для нас. Так, например, преподобный авва Агафон, великий по жизни (V в., память 2/15 марта), умирая, говорил ученикам: «Сколько мог я трудился в исполнении заповедей Божиих, но я человек; почему мне знать, угодны ли были дела мои Богу? <...> Не имею дерзновения, пока не предстану Богу, ибо иное суд человеческий, а иное суд Божий» (Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1999. С. 67—68).

Итак, прославляя святых, мы прославляем Божественную любовь к человеку и подвиг человека, который через борьбу с собой открыл себя этой любви.

В молитве мы обращаемся к святому как к личности, в некотором смысле знакомой нам по жизнеописанию. Однако этими сведениями о святом сокровенная глубина его личности вовсе не исчерпывается. В мистическом плане святой всегда остается гораздо выше, нежели мы можем знать или даже думать о нем. Основа молитвы к святым — это наше ощущение некоего сродства с ними. Суть его в том, что, с одной стороны, между нами и святым пролегает огромная нравственная дистанция — его святость и наши грехи, его подвиг и наши страсти, его огненная решимость служить Богу, которая была стержнем его жизни, и наши постоянные расслабленность и нерешительность. А с другой — мы близки к святому, потому что находимся с ним в одной Церкви и потому что он, как причастник Божественной любви, страдает нам, грешным и несчастным. Личность всегда выше и шире своих проявлений и видимых свойств (которые и без того поразительны у святых.— *Ред.*), поэтому основой молитвенного общения со святыми является чувство благоговения.

Человек — общительное существо. Нам радостно находиться в кругу достойных людей. Для нас счастье — беседовать со старцем или подвижником, счастье даже немного побыть рядом с ними, так как само их присутствие согревает наше сердце; оно как будто оттаивает от мертвящего холода грехов. И, следовательно, сама возможность общаться со святыми посредством молитвы есть уже большой дар, нежели то, что мы обычно испрашиваем у них в этой молитве.

Литургическая и домашняя молитва — это образ той небесной любви, которая объединяет в вечной жизни Ангелов и святых. Любовь личностна. Предмет может нравиться, к предмету можно быть привязанным, но предмет любить нельзя, поскольку он безответен. Мы часто неправильно употребляем слово «любовь» по отношению к чему-либо: это не любовь, а желание быть владельцем и обладателем. Любить можно не «что», а «кого». Поэтому молитва — это глубокая внутренняя жизнь души. Приступая к ней, мы должны знать, что говорим с живой личностью, которая в Духе Святом не только слышит нас, но и проникает глубины нашего сердца, и потому молитва никогда не остается без ответа. Она является самой действенной силой в нашей жизни. А самое главное, она делает нас сродниками и своими в той семье, где отец — Господь, а дети Его — Ангелы и святые. В молитве должны присутствовать два чувства — покаяние и надежда. Молитва рождает благодарность Богу и покорность Его святой воле. Покаяние и надежда — корни молитвы. Благодарность Богу и покорность воле Его — цветы ее. А любовь к Господу и к святым — ее плоды.

Человек — это единая личность, состоящая из двух природ — души и тела. Поэтому нам разрешено и даже благословлено молиться не только о вечных благах и об осуществлении главной цели человека — о спасении души, но также и о житейских потребностях, о нуждах нашего бренного тела. Глубока человеческая личность: в гимнографии она сравнивается с бездной. Еще более глубока личность святого, преображенного благодатью. В этой тайне личности, в ее красоте как образа и подобия Божия — основа духовной любви и того неизреченного чувства, которое мы бы назвали мистическим трепетом молитвы, предчувствием сердца, неизреченной радостью тех, кто с Богом.

Некоторые из святых, особенно мученики, в предсмертной молитве испрашивали у Бога дар помогать людям в тех или иных обстоятельствах. Есть древний обычай просить у Иоанна Предтечи благословения на монашество, у Георгия Победоносца — помощи на войне, у великомученика Пантелеимона — исцеления от болезней и так далее. Этот обычай, основанный на предании, отразился и в литургической жизни Церкви. Существуют чудотворные иконы, особенно Божией Матери, название которых говорит само за себя, например: «Споручница грешных», «В скорбех и печалех Утешение», «Взыскание погибших» и множество других.

Есть также народный опыт: молиться тем или иным святым в зависимости от нужд человека. К таким взглядам Церковь относится по преимуществу нейтрально — не благословляя и не отвергая. Но в некоторых случаях обращения к святым основываются на совершенном недоразумении: так, например, в народе молятся пророку Науму, чтобы он навел на ум, в день мучеников Маккавеев освящают семена мака, то есть опираются в своем умозаключении о том, кому молиться, на звуковую ассоциацию (или на что-то другое, также поверхностное).

Теперь мы сделаем небольшое отступление.

Мышление современного человека становится все более дробным и аналитическим. Науки разделяются на специальности, которые, в свою очередь, дробятся и множатся на наших глазах. Возьмем, например, медицину. Раньше врач лечил практически все заболевания. Не только в древности, но даже еще столетие тому назад земские врачи обладали, с современной точки зрения, универсальными знаниями во всех областях медицины: они были и диагностами, и терапевтами, и хирургами, а самое главное, они видели перед собой живого человека как единый, цельный организм. Теперь таких врачей практически не существует. Их заменили специалисты. Больной с результатами компьютерных обследований в руках должен ходить из кабинета в кабинет. Больной как человек перестает существовать для врача: в нем видят только таблицу анализов. И современный человек свыкся с таким положением. Врач часто не обращает внимания на больного, вернее, он видит некую анатомическую и физиологическую «сумму» и берется лечить ту ее часть, которая укладывается в рамки его специальности, до остального ему дела нет: там его компетенция кончается, и пусть больной стучит в двери следующего кабинета.

Это аналитическое мышление, эта привычка искать специалистов неожиданно проявилась в религиозной жизни современных христиан. Стали появляться руководства, к каким святым надо обращаться при той или иной болезни. Теперь святые «выстроены» согласно определенной таблице и подчинены неизвестно кем придуманному регламенту, в каких случаях они должны помогать, что они могут и что не могут делать. Например, болезни живота лечит святой Модест, при грыже помогает великомученик Артемий, в общем, святые разделены по «специализации». Подобные руководства издаются большими тиражами и быстро раскупаются. Между тем еще совсем недавно, лет пятнадцать тому назад, в церковной литературе ничего подобного мы не находили. Такого рода «исследованиями» иногда занимались разве что этнографы, собиравшие материал о народных обычаях, обрядах и приметах. Но то, что делается теперь, можно назвать подменой церковного предания и даже народных обычаев, просто какой-то спекуляцией. Составителей и издателей этих книг мало интересует церковная литургия. Они составляют свои книги по следующей схеме: берут жития святых, выписывают эпизоды и события из их жизни, чудеса, которые они совершили, и составляют свои справочники по некому формальному сходству. Например, святой был воином — значит, он покровитель воинов; занимался плотничеством — значит, он помощник в столярных работах; во время пыток ему надели на ноги железные сапоги — значит, он помогает от боли в ногах; он путешествовал по святым местам — это дает основание считать его помощником путешественников. Сами святые не уполномочивали авторов таких книг решать за них, в каких случаях и как они помогают людям, поэтому такой справочный материал относится по большей части к области фантазий. Больной обратился за помощью к святому, и он исцелил ему глаза, но будь у человека другая болезнь, он также исцелил бы ее. Мы видим здесь сужение личности святого до какого-то навязанного ему «профессионализма». Происходит подмена религиозного чувства совершенно неоправданным прагматизмом. Святой как личность словно перестает существовать, остается лишь узкая его «специализация». Молитва как духовное общение, как устремление человеческой души к царству вечного света исчезает. До святого дела мало, его нашли в рубрике «Зубная боль». Если бы не ныл зуб, то он был бы не нужен.

Мы вовсе не против литургического предания и даже обычаев, имеющих под собой твердое основание. Но здесь речь идет как раз об уничтожении предания как передачи знаний в русле церковной жизни, о замене предания собственными домыслами. Святой связан с Богом, как луч — с солнцем, не по природе своей, а по благодати; и каждый святой имеет молитвенное дерзновение к Богу. Эти обширные справочники с рекомендациями и рецептами, выдуманными большей частью за письменным столом, являются поводом для острой и несправедливой критики Православия со стороны различных сект, особенно протестантского толка. На самом деле это вовсе не учение Церкви, а продукция для ширпотреба. Святые могли испросить у Бога особые дары, но мы хотим слышать их свидетельства об этом, сохраненные в агиографии и литургике, а не мнение тех, кто приписывает им «род деятельности» и «характер» чудес.

Молитва — это общение. Здесь идея этого общения как соприкосновения с новой жизнью, как освящения благодатью, как встречи двух живых личностей тускнеет и меркнет: святой должен сделать конкретное дело, оказать помощь, которую предписывает ему справочник, и более он не нужен, если подобная ситуация не повторится. А что происходит с сознанием человека, с чем ассоциируется имя святого, об этом мало кто задумывается. Святые отцы писали, что, хваля добродетель, мы становимся причастниками добродетели, что молитва — это один из путей уподобления тому, к кому она обращена. Теперь молитва постепенно теряет свою мистическую глубину: «кто» оказывается не нужен, остается лишь «что».

В последнее время появилось также множество неизвестно кем сочиненных молитв, которые на самом деле молитвами назвать трудно. Они написаны на душевно-чувственном уровне, их стиль совершенно не отвечает внутренней динамике молитвы. Если сравним их с церковными молитвословиями, то увидим, что они представляют собой нечто подобное размышлениям, медитации либо стихам, чаще всего не лучшего качества.

В церковных молитвословиях душа находит себя, они передают мистический опыт святых, его словесное выражение. Этот опыт настолько глубок, что человек, читающий их, находит в них свое и себя. Эти молитвы — излияние сердца, очищенного благодатью и потому более остро ощущающего враждебное давление демонической силы и тяжесть греха; в них заключено огромное духовное напряжение, но в то же время нет чувственной восторженности, внешнего драматизма. Поэтому из века в век они читаются православными христианами, передаваемые из поколения в поколение; они приемлемы для любого духовного возраста; унаследованные большей частью от древних, они никогда не устаревают, обращенные от духа к духу — стержню человеческой личности.

А молитвы, составленные «на все случаи жизни», приспособленные к различным обстоятельствам и нуждам, написаны от рассудка и потому трогают душу, но не дух. Этими молитвами человек редко молится, то есть возводит око души к Богу; чаще всего он читает их как поучение о том, что христианин должен делать, думать и переживать в данном случае. И это тоже снижает религиозное чувство. Молитва не только по своему содержанию, но даже в структуре фразы и расстановке слов отражает внутреннее состояние авторов: и здесь, в этих молитвах, написанных в повествовательном ключе, с подробным изложением сущности дела, о котором просят Бога, очевидно соскальзывание от духа к душе. Человек не может найти себя в таких молитвах, не может услышать в них созвучия своему духу; читая такую молитву, он «объясняет» Богу и самому себе, что надо делать, но дух его вряд ли пробуждается от обычной дремоты.

Посредством молитвы мы включаемся в Небесную Церковь, в световом поле Божественной благодати мы преодолеваем свою тварную ограниченность и вызываем к жизни тот духовный потенциал, в котором запечатлены образ и подобие Божии. Мы углубляем и расширяем свое бытие, вернее, не мы, а Божественная сила, которой через молитву человек дает возможность действовать в своей душе.

Некоторые недоумевают: о чем молиться, когда Бог лучше нас знает, что нам нужно? Кто говорит так, тот не понимает суть молитвы. Бог хочет дать нам Себя как величайшее

благо, но этот дар можно принять только через любовь; мы же любим не Бога, а себя. Это самое страшное последствие грехопадения. Основой жизни стал не Бог, а самость. Поэтому надо повернуть к Богу свое сердце, надо волевым усилием искать потерянное, воссоздавать разрушенное, выходить из плена страстей и создаваемых ими иллюзий в мир той высшей истины, которую открывает нам Евангелие. Однако действительно совершить это может не наша растленная природа, а Божественная благодать. Но благодать хочет, чтобы мы сами, свободно, по собственной воле стремились стяжать ее, подчиняли ей свой разум и чувства. И здесь происходит сложное взаимодействие человеческой воли и благодати, которое трудно охватить мыслью и заключить в слово: «Я не могу, но я решаю; я бессилен, но без меня Бог не может спасти меня; я поражен грехом, который вошел, как болезнь, в мое естество, но я стремлюсь к Богу; я немощен, но я действую; без помощи Божией я не способен даже помыслить о добром и в то же время я ответствен за зло, которое творю, включая каждое лживое слово и каждую нечистую мысль. Раз я ответствен за собственную душу и совесть говорит мне, что я делаю добро и зло не по необходимости, а произвольно, значит, есть во мне нечто, что стоит над бездной греха в моей душе. Моя воля растлена, как и все чувства, но что же осталось во мне?».

Преподобный Максим Исповедник открывает нам, что существуют две воли: одна — естественное хотение, а другая, названная им гномической волей, — это способность делать выбор³⁷. «Не я вначале ищущу Бога, а Бог вначале ищет меня», и здесь ответ на Божий призыв должна дать гномическая воля: «Не “кто я есть”, а “кем хочу быть” и “Кто может спасти меня”». Совершается взаимодействие благодати и воли, именуемое синергизмом³⁸. Но это слово может быть понято неправильно, в каком-то полупелагианском³⁹ смысле. Поэтому мы должны помнить, что тут идет речь вовсе не о взаимодействии равных сил — воли и благодати; здесь совершает благодать: она творит, освящает, дает силы и обновляет падшее человеческое естество, а воля обращена к благодати как к единственному средству спасения. Это устремление от себя к благодати.

Представим такую картину. Человек попал в омут, который затягивает его. Он сам не в силах сопротивляться движению воды. Но вдруг с берега ему бросили веревку, он схватился за нее обеими руками, и его вытянули на берег. Человек не мог спастись своими силами, но он сделал правильный выбор: не пытаясь сопротивляться воде, крутившей его, точно щепку, он ухватился за веревку и с ее помощью достиг берега. Нечто похожее происходит во взаимодействии человеческой воли и благодати. Господь по любви к нам дает и затем отнимает Свою благодать, вернее, явственное действие благодати; она как бы скрывается от нас и действует тайно. Мы должны снова и снова искать ее, видя свое бессилие и возлагая всю надежду лишь на Бога. Так формируется личность человека. У животного нет личности, но лишь природа: род, вид и в некотором отношении индивидуальность, то есть особенность. Личность есть принадлежность только Божества, Ангелов и людей.

Взаимоотношение между благодатью и волей более всего определяется в молитве. Молитва — это обращенность к Богу. В молитве благодать обновляет образ и подобие Божие в человеке, то есть, говоря неуклюжим современным языком, активизирует их, приводит в динамичное состояние, а свойство образа Божия — отражать в себе

37 «Мы, таким образом, по природе обладаем естественной волей, реализация которой зависит от нашего выбора, осуществляемого гномической (разрядка наша.— *Ред.*) волей (от греч. *gnomē* [гноми] — «мнение, выбор»). Гномическая воля не является свойством природы, а составляет принадлежность личности» (Протоиерей Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Клин, 2001. С. 365).

38 Синергизм (греч. «содействие, соучастие») — святоотеческое учение о свободе воли как обязательном внутреннем условии спасения. Примитивно говоря, Бог не спасает человека без воли самого человека, и человек не может спасти себя сам без Бога.

39 Пелагианство — учение монаха Пелагия (ок. 360 — после 418), распространившееся в странах Средиземноморья в начале V века, ставившее спасение человека в зависимость от его собственных нравственно-аскетических усилий, отрицая наследственную силу первородного греха. Осуждено как ересь на III Вселенском соборе (431).

Первообраз. Поэтому в молитве человек учится любить Бога. Но духовная любовь — это также действие и дар благодати. Молитва неотделима от человеческой жизни. Если человек молится правильно, то исполнение евангельских заповедей открывается перед ним как истинная жизнь, через них он ощущает, как благ Господь. Молитва без исполнения заповедей превращается в бесплодный труд. В то же время без молитвы невозможно исполнить евангельские заповеди, ведь Господь сказал: *Без Меня не можете делать ничего*⁴⁰. И опять: молитва, когда человек небрежит об исполнении заповедей, уподобляется посаженному на каменистой почве дереву, которое не может пустить корней.

Молитва — самое большое искусство и в то же время самая простая вещь, как прост детский лепет, когда ребенок говорит: «Мама», чувствуя ее присутствие, ее тепло, ощущая всей душой, что без матери жизнь его невозможна. В молитве самое главное — не потерять чувство присутствия Бога как живой Личности. Когда это чувство есть, то для молитвы нет нужды во внешних механизмах, тогда человек благодарит Господа за самый дар молитвы, за то, что он может возвести око сердца к Тому, Кому с трепетом поклоняются Ангелы.

Высший дар

Главным структурирующим принципом человеческого тела является его нервная система. Нервные волокна пронизывают весь человеческий организм, как нити — основу ковра, делая конгломерат, а вернее, поток бесчисленных клеток, одним существом, одной монадой. Нервная система — это сложная энергетическая сеть, похожая на сеть оросительных каналов, соединенных с рекой. Повреждение нервных волокон превращает человека в живой труп: его тело становится неподвижным, неуправляемым, подобным статуе из камня. Меньше всего в человеческом организме изучена нервная система; она остается для науки сплошной загадкой, недоступной для аналитического скальпеля.

Чем является нервная система для тела человека, тем же — молитва для души. Без молитвы душа превращается в парализованного, прикованного к своему одру болезнью, словно цепью.

Бог сотворил тело Адама из земли и вдохнул в него живую душу. Душа по природе небесна. Молитва — это обращение души к своей родине — к небу. В молитве душа пробуждается от земных сновидений и осознает себя дыханием Божественных уст. Душа по природе своей проста, как проста поверхность зеркала: если зеркало обращено вверх, то оно отражает в себе небо; если повернуто вниз, то землю. Душа, обращенная к небу, становится частицей неба; душа, обращенная к земле, как бы срастворяется с землей и делается сама косной и тяжелой. Молитва — это та сила, которая отрывает душу от земли и возводит ее горе. Молитва — крылья души. Самое несчастное существо — орел с обрезанными крыльями, который как бы прикован к земле.

Духовная жизнь может сделать человека более мудрым, чем все книги всех библиотек мира. Господь говорит о внутреннем оке человека⁴¹; оно открывается благодаря молитве, и тогда человек видит не в визуальных образах, а в непосредственном свидетельстве сердца духовный мир, настолько величественный и великолепный, что весь мир материальный кажется в сравнении с ним землянкой. Господь говорит о внутреннем слухе души⁴², который раскрывается через молитву, и тогда человек проникает в глубину евангельских слов и познает их сокровенный смысл. Молитва проста, как сама душа, и в то же время молитва — величайшее из искусств; она присуща душе, ближе ей, чем внешнее слово, потому что душа от Бога и носит образ Божий. Но нам надо учиться молитве, как учатся заново ходить после тяжелой многолетней болезни.

Человек представляет собой трехчастное единство духа, души и тела. Душа и тело находятся в теснейшем взаимодействии; но дух — царь души и тела — свергнут со своего

40 Ин. 15, 5.

41 См.: Лк. 11, 34.

42 См.: Мф. 11, 15.

престола и пленен страстями души. Поэтому молитва у нас не может сразу стать духовной. Надо начинать с того, что мы имеем — с душевной молитвы, а когда пробудится дух и умирятся душевные страсти, тогда молитва будет постепенно очищаться и одухотворяться. Без тяжелой борьбы со страстями духовная молитва невозможна.

У святых отцов часто употребляется слово «сердце» — центр, средоточие; физически оно локализуется в области телесного сердца, но не сливается с ним. Что такое духовное сердце — для нас тайна. В сердце пробуждается дух, но в сердце зарождаются и страсти. Из него исходят помыслы благие и злые. Метафорически можно сравнить сердце с дворцом со множеством комнат. Некоторые из комнат закрыты наглухо, так что никто не подозревает об их существовании. Страсти живут в человеческом сердце, как в передних комнатах этого дворца, поэтому они нечто внешнее по отношению к глубинам сердца. Тот, кто видит свои грехи и сатану в собственном сердце, видит только внешние области сердца, а когда пробуждается дух, то благодать открывает главную залу царского дворца, о которой не знал и не ведал сам человек.

Душа имеет три силы: мыслительную, раздражительную и желательную; по другой, менее точной терминологии: разум, волю и чувство.

С чего начать молитву? С той силы, которая наименее повреждена грехом,— с мыслительной силы. Надо учиться удерживать умом слова молитвы, сочетать с ними мыслительную силу, вживаться разумом в их смысл. При этом мысли, будто капли ртути, разбегаются во все стороны: нужно собирать их снова и снова. Эта мысленная борьба похожа на погоню за беглыми рабами, которых насильно возвращают назад и заставляют обрабатывать землю в имении их господина. Земля сердца тверда, словно камень; слова молитвы мягки, как вода. Струя воды льется на камень: кажется, что он тверд, как алмаз; так и сердце, но слова молитвы постепенно делают его мягким и податливым. Человек долгие годы трудился ради своих страстей, чтобы получить в качестве платы несколько капелек горького меда — греховного наслаждения. В этом отношении он был усердным тружеником, а теперь Господь хочет, чтобы он потрудился ради Него, поэтому не дает ему дар молитвы тотчас.

Итак, начало молитвы — это умение заключать ум в ее словах, подобно тому как приучают к удилам и седлу необъезженного коня. Сколько раз во время такой езды конь будет стараться сбросить с себя всадника, пока не покорится ему!

Вторая сила, называемая раздражительной силой,— это воля, динамика души, умение отсекал и отбрасывать то, что по природе чуждо душе, гнев на все, что мешает молитве. Гневаться-то мы умеем, но употребляем гнев не по назначению, нанося раны своим братьям. Не мы владем гневом, а гнев владеет нами. Некоторые считают, что надо искоренять всякий гнев, как вырывают с корнями дерево, чтобы сохранить спокойствие духа. Но в нашем вавилонском пленении, когда еще не обузданы страсти, такая победа весьма сомнительна: вместо спокойствия мы можем перейти в состояние равнодушия, апатии и безразличия, которые проявятся в молитве как холодность и рассеянность. Надо уметь направлять гнев как силу, данную от Бога, в нужное русло: гневаться на диавола за то, что он мешает молитве; гневаться на себя за то, что мы слушаемся голоса своих страстей и идем за ними, как любопытное дитя за цыганским табором; нужно гневаться на греховные прилоги и прогонять их гневом, как зверей — горячей головешкой, вынутой из костра.

Страсти — это исковерканные силы души; их можно сравнить с растениями-паразитами, которые впились в дерево и высасывают из него соки. Чувства изначально вложены в человеческую природу, но после грехопадения они стали искаженными и обезображенными, как лица детей, похищенных компрачикосами⁴³. Если мы в молитве холодны и равнодушны, то воспользуемся способностью гнева, вызовем его и направим против собственного равнодушия и бесчувствия. Если нам трудно вызвать гнев против

⁴³ Компрачикосы (исп.) — в Испании, Англии и других странах в XIII–XVI веках люди, похищавшие или покупавшие детей и уродовавшие их для продажи в качестве шутов и акробатов.

себя, то попробуем перехитрить диавола: вспомним о том, кого мы считаем своим врагом, затем уберем этот образ, но удержим гнев и подставим под его огонь самих себя — свое безразличие и рассеянность, которые оскорбляют Бога. Затем подумаем, насколько ничтожен проступок человека по отношению к нам, в сравнении с нашей виной перед Богом; простим обидчика, но не простим себя. Впрочем, этот прием не всегда и не всем удается. Иногда бывает трудно переключить гнев, как в темноте электричество из одной сети в другую. Во всяком случае, если у нас возникнет гнев на человека, то надо постараться обратить его на невидимого врага, в руках которого наш обидчик только камень, брошенный в нас. Гнев может стать нашим оружием, если мы овладеем искусством гневаться на то, что отвлекает нас от молитвы, и переключать гнев на собственные страсти и демона.

Итак, раздражительная сила является стражем молитвы, если можно сказать,— псом молитвы, который бросается не только на воров, но и на непрошенных гостей, проникших во внутренний двор человеческой души. Святые отцы различают два действия раздражительной силы: бдение и трезвение. Бдение — контроль над помыслами; трезвение — над страстями, хотя одно и другое тесно связаны между собой.

Третья сила души — желательная. Молитва — это прежде всего голос сердца. Беседа друг с другом, мы воспринимаем волновые вибрации, превращающиеся в звуки, а до неба доходят вибрации нашего сердца — безмолвные слова, которые произносят уста нашей души. Чувства — это струны сердца, которые должны звучать в унисон с молитвой. Когда молитва очищается от помыслов, точно руда от шлака, то чувства духа начинают пробуждаться сами собой. Но и здесь требуется волевое усилие: надо разбивать скорлупу слов и извлекать из них сердцевину, то есть чувствовать слова и переживать словесный образ без визуальных представлений. Здесь «оттаивает» периферия сердца, поэтому можно говорить о его пробуждении: оно обнаруживает признаки жизни. Молитва проявляет реалии духовного мира и делает их очевидными для человеческой души.

Художество отличается от ремесла тем, что для художника его труд является не средством заработка, а смыслом жизни. Труд молитвы превращается в художество: когда в нее вкладывается душа человека, тогда она становится живой и неповторимой. Человек ощущает, как бы осязает слова молитвы. Нередко у него возникает уверенность, что его молитва принята Богом, но ответ Бога на молитву остается тайной; чем дерзновеннее молитва, тем сокровеннее эта тайна. Молитва, в которой присутствует лишь воля, похожа на рисунок тушью, а молитва, оживотворенная чувством,— на картину, написанную красками.

Молитва — высший дар; она уподобляет человека Ангелам. Чем большим жертвует человек ради молитвы, тем больше он приобретает через нее. Если бы даже он пожертвовал целым миром, то приобрел бы несравненно высшее, нежели мир,— Самого Бога, Творца мира, и себя — через Бога.

Апостол Петр сказал Спасителю: *Вот, мы оставили все и последовали за Тобой*⁴⁴. *Оставить все* — это оставить свои привязанности, родство, стремление к внешнему и тленному; *оставить все* — это оставить все свои помыслы ради Господа и пребывать в молитве.— *Что будет нам*⁴⁵? — спрашивает Петр, и Господь отвечает: *В пакибытии... сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых*⁴⁶. Это значит, что пример жизни апостолов будет судить тех, кто думал оправдать себя, считая заповеди Евангелия превышающими силы человека. Здесь требуется пожертвовать всем, отказаться от интеллектуального стяжания, от своего эмоционального богатства, от земных привязанностей и пристрастий. Чем выше поднимается путник в гору, тем однообразнее становится растительность; исчезают деревья, затем кустарник и цветы, остаются только покрытые мхом камни, и, наконец, на вершине горы не видно жизни: там земля словно

44 Мф. 19, 27.

45 Там же.

46 Мф. 19, 28.

окутана саваном смерти, там безмолвие, глубокое, как небо, там белизна вечных снегов и прозрачные глыбы льда, в которых отражаются ослепительные лучи солнца,— это тайна духовной жизни через... смерть. Один подвижник сказал: «Я уничтожил все, чтобы приобрести все»; а другой добавил: «Я уничтожил все, чтобы приобрести себя». Кто решится на этот подвиг и вверится Промыслу Божию (а это так же трудно плотскому человеку, как броситься в наполненную мраком бездну), тот может достигнуть молитвы, о которой писал апостол Павел: *Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными*⁴⁷; это жертва, которую он же назвал *сораспятием Христу*⁴⁸.

Человек, мечтающий о духовной молитве, но привязанный сердцем к миру, похож на птицу в клетке: эта клетка может быть золотой, но птица остается пленницей. Отречение ото всего, что дорого нашему плотскому сердцу, отречение от мирских забот, хотя бы они носили личину добра, отказ от обычаев, понятий и условностей мира — это выход из Египта в землю обетованную. Есть молитвенные степени, подобные ступеням небесного храма, которые невозможно описать словами, как посредством графики нельзя передать звучание музыки.

Молитва — это не размышление, а обращенность к Богу, это диалог двух личностей — человека с Богом. Человек обращается к Богу через слово и слышит ответ внутренним слухом души или в событиях своей жизни. Без ответа не остается ни одна молитва, произнесенная от сердца.

У каждого человека свой путь молитвы — неповторимый, как сам человек, но есть общее в молитвенном делании — это внимание. Молитва — это «душа души», а внимание — душа молитвы, ее основа. Надо помнить, что мы находимся пред лицом Бога, и постоянно удерживать эту мысль. Образно говоря, молитва — это встреча, которой удостаивает нас Бог. Итак, становясь на молитву, мы должны помнить, что находимся в присутствии Бога, Который выше пространства и времени, и ведем беседу с Тем, Кто сотворил вселенную, Кто даровал нам жизнь, бессмертную душу, и само молитвенное слово. Надо просить Бога: «Господи, я не могу без Тебя молиться; Сам пребывай во мне, Сам помоги молиться, Сам прими молитву и исполни по воле Твоей».

Сознание, что мы ничто, а Бог все, дает место Богу в сердце, делает молитву сосредоточенной и оживотворяет ее.

Начало молитвы — видение своих грехов; оно рождает покаяние, от которого душа человека становится как бы прозрачной, а тело — менее плотным и отягощенным, словно уменьшается его притяжение к земле.

Середина молитвы — познание, что Бог — это огонь. Бог — ревнитель: Он хочет всего человека. Огонь согревает, но и опалает. Тепло души переходит в свет ума. Бог открывается человеку как неизреченная Красота, вернее, человек по временам видит отблески этой Красоты, далекие, как зарницы в небе. Тогда он может решиться отдать все ради молитвы, ради еще неясных очертаний скрытого в тумане Фавора.

Конец молитвы бесконечен, это «другой берег Иордана», это жизнь духа. Для мистиков это трепет тайны, которая, раскрываясь, делается еще более глубокой, необъятной и непостижимой. Здесь открывается новое видение мира — на сияющем фоне вечности; здесь слова перестают быть даже тенью будущей жизни, наступает безмолвие не как отсутствие, а как полнота бытия. Поэтому святые отцы молчаливостью и безмолвием, как песней, прославляли Бога.

Трапеза любви

Почти у каждого христианина имеется маленькая книжка под названием «помянник» — аналог древнего диптиха, куда вписаны имена живых и усопших. Эту книжку он подает в храме на проскомидию и ектеньи, на молебны и панихиды, ее должно прочитывать ежедневно на своих домашних молитвах.

⁴⁷ Рим. 8, 26.

⁴⁸ Ср.: Гал. 2, 19.

Что означает список имен? Каждое имя знаменует собой человека: в списке живых — человеческую личность, в списке умерших — душу, ушедшую в другой мир, в неведомое нам бытие. Помянник — то духовное поле, на котором мы невидимо встречаемся с душами живых и усопших, не только с ними, но и с их Ангелами-хранителями. Помянник — связь между живыми и мертвыми, между всеми, кто носит имя христианина, связь через благодать, когда нет препятствий и расстояний, нет далеких и близких, нет разделения и различия между живущими на земле и теми, чьи тела пребывают в могилах, как на своих ложах, до воскресения из мертвых. Мы все находимся в духовном граде, имя которого — Церковь.

Помянник — это место встречи, путь к которому лежит через человеческое сердце. Только голос сердца слышен на небе, а слова одних лишь уст растворяются в воздухе и бесследно исчезают, как рябь на поверхности воды. Нерадивая молитва не способствует единению человеческих душ: она словно цепь с разорванными звеньями. За каждым именем — человек, с его нуждами, страданиями и болью. Каждое имя — это уста, взывающие к нам о помощи, особенно имена умерших — это беззвучный вопль из могил. Наше отношение к именам должно быть таким же, как и к самим людям, которые скрыты за ними, как за завесой.

Есть обыденное выражение — «читать помянник». Как часто мы делаем это буквально — читаем, а не молимся, перечисляем имена, будто пересчитываем камушки, а нередко читаем с отключенным, сонным сознанием, расслабленной волей, рассеянными мыслями, как бы невидящим взглядом.

Молитва имеет один корень со словами «молить, умолять, миловать, милость, умиление». Молиться — значит просить Бога о помиловании, как осужденный просит судью о снисхождении. Умолять о ком-то — значит чувствовать чужую боль, как свою собственную, подавать руку упавшему, как бы взваливать на себя ношу изнемогающего под ее тяжестью. Молиться — значит обращаться к океану Божественного милосердия, поэтому молитва должна звучать с воодушевлением упования.

Части помянника — словно день и ночь. Живые пребывают на земле, как бы при свете дня: мы можем их видеть, слышать и осязать. Усопшие переселились в мир, который остается для нас тайной: они живы, но, словно во тьме ночной, мы не видим их.

Помянник — символ того, что наши близкие всегда с нами. Помянник — это память о смерти, с которой каждый из нас заключил договор в день своего рождения: те, кто сегодня в списке живых, в свое время будут внесены в список умерших, но нет ни одного имени, которое было бы перенесено обратно, так же как не может река потечь вспять. В то же время помянник — удостоверение о том, что смерти нет, что смерть — это только разлука, которую преодолевает молитва.

На земле все страдают — и праведные, и грешные; все нуждаются в помощи и сострадании, поэтому имена, написанные чернилами, в духовном смысле пишутся слезами и кровью.

Помянник — барометр нашей любви: насколько внимательно мы читаем его, насколько глубоко поминаемые затрагивают наше сердце и согреваются его теплом, настолько мы исполняем заповедь Божию о любви, которая выше закона.

Вера, надежда и любовь триедины. Но вера — это первая ступень духовного восхождения; она рождает внимание и укрепляет терпение в молитве. Внимательная молитва дает человеку некое таинственное извещение о том, что он услышан Богом. Надежда изгоняет сомнение и привлекает к душе благодать, которая открывается как любовь; тогда человек молится о своих врагах, как о друзьях, и не хочет, чтобы кто-либо был наказан за него. Он молится о благополучии своих обидчиков и прощает их, хотя бы они не просили прощения. Имена врагов в помяннике — это ключ к духовной сокровищнице, это тот огонь, который сжигает зависть, словно солому, изгоняет из сердца злобу и мстительность, точно змей, и «переплавляет» врагов в друзей. Молиться сосредоточенно и внимательно так же мучительно, как проливать кровь, поэтому

помянник сродни полю невидимого боя; но после усердной молитвы о ближних человек чувствует успокоение совести и радость победы.

Помянник — это возможность вернуть усопшим долг, который остался за нами. Помянник — это запечатанное письмо, посылаемое Богу. Помянник — испытание веры, проявление надежды, подтверждение любви, это раскрытие того, что таится в нашем сердце: сострадание или безразличие, тепло весны или холод зимы. Помянник — это приготовление к собственной смерти, когда душу встретят те, кого она любила, за кого молилась, кто опередил ее на пути в вечность. Помянник — это трапеза в твоём доме для нищих и странников и пир любви для друзей. Невнимательная молитва похожа на стол, покрытый скатертью, но без яств: ты позвал гостей и проводил их голодными. Нерадивая молитва — это зеркало твоего лицемерия.

Помянник — это плат, которым ты можешь отереть слезы скорбящих или обиженных тобой. Помянник — это вервь, спущенная тем, кто находится в аду, как бросают веревку попавшему в омут. Помянник, поданный в алтарь на литургию, становится подобным лону Авраама, где все нуждающиеся обретают покой. Если ты читаешь помянник со вниманием, то он похож на небо, усеянное сверкающими звездами, а когда нерадиво — на небо, затянутое облаками.

Грешник — враг собственной души, которая не только в будущем веке, но и здесь, на земле, страдает, хотя сам он не осознает этого, как рожденный в темнице не понимает, что лишен солнечного света. Но даже в душе грешника живет некая тоска о небесном, и потому имена тех, кто потерял Бога, словно исполненные слез очи их духа, обращенные к тебе с мольбой.

Помянник — возможность всегда и везде делать людям добро. Когда человек от души молится о других, то их Ангелы-хранители молятся о нем; поэтому помянник превращается в один из источников духовного света для тебя самого, и твоя молитва, как отраженный свет, усиленный молитвами Ангелов, возвращается к тебе. Помянник — копилка духовной милостыни, и ее твой Ангел-хранитель положит на весы правосудия Божия в день Суда; и тогда ты увидишь, что каждая твоя молитва, как две лепты вдовицы, уподобится слитку золота. Помянник — это предвестник твоей будущей встречи с теми, о ком ты молился и кто будет благодарен тебе больше, чем голодные тому, кто кормил их. Самое высшее счастье человека — умение любить. Любовь — это сама жизнь, а помянник — возможность ежедневно учиться науке любить людей.

В помяннике как бы скрещиваются пути: от сердца к сердцу — тех, кто на земле; молитва о тех, кто спасен,— это путь, уходящий в небо; молитва о тех, кто осужден,— луч, нисходящий в бездну ада. Эти пути, пересекаясь друг с другом, образуют крест.

Господь сказал: *Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить*⁴⁹, и еще: *Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут*⁵⁰. Твой помянник, если ты раскрываешь его так часто, как птица свои крылья, дарит надежду на то, что и твое имя будет вписано в вечный Помянник на небесах — в памяти Божией.

Предошущение вечности

В церковной символике число «восемь» означает вечность. Восьмой день, выходящий за пределы обычной семидневной недели, символизирует вечную жизнь, ту, в которой для души человека есть начало, но не существует конца. И потому восемь — конец времени и начало той новой формы бытия, которая именуется вечностью.

В православном богослужении песнопения делятся на восемь гласов. Каждому из них присуща особая мелодия. Мелодия представляет собой как бы эмоциональный «подтекст» слов. Она призвана помочь человеку ощутить глубину молитвенных выражений. Слова — это как бы изображение на картине, а мелодия — ее краски. Поэтому богослужение допускает только те мелодии, которые в мистическом плане созвучны

49 Мф. 7, 2.

50 Мф. 5, 7.

словесному содержанию молитв. Восемь гласов символически можно представить как восемь ступеней на пути к вечности. Однако это не вещественные ступени и лестницы, возводящиеся друг над другом, а ступени духовного восхождения, которые сами по себе равны, так что одна не преимуществует над другой, так что нет основания и вершины. Каждая является «трамплином» для души в ее движении к Богу и вместе с тем дополняет прочие, не сливаясь с ними.

Число «восемь» в отношении к гласам символизирует также одну из важнейших сторон богослужения, а именно: здесь время соприкасается с вечностью, человеческое сердце ощущает дыхание вечности. Для ума вечность всего лишь философская абстракция. Она может захватывать человека своей непостижимой тайной и своим бесконечным величием, но не может стать достоянием человеческого разума; более того, разум человека, пытающегося представить или определить вечность, как бы надрывается под ее космической тяжестью и сгорает, словно в огне. Представление о вечности могут иметь только обогащенные мистическим опытом подвижники, соприкасающиеся с вечностью в молитве, но они предпочитают молчание, подобно тому как ювелир отказывается от работы, когда не находит камней, достойных царской диадемы.

Человеческое сердце может ощутить вечность, когда его внутреннее око как бы приоткрывается и видит то сокровище, которое в будущем станет его достоянием. Это сокровище, которое можно приобрести, но затем потерять. Описание вечности человеком включает в себя только определенные образы, которые он использует, и его тонкие субъективные воспоминания о пережитых состояниях, когда замирали внутренние часы, отсчитывающие время, когда они как бы останавливали свой постоянный ход. Это чувство можно забыть, эту память утратить, этот свет, не оберегая его от мира, — угасить. Поэтому духовная жизнь — это постоянный труд и постоянное бдение над собственным сердцем.

На воскресной утрени, перед Евангелием, произносится и поется прокимен — определенный псаломский стих, который готовит человека к слышанию Священного Писания — голоса Божиего, обращенного к душе: *Ныне воскресну, глаголет Господь, положуся во спасение, не обвинюя о нем*⁵¹. *Ныне* означает настоящее, то, которое переходит в будущее, когда воскреснет, восстанет, явит Себя человеческой душе Господь. Господь Живой, исполненный сил восстанет в свете благодати, в котором уже не останется места сомнению в том, что с душой говорит Бог. Когда Господь является человеку, то Он становится душе ближе, чем собственное сердце, а разум уже не требует доказательств, но просто знает, что это Господь, как не требует доказательств от солнца, поднимающегося из-за горизонта. *Ныне* означает, что сегодняшний день — день спасения.

Глаголет Господь — Господь является душе безвидно и глаголет безгласно. Так бездна при восходе солнца ближе, чем в ночной темноте. Тайна, отчасти открываясь, не перестает быть тайной, и это некое самораскрытие тайны больше всего указывает на ее непостижимую глубину. Господь глаголет и безмолвствует, а душа внимает и поучается не с помощью внешних знаний, а посредством того, что ее лик становится другим.

Положуся во спасении. Господь говорит душе: «Я — твой единственный Спаситель. Некогда Я явлюсь как Судия, явлюсь как Мститель и пожирающий огонь — таковы свойства Моей отвергнутой любви. Но ныне Я явился тебе как Спаситель и Искупитель, чтобы сказать: “Не бойся, Я с тобой”».

Не обвинюя о нем. «Я не изменю Своему слову, Я не оставлю тебя, Я даю тебе залог: это мое имя — “Иисус Христос, Сын Божий”; за него ты можешь держаться, как утопающий за брошенную ему вервь. Я даю тебе имя Мое, которым ты можешь сражаться с силами ада, как непобедимым оружием, и когда тебе покажется, что ты изнемогаешь в этой борьбе, то знай, что Я смотрю на твое сражение, что Я с тобой. Я не оставлю тебя до тех пор, пока ты сам не оставишь Меня».

51 Прокимен в воскресенье на утрени, глас 1.

*Словеса Господня, словеса чиста*⁵². В мире лжи и лицемерия, где из человеческих речей сплетаются клубки обмана, где клятвы рвутся легко, точно паутина, где сами слова источают смрад, как мусорная свалка, где сказанное одним человеком ранит сердце другого, где говорят для того, чтобы скрыть свои мысли,— в этом безумном карнавале слов ты увидишь вечный свет Божественных слов, бесконечно далеких и бесконечно близких тебе. Это слова молитв, слова Священного Писания. Слова молитв, которые были написаны сначала в сердцах, а затем на пергаментях перстом Святаго Духа, и самое прекрасное и светлое из всех слов — имя Иисуса Христа. В нем воплотилась небесная Истина, в нем небо встретилось с землей, в нем соединились правда и любовь.

Словеса Господня, словеса чиста — это свет, в котором нет тени; это истина, которая не изменяется от земных обстоятельств; это путеводные звезды, которые указывают путь. Где бы ни находился человек, словеса Господни вечны и неизменны. Проходят годы и десятилетия, века тянутся за веками — так история движется, словно нить четок в руке молящегося, но слова Господни непоколебимы, как небесный свод. Слова Господни не только сами чисты, подобно солнечным лучам, они делают чистыми человеческую душу, и более всего убеляет ее имя Иисуса Христа, в котором Бог открыл Себя миру. Имя Божие крепче гор, которые истачиваются ветрами и дождями и разрушаются временем. Оно глубже, чем морская бездна, которая исчезнет в пламени второго — огненного — потопа. Оно чище звезд, которые спадут в конце мировой истории с небесной тверди. Оно ярче солнца, которое померкнет. Это имя, повторяемое в человеческом сердце, низводит в сердце Царя Ангелов, Творца неба и земли.

*Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя*⁵³. Сама милость многообразна: она охватывает все бытие человека. Наша жизнь как сотворение из ничего — уже первая милость. Милость Божия — каждое наше дыхание, без которого невозможно существовать. Наше прошлое, настоящее и будущее — все это милость Божия, которую мы не замечаем, а иногда сознательно отвергаем. Мы окружены милостью Божией, как рыба водой, но не понимаем этого, как рыба не понимает, что значит для нее вода, пока ее не выбросит на берег. Милость Божия проявляется не только в благополучии человека, но и в испытаниях и наказаниях, которые представляют горькое, спасительное лекарство для человека.

Мы чаще всего просим у Бога благополучия и удачи в нашей земной жизни. Но главная милость — это вечная жизнь, которую Господь открыл для нас Своим Крестом, смертью и воскресением, и об этой великой милости — вечном спасении — мы часто забываем просить у Бога, как будто земля сокрыла от нас небо. Господь делает нас причастными Своей Божественной жизни через стяжание благодати, а средство для этого — непрестанная молитва, которая сама по себе является одинаковым достоинством для Ангелов и для людей. Знание имени Божия, которое было сокрыто от праведников Ветхого Завета и дано христианам,— это великая милость Божия. В ней заключаются залог самОй Божественной любви к людям, все блага прошлого как прощение грехов, которые мы совершили; настоящего как возможности соединить в своем сердце данное мгновение с именем Божиим и будущего как семян вечной жизни, которые всеяны здесь, словно в землю, в человеческую душу, а произрастут в вечности, где имя Иисуса Христа претворится в Божественный Свет.

Якоже уповахом на Тя. Господь указывает нам на условие Его милости. Это условие — упование на Бога, надежда, которая не посрамляет. А мы надеемся на людей и на различные обстоятельства больше, чем на Бога. При успехе и благополучии мы забываем о Боге и отдаемся суетной жизни, от успехов охладевает, каменеет наше сердце. А при внезапной беде или скорби сначала взываем о помощи к этому миру, который постоянно обманывает нас, и уже только потом — к Богу. Другими словами, мы не надеемся на Бога, и потому нашу душу обуревают тучи помыслов, загромождает множество планов и

52 Стих того же прокимна.

53 Пс. 32, 22.

меняющихся решений, потому так слаба и темна наша молитва, потому сердце наше колеблется страхом и страстями, а в уме толпятся мысли, враждующие друг с другом. Вся эта внутренняя смута рождает потоки бессмысленных слов. У нас открыты уста и закрыто сердце. Но если бы мы надеялись больше на Бога, нежели на человека (и на самих себя), то наше сердце открылось бы навстречу Богу, а уста затворились, желая повторять имя Божие, а не искать спасения во многоглаголании.

Надежда — это как бы мерило милости Божией: насколько велика наша надежда на Бога, настолько мы будем утешены от Него. Но эта надежда стяжается трудами и борьбой с собой. Поэтому нашей молитве подобает быть молитвой надежды. Молясь, мы должны быть так же спокойны, как если бы уже получили просимое. Отсутствие надежды — это тайное неверие. Вот отчего наша молитва часто лишь звук, исчезающий в пространстве, или же подобна дыму, стелющемуся по земле. Кто молится без надежды, тот оскорбляет Бога, сомневаясь в Его могуществе или в Его любви.

*Радуйтесь, праведнии, о Господе, правым подобает похвала*⁵⁴. В этом стихе указано два источника радости, которые соединяются в одну светозарную реку, текущую в человеческом сердце, кипящую, искрящуюся, пенящуюся веселием. Слово *праведный* означает жизнь по воле Божией, которая открывается в Священном Писании и во внушениях человеческой совести. *Праведный* — исправивший свою жизнь, сделавший ее путь прямым, сделавший правду Божию основанием своих поступков, слов и мыслей. Мы рождены в грехах, нам не дана праведность от рождения; человек может достигнуть ее в борьбе с демоном, с миром и самим собой. Правда Божия — это отсечение своей человеческой неправды, это бдение над собственным сердцем, это трезвение ума и усилия воли. Внутренняя праведность — чистота сердца; праведность внешняя — подчинение жизни евангельским законам и церковным правилам.

Истинная радость праведников — это не мир, в котором они живут, а Бог, пребывающий в их сердцах, поэтому псалмопевец говорит: *Радуйтесь, праведнии, о Господе*, так как самая высокая радость бывает в молитве, когда благодать, как перст Божий, прикасается к человеческой душе. Есть в мире другие радости, но они скоротечны, и праведник, общаясь с миром, часто испытывает скорбь. Но если он не отдает миру свое сердце, то эта скорбь внешняя, а в глубине души — сокровенная радость, которая поет свою таинственную песнь.

Правым подобает похвала. Похвала и благодарность близки друг другу, но они не одно и то же. Мы благодарим Бога за определенные благодеяния и помощь; мы благодарим Бога, когда услышана наша молитва, когда исполнены наши прошения и желания, когда среди скорбей засияет в душе луч надежды. А похвала — это прославление Бога за Его бесконечное совершенство, это восхищение души, созерцающей Бога как высшую красоту. Похвала — это исповедание души о том, что Бог — ее Спаситель, Свет и Жизнь. Похвала в молитве не просит ничего. Для нее благо и счастье — видеть отблески таинственной небесной красоты. Похвала ищет Бога, а не то, что от Бога. Это состояние переживает праведник, а человек, в сердце которого не может отразиться свет Божества, обращаясь к Богу, ищет своего.

*Бог даий отмщение мне*⁵⁵. Самое страшное отмщение грешникам — это их собственное безблагодатное состояние, о котором они порой даже не знают сами. Это отмщение — тот мрак, который покрывает душу грешника и делает его душевным трупоносцем. Грешник несет не на плечах, а в душе своей разлагающегося и зловонного мертвеца — нераскаянный грех — и перестает чувствовать его смрад. Господь скорбями испытывает и учит Своих рабов, но конец скорбей — радость, а у грешных в конце всех их дел — скорбь, иногда острая, но чаще всего тупая. Некая печать избранничества, лежащая на праведнике, — особый Промысл Божий о нем. Жизнь праведников — это постоянные чудеса, которые творит ради них Господь.

54 Пс. 32, 1.

55 Пс. 17, 48.

Отмщение, которое совершит Господь,— это разлучение на праведном Суде праведников и грешников. «Отмщение грешников» — их господин, сатана, которому они служили своими грехами. Праведник в мыслях своих, как на невидимых крыльях, парит в вышине, а грешники в своих страстях ползают, как пресмыкающиеся, по земле. Поэтому в духовном отношении грешники всегда под ногами праведников, какое бы место ни занимали они в этом мире. А последний акт, мировой акт, когда исчезнет время и настанет вечность,— это низвержение грешников в глубину ада и вознесение праведных со Христом в небесные обители. Но и здесь, на земле, правда часто бывает не посрамлена, и праведник выходит победителем в борьбе с видимым злом.

*Величаяя спасение царева*⁵⁶. *Величаяя* означает умение увидеть и постигнуть величие Божественного деяния, прославление его в своем сердце, сохранение его в своей памяти, созерцание его в своей душе. Чем больше смиряет человек свой дух, тем более он становится способным величать благодеяния Божии, и высшее из них — спасение человека.

Спасение царева. Царь царей — это Бог. Спасение, которое Он совершил,— это воскресение из мертвых, когда стала очевидной победа над демоном, смертью и адом. Собой и в Себе Господь спас человечество, спас тех, кто принял это спасение, кто из Церкви земной перешел в Церковь Небесную.

*И творяй милость христу Своему Давиду и семени его до века*⁵⁷. Здесь *христос* означает «помазанник на царство», помазанник благодати. В будущем веке все святые будут царями и священниками; они будут царствовать со Христом и приносить непрестанные молитвы на жертвеннике собственных душ. Сама молитва святых является священнодействием. Давид, предок Христа по плоти, пророчествовавший Духом Святым о крестной смерти Христа,— образ тех, чьи души ожидали Спасителя и кого Господь вывел из ада. *Семя* Давида — это духовное семя, это святые Ветхого и Нового Завета. *Семя* Давида — те, кто подражает Давиду в любви к Богу, кто постоянно пребывает в молитве, как пророк Давид. Псалтирь Давида — символ тех небесных песнопений, того хора Ангелов и святых, которым Небесная Церковь будет славить своего Творца и Спасителя. Псалтирь Давида — покаяние, благодарение, прощение, исповедание и хвала. На небе уже не будет покаяния, там нет греха, там все прошения праведников исполнились в той полноте, в которой они ожидали. В Небесной Церкви, после Страшного суда останется только одна похвала, одно непрестанное и бесконечное устремление души к Богу.

*Востани, Господи Боже мой, повелением, имже заповедал еси, и сонм людей обыдет Тя*⁵⁸. *Востани* — значит восстань из мертвых, воскресни из ада, взойди на небеса, Господи, Боже мой. Слово *мой* означает личностное отношение к Богу: Он не только Спаситель мира, Он мой Спаситель. Для моей души Он един, и моя душа для Него едина, так как Божественная любовь Его безгранична и не разделяется между творениями. Он с одной неоскудевающей силой любит единую человеческую душу и все человечество вместе. Человеческое тело Иисуса Христа воскресло Божественным *повелением*, то есть силой Божества. *Имже заповедал еси*. Пророчество о победе Христа над смертью и о воскресении было возведено праотцам, повторялось через ветхозаветных праведников и пророков и служило им заповедью и обетованием, верой и надеждой.

И сонм людей обыдет Тя — сонм святых, которых Господь вывел из ада. *Обыдет* — значит окружит, как князья окружают своего царя. Еще есть второй, сокровенный смысл слов: *Востани, Господи Боже мой*. Это явление действия благодати в душе человека. Оно похоже на воскресение из мертвых, из ада греха, из власти тьмы в свет Божества; это воскресение особо ощущает человек в Таинствах Покаяния и Причащения. Здесь происходит таинственное воскресение души вместе со Христом, как переход от смерти к жизни. Поэтому в словах: *Востани, Господи Боже мой* — звучит мольба о том, чтобы

56 Пс. 17, 51.

57 Там же.

58 Прокимен в воскресенье на утрени, глас 2.

Господь явился душе в силе Своей благодати, разрушил могильную плиту греха и дал ей вновь выйти из гроба своих страстей и обрести потерянную ею духовную жизнь. В свете благодати Божией человек видит мерзость своего греха и вновь открывшуюся ему красоту Небесного Иерусалима. Воскресение — это возвращение утраченной благодати и обретение Бога, отвергнутого нами через грех.

*Господи Боже мой, на Тя уповах, спаси мя*⁵⁹. Уповать на Господа — значит иметь непоколебимую надежду на то, что Господь может спасти человека, в каких бы тяжелых, безвыходных по видимости обстоятельствах он ни оказался, хотя бы он был брошен в глубокое подземелье и железные двери закрылись за ним. Уповать на Бога — это значит никогда не чувствовать себя потерявшимся и оставленным, а смотреть на скорби земной жизни как на преходящие испытания, подобные порывам бури, которая когда-нибудь наконец утихнет. Уповать на Бога — это значит никогда не впадать в отчаяние, хотя бы человек через грех опустился на самое дно жизни. Уповать на Бога — значит видеть всю свою шаткость, всю обреченность человеческой немощи, ненадежность крепкой, казалось бы, дружбы и любви, в верности которым люди клянутся друг другу на всю жизнь. Уповать на Бога — значит помнить о тех чудесах, которые Господь сотворил в жизни человека, когда гибель виделась ему неизбежной. Уповать на Бога — это верить и знать, что в скорбях и испытаниях Господь не оставит нас, а будет ближе, чем во времена благополучия и внешнего спокойствия, что Он смотрит в глубину нашего сердца, не поколебалось ли оно в надежде, не изменило ли Ему в своем уповании.

Часто спасение приходит тогда, когда человек убеждается в том, что земная сила бессильна и человеческое усилие тщетно. Испытав внутренний мрак оставленности и одиночества, он начинает понимать, что только в одном Боге его спасение и что помощь приходит вместе с надеждой на Него. Кто уповает на друзей, того ждет разочарование: их часто не оказывается рядом в трудную минуту. А кто надеется на Бога, тот неожиданно найдет друзей даже среди своих врагов.

*Крепость моя и пение мое Господь, и бысть ми во спасение*⁶⁰. *Крепость моя* означает, что в моей бессилии Ты являешь Свою силу; в моей немощи — благодатную помощь. Когда я надеюсь на себя, то уже готовлю себе падение; когда я уповаю на Твою помощь, то Твоя рука держит меня над бездной. Крепость христианина проявляется в исполнении евангельских заповедей, в постоянном самоотречении, в терпении всех несправедливостей этого лживого мира, который ненавидит тех, кто старается жить по правде. Жизнь христианина — это терпеливое несение скорбей до самой смерти. Для этого терпения мало человеческой воли. Здесь еще нужна благодать Божия, которая является защитой и спасением для души.

И пение мое Господь. Благодать веселит сердце, как дивная песня без слов, или же сами слова молитвы превращаются в сокровенную песнь, в радость и благоговение души пред Богом.

И бысть ми во спасение. Здесь та же мысль, что спасение только в Боге. Он — Спаситель, Он — Избавитель и Искупитель, Он — сама воплощенная Любовь. Но Господь не спасает насильно, Он не вторгается в закрытое от Него человеческое сердце. Он стоит у его дверей и ждет, чтобы человек принял Его как свое спасение. Нужно, чтобы человек дал место благодати в своей душе, открыл дверь сердца для небесного Гостя, принял Его, как когда-то Закхей в своем доме.

И день спасения — это день обращения человека к Богу.

*Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя*⁶¹. Наказание — это не только возмездие за грехи, но также и научение, тот урок, который человек должен выучить и понять. Духовный путь — путь внутренних испытаний, искушений и падений, путь

59 Стих того же прокимна.

60 Пс. 117, 14.

61 Пс. 117, 18.

тяжелой борьбы, где нет дней покоя, где невозможен мир со своим соперником⁶². В этой борьбе человек постигает, что все на земле суетно, что все внутри него гнило, что только Бог — то бесценное сокровище, Которое никто не может отнять у него. Он понимает, что благодать — это непобедимое оружие в борьбе с демонскими силами, а без нее он как малое, незащищенное дитя, вышедшее на бой с исполином.

Испытания дают человеку духовный опыт, так что он может, пройдя сам какую-то часть пути, дать совет другим путникам, как им избежать ошибок и падений. Господь посылает испытания и наказания, чтобы смирить гордый человеческий дух. И чем более горд и самоуверен человек, тем продолжительнее и тяжелее бывают эти испытания. Когда сердце от гордости становится твердым, словно камень, то лишь удары тяжелого молота могут разбить этот камень. Поэтому святые отцы благодарили Бога за скорби, как за жгучее и горькое, но полезное лекарство.

Смерти же не предаде мя: Господь попускает несчастья и скорби, чтобы, смилив гордыню человека, избавить его от вечной смерти — от вечной разлуки с Божеством. Поэтому в скорбях для человека заключен призыв обратиться к Богу, благодаря скорбям открывается возможность духовного восхождения, обнажается то, что таится в бездонном омуте его сердца. Скорбь — это учитель, который открывает нам алфавит духовной жизни. Скорбь — это любовь Божия, призывающая блудного сына к Себе.

Услышит тя Господь в день печали, защитит тя имя Бога Иаковля⁶³: во время печали душа наша ближе к Богу — мирские дела и заботы как бы отступают от нее и то, что раньше казалось главным в жизни, становится призрачным, точно тень. Во время печали наша молитва, подобно потоку, зажатому меж узких и тесных берегов, возносится вверх, а в дни кажущегося мира и житейского благополучия она стелется по земле, подобно тому как растекаются воды по полю. Во время скорби наш ум более сосредоточен в молитве и сердце откликается на ее слова живым чувством, а в пору длительного благополучия кажется, что сердце наше покрылось слоями жира, как сердце откормленной для заклания свиньи. Под звуки дивных слов богослужения или псалмов, оно лениво дремлет, как крот в своей норе под шум дождя.

Господь сказал: *Блаженны плачущие и горе смеющимся⁶⁴.* Часто сердце, согретое любовью, пронзается тонкой печалью обо всем существующем в мире, о той славе, которую потеряло творение, восставшее против своего Творца. Смех еще никого не сделал мудрым. Можно молиться со слезами, но невозможно молиться со смехом. Молитва стирает даже тень улыбки с лица человека. Почитай врагов твоих, как невольных союзников, которые помогают мостить твой путь в небесные обители. Внимай голосу скорбей, как звону колоколов, призывающих людей, оставив земные дела, поспешить в храм, чтобы предстать пред лицом Господа.

Никто не рождается со смехом. Если ты вспомнишь о своих грехах и облечешь свою молитву в плач покаяния, то это и будет *день* той духовной *печали*, когда услышит тебя Господь и, будто фаворским, убелит одежды твоей души Своим вечным светом.

Защитит тя имя Бога Иаковля, то есть защитит от врагов видимых и невидимых, защитит, как в древности щит — воина, идущего на бой, или как стены крепости ограждали город от несметного войска врага, защитит благодать Божия и Промысл Божий, а имя Бога соединяет сердце наше с самим Создателем земли и неба. В день печали надо укрыться в этом имени, как в неприступном замке, воздвигнутом на вершине скалы. Надо жить этим именем, надо отражать им наветы диавола и мирские помыслы. Это имя дано христианам как победоносное оружие. Где бы мы ни находились, если в нашем сердце будет имя Иисуса Христа, как незримая печать, то с нами везде будет Бог, вся земля будет наша и все люди для нас будут родные. Если в нашем сердце будет имя Иисуса, то Ангелы

62 См.: Лк. 12, 58.

63 Пс. 19, 2.

64 Ср.: Лк. 6, 21, 25.

Божии, преклоняющиеся пред этим именем, будут с нами. Это имя — та драгоценная жемчужина, которая дороже всего мира⁶⁵.

Имя Бога Иаковля. Иаков сохранил веру в единого Бога среди языческого мира; он сохранил надежду на Бога среди смертельных опасностей, во время многолетнего изгнания и скорбей, которые, точно псы, не отходили от порога его дома. Господь чудесным образом спасал Своего праведника. И мы в день скорби должны помнить, что не будем оставлены, как не был оставлен патриарх Иаков, уповавший не на силу воинского оружия, а на имя Бога и носивший в сердце, как оружие, с которым не расставался ни на миг, молитву. Это имя было песней, сопровождавшей его на земном пути, ночью светильником и днем книгой откровений, которую он читал, нисходя умом в сердце. Это имя было путеводной звездой, ведущей его к Востоку. Это имя было лучами солнца, согревавшими его в зимнюю стужу; это имя было хлебом, питавшим его дух; это имя было родником, утолявшим жажду его души. Перед смертью своей он все отдал детям, но имя Божие, свое истинное сокровище, он оставил навеки себе. Оно согревало его тело в могиле, оно озаряло его дух надеждой на грядущего Спасителя мира.

О молитве в вопросах и ответах

Прорыв в вечность

Вопрос: Что такое молитва?

Ответ: Прорыв в вечность, обращенность души к Тому, Кто сотворил ее, мистическое общение с Божеством, начало новой жизни, способность воспринять Божественный свет, незримый луч, идущий от Фавора к человеческому сердцу, преображение души, одухотворение тела.

Молитва — это разрешение загадок бытия, тех узлов, которые не может распутать человеческий разум; освобождение от плена греха и уз мира, борьба с демоном в глубине своего сердца, заклинание темной силы, обуревающей душу через помыслы и страсти; беседа души наедине с Тем, кто выше слова.

Молитва — источник всех добродетелей. Молитва — это крылья, поднимающие человека к небу, освобождение от страха и победа над унынием, предвкушение вечной радости и тень славы Небесного Иерусалима. Молитва — это отзвук той таинственной песни, которой Ангелы день и ночь славят Бога; это связь чад земли с небожителями; это огни отеческого дома, которые увидел странник, возвратившись на родину.

Человек преображается в молитве, и мир преображается в его глазах. Молитва — это мать и дочь любви, в которой заключена полнота бытия.

Вопрос: Что главное в молитве?

Ответ: Благоговение, устремленность и внимание — три состояния триединых сил души.

Для разума благоговение — это осознание, к Кому обращается человек: конечное к Бесконечному, тварь ко Творцу, одушевленная глина к Тому, Кто создал вселенную и Сам несказанно выше ее.

Для чувства устремленность к Богу — это желание через созерцание соприкоснуться с вечной, совершенной, высшей, неизреченной Красотой.

Для воли внимание — это сосредоточенность в словах молитвы, хранение души от земных образов и помыслов, через которые диавол, как лающий пес, постоянно старается отвлечь душу от молитвы.

Вопрос: С чего начинать молитву?

Ответ: Необходимо подготовиться к молитве: осознать, кто ты и с Кем будешь вести беседу. В Библии сказано: *Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно*⁶⁶. Эта заповедь, данная на Синае, является незыблемым основанием всякой молитвы: иначе молитва окажется пустословием. Подготовиться к молитве — значит оторваться мыслями

65 См.: Мф. 13, 46.

66 Исх. 20, 7.

от земли, обратить душу к Богу, размышлять о величии Божиим, о Его обетованиях, превосходящих ум человека, непостижимых, неизреченных и сокровенных; о своей душе как образе Божиим, о душе, впадшей в глубокую тьму богооставленности; о грехах, которыми мы пропитаны, как поры губки водой, которые разъедают наше естество, как ржавчина железо, и превращают человека из ангелоподобного существа в горсть земной пыли, из чаши, искрящейся небесным вином, — в чашу гноя.

Через грехи и страсти мы отверглись Бога, но Он, будучи Любовью, не отрекся от нас, взял на Себя наши грехи, чтобы открыть нам путь ко спасению и вернуть потерянный рай.

Благодари Бога за дар слова и дар молитвы, которыми наделен человек — единственный из всех обитателей земли. Подумай, что Бог, Который Весь во всем и Весь выше всего, внимает словам твоей молитвы, а вернее, языку твоего сердца; что Тот, Кто сотворил вселенную, внимает тебе так, как будто в мире есть только Он и ты.

Господь взял на Себя твои грехи, а ты должен взять на себя Его заповеди, которые благодать соделывает бременем легким и игом благим. Господь спасает тебя, давая тебе возможность спасения, но не отнимая свободной воли, ты же эту волю употребляешь для умножения грехов. Господь дал тебе сегодняшний день и эту молитву для спасения; может быть, этот день окажется для тебя последним, и эта молитва завершит твою жизнь, как страница, на которой обрывается книга. А если ты сегодня пренебрежешь молитвой, то благодать Божия может оставить тебя, и тогда тебе уже не захочется больше молиться: ты даже забудешь, что существует молитва.

Мысленно представь, что ты узник, приговоренный к смерти, который брошен в яму и ожидает казни. Смерть кажется неизбежной. Но один из друзей тайно прокрался к подземелью, сбросил вниз веревку и шепчет тебе: «Скорее ухватись за нее, держись изо всех сил, и я вытащу тебя».

Грешник уже при жизни невидимо пребывает в темнице, в которую заточил себя своими грехами. Молитва — это та спасительная вервь, ухватившись за которую он может выйти на свободу. Человек должен молиться, как бы схватив своим напряженным вниманием не вервь, а слова молитвы, удерживая их не руками, а сердцем. Он должен слиться умом воедино с молитвой, объять ее своей душой и в то же время найти через нее свою душу.

Вопрос: Достаточно ли для этого одних усилий человека?

Ответ: Нет. Человек должен молиться о молитве: просить Бога помочь ему молиться, благословить его молитву, укрепить его силы, так как без благодати Божией человек не может совершить ничего, кроме греха, не может даже помыслить о чем-либо спасительном и добром.

Вопрос: В чем же тогда подвиг человека и участие в своем спасении?

Ответ: В волевом послушании благодати.

Вопрос: Всегда ли необходима предварительная подготовка к молитве через размышления о Боге и о себе?

Ответ: Можно приступать к молитве сразу же, если возникло желание молиться, как будто горячая волна поднялась из глубины души и охватила ее. Псалмопевец Давид сказал: *Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже*⁶⁷, а в другом псалме: *Лица Твоего, Господи, възвишу*⁶⁸. Лицо Господа — это сияние Его неизреченной красоты. Здесь тоска по разлуке с Богом, но тоска, окрыленная надеждой, мы бы сказали, сладостная тоска любви, и желание снова видеть отблеск Божественной красоты, хотя бы промелькнувшей, как тень.

Молитва может возникнуть неожиданно, когда несчастье пробуждает человека как бы от глубокого сна. Скорбь раскрывает его сердце для молитвы, образно говоря, разбивает каменный гроб его сердца ударами молота. Человек видит, что все ничтожно в мире и

67 Пс. 41, 2.

68 Пс. 26, 8.

только в Боге спасение и жизнь; что среди преходящего и исчезающего истинно Сущий только Бог, а среди миражей, призраков и обмана неугасим и вечен только Божественный свет.

Молитву может пробудить боль покаяния, особенно после тяжелого падения, когда на глазах человека огонь превращает в пепел то, что он собирал годами. Такая молитва мучительна и сопряжена с болью души. Господь долго не возвращает радость богообщения, Он как бы безмолвствует. Здесь нужны подвиг и время: человек должен исцелиться через боль и восстать через труд и терпение.

Самое мучительное испытание и самая тяжелая потеря — это обрести благодать, а затем потерять ее. Наши праотцы после грехопадения потеряли световидную одежду и увидели себя нагими. После потери благодати человек чувствует в своей душе гнетущую пустоту, как преддверие смерти.

Вопрос: Что требует от нас Господь в молитве?

Ответ: Господь сказал: *Царство Небесное силою берется*⁶⁹. В Гефсиманском саду Он молился до кровавого пота. Для нас это пример того, какая сосредоточенность сил души должна быть на молитве; каким волевым напряжением надо обращать свой ум к Богу. В это время человек должен забыть обо всем и слиться воедино со словами молитвы. Тот, кто молится усердно, не жалея себя, вернее своего «ветхого человека», живущего в нас, вызывает на бой невидимых змей — адских духов, которые жалят его, словно ядовитым жалом, страстями и греховными помыслами. Но если человек мужественно стоит на молитве и не отступает, то в этой битве он чувствует помощь Божию и как бы «просветы» тихой радости — так вдруг является среди грозowych туч лазурь неба. Затем молитва открывается ему как радость победы со Христом или победа Христа над диаволом в его сердце. Это состояние не описать словами.

Если мы скажем, что молитва труднее всего, — это правда; если скажем, что молитва радостнее всего, — это правда; если скажем, что в молитве человек опускается в ад, — это правда; если мы скажем, что в молитве душа восходит на небо, — это правда; если скажем, что в молитве искушения, как чудовища, бросаются на нас, — это правда; если мы скажем, что в молитве душа встречается с Богом, — это правда; если скажем, что молитва — непрерывный бой, — это правда; если скажем, что молитва — небесный покой, — это правда.

Молитва — это выход души в духовный мир, где тьма и свет, добро и зло не только более поляризованы, чем в материальном мире, окружающем нас, но олицетворены и воплощены в духовных существах. Душа, соприкасаясь с этим миром, испытывает трепет, как бы входя в неведомую для нее жизнь, где все ново, необычайно и поразительно. Поэтому сама молитва — это тайна.

Вопрос: В Евангелии написано о Спасителе, что Он в Гефсиманском саду *пал на землю и молился*⁷⁰. Какой урок мы можем извлечь из этого?

Ответ: Господь, как Сын Человеческий, преклонял колена и припадал к земле, выражая благоговение пред Небесным Отцом. Мы должны приступать к молитве как к таинству и так произносить каждое ее слово, словно устами касаемся святых. Для Христа коленопреклоненная молитва была выражением любви и всецелой преданности воле Божией. А для нас молитва Господа в Гефсиманском саду имеет еще другое, символическое значение: чем больше человек смиряет себя пред Богом, тем больше места дает благодати действовать в своей душе. Преклонением колен он свидетельствует о величии Божиим, о том, что без помощи Бога сам по себе человек не в силах совершить ничего. В преклонении до земли безгрешного Сына Божия мы видим указание на нашу греховность, которая сделала нас из детей Едема детьми земли. В Адаме мы пали. Через Христа, и только через Христа мы можем восстать. Что для Господа было выражением благоговения, то для нас служит призывом к покаянию и примером смирения.

69 Мф. 11, 12.

70 Мк. 14, 35.

Покаяние — это подземные воды души, питающие молитву; без него молитва будет сухой и безжизненной, как пески пустыни. Покаяние — не только внешние, но и внутренние слезы — как боль сердца: в напряженной молитве сердце невидимо источает кровь.

В молитве участвует не только душа, но и тело. Все человеческое существо, как личность в двухприродном единстве, призвано славить Бога. Поэтому положение тела в молитве становится ее визуальным знаком. Если человек держит себя при молитве небрежно и расслабленно, то душа его не может сосредоточиться. Только языческий дуализм⁷¹ отделяет душу от тела и считает, что тело для души, словно плащ, который человек набросил на свои плечи.

Вопрос: А что делать людям престарелым или больным, которым трудно не только класть земные поклоны, но и просто стоять на ногах?

Ответ: Болезнь и старость возмещают телесный труд и ослабляют страсти. Болея и лежа в постели, человек может молиться так же внимательно и благоговейно, как если бы он стоял на коленях.

Вопрос: Церковь завещает нам непрестанно творить Иисусову молитву. Но мы не можем постоянно держать свое тело в напряжении. Что же нам делать?

Ответ: Внутренняя Иисусова молитва имеет свою специфику. Мы говорили о молитве, которую человек должен творить, упразднив ото всех мирских дел. А что касается непрестанной молитвы, то здесь надо следить, чтобы тело находилось в пристойном положении. Святые отцы учат держаться скромно и целомудренно, даже когда человек один.

Вопрос: В Евангелии говорится о том, что Господь молился ночью⁷². Почему святые любили молиться по ночам? Что значит ночная молитва для нас?

Ответ: Ночью, когда мир погружается во мрак и сон, само безмолвие располагает человека к молитве. Ночью нет тех внешних впечатлений, которые отвлекают ум и отягощают молитву. В это время демон действует только через память. Ночью душа похожа на дом, где пять чувств, как пять окон, закрыты ставнями, и остается только одна дверь из подвала памяти. Ночью смолкает шум города, подобный гудению пчел в огромном улье, наступает тишина и человек чувствует себя точно в пустыне. Но есть еще одно раскрытие ночи и мрака как символа — это таинство высвобождения ума от помыслов, образов, воспоминаний, планов, суждений и картин этого мира и раскрепощение души ото всего несвойственного ей; эта тьма скрывает видимое ради невидимого: в этой тьме рассеян незримый свет.

Ночь укрывает землю своим черным пологом и одновременно раскрывает бездонное небо, сияющее бесчисленными звездами и напоминающее о вечности.

Ночью человеку легче отвлечься от временного и преходящего; схоронить все под покров забвения, как зима покрывает землю снегом; вознестись мыслями над миром и сердцем предстать пред единым Богом.

Вопрос: Если мы будем стараться изгонять из своего ума память о мире, то не погаснет ли в нашей душе любовь к людям — страждущим братьям?

Ответ: Когда кто-то из свиты царя предстоит его трону, то он не заботится уже ни о чем, зная, что царь не оставит своей милостью не только его, но и его родных. Когда воин с оружием в руках находится в царской страже, то ему нельзя ни оглядываться вокруг, ни говорить с кем-либо: его взор и ум должны быть обращены к царю. Молитва спасает людей от бед и несчастий, угашает гнев Божий и низводит благодать на землю. Поэтому молитва — это милость к миру.

Вопрос: Как достичь внимательной молитвы?

⁷¹ Дуализм (от лат. dualis — «двойственный») — религиозное либо философское учение, исходящее из признания равноправными двух начал — духа и материи.

⁷² См., например: Лк. 6, 12.

Ответ: Святые отцы сказали: «Дай кровь и прими Дух». Молитва — это жертвенная кровь за людей.

Вопрос: Если молитва прекратится или станет лишь данью церковному обряду, что будет с человечеством?

Ответ: С человечеством произойдет то же, что с человеком, у которого остановилось дыхание: наступят смерть и разложение. Мир без молитвы — это корабль, тонущий в океане.

Вопрос: В псалме читаем: *Молитва его да будет в грех*⁷³. Какая молитва вменяется в грех?

Ответ: Молитва вменяется в грех, когда человек молится о том, что запрещено церковными канонами. Например, о спасении самоубийц, о Небесном Царстве для неверующих и еретиков.

Вопрос: В чем же здесь грех? Ведь от попытки помочь усопшему, пусть и неудачной, никому не станет хуже?

Ответ: Грех состоит в том, что человек дерзко отвергает законы, которые дал Церкви Дух Святой, и считает себя более милостивым, чем сама Церковь.

Душа усопшего, не способная воспринять благодать, испытывает от такой молитвы еще большие мучения, как изнемогающий от жажды — при виде воды на дне колодца, которую он не может достать.

Молитва вменяется в грех, когда человек, надеясь на силу ее, просит у Бога противного Его Божественной воле. Приведу пример. На VI Вселенском соборе архимандрит Полихроний дерзко вызвался воскресить мертвого, чтобы доказать правоту монофелитской ереси⁷⁴. Отцы согласились. Мертвого, приготовленного для погребения, принесли в зал, где проходили заседания Собора. Полихроний, склонясь к трупу, долго шептал ему что-то на ухо, но мертвец не ожил. Тогда Полихрония с позором изгнали вон.

Молитва вменяется в грех, когда человек рискует жизнью не по долгу и не *за други своя*⁷⁵, а из гордого мнения о своей исключительности и близости к Богу. Сатана искушал Христа: *Бросься вниз (в пропасть), ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею*. Но Господь ответил ему: *Написано также: не искушай Господа Бога твоего*⁷⁶.

Это пример для нас. Гордый молитвенник, оставленный Богом за дерзость, окажется не на руках Ангелов, а в руках своих врагов.

Еще один из видов греховной молитвы — совместная молитва с еретиками и с теми, кто отлучен от Церкви.

Вопрос: В чем здесь грех?

Ответ: Совместная молитва — это осуществление духовного единства, а здесь православные входят в единство с еретиками и оказываются в поле ереси, что динамично выражается в молитве.

Молитва — это кровь души. Что произойдет с человеком, если в его вену влить кровь другой структуры или зараженную болезнетворными бактериями? Поэтому церковные каноны запрещают нам общие, совместные молитвы с еретиками.

Вопрос: В жизни могут случиться непредвиденные ситуации и обстоятельства. Например, на корабле вместе с православными плывут и иноверцы. Поднялась буря. Кораблю грозит гибель. Люди начинают громко молиться Богу, каждый по-своему. Что же

73 Пс. 108, 7.

74 Монофелиты (от греч. thelema — «воля») — сторонники учения, сложившегося в VII веке в Византии как официальный компромисс между православным учением и монофизитами (греч. physis — «природа, естество»). Вопреки православному богословию, утверждающему две природы во Христе — Божественную и человеческую и, следовательно, две воли, монофелиты учили, что Христос обладал двумя природами, но при том одной волей и «энергией» (богочеловеческой). Осуждены как еретики на VI Вселенском соборе 680–681 годов.

75 Ин. 15, 13.

76 Мф. 4, 7.

делать православным: прекратить свою молитву или потребовать, чтобы иноверцы и еретики замолчали?

Или другой пример. Нас пригласили к праздничному столу. Среди гостей находятся католики и протестанты. Хозяин читает молитву «Отче наш». Все гости встают и молятся. Как же нам поступить в таком случае: выйти из-за стола или попросить инославных, чтобы они в это время не молились?

Ответ: Общая молитва имеет свой ритуал и свою цель, ради которой собрались вместе представители разных конфессий. Здесь люди объединены именно желанием молиться вместе. Основанием такой общей молитвы является ложная вера в спасительность каждой из конфессий. Такая молитва демонстрирует несуществующее единство. В примерах, приведенных вами, такая цель отсутствует: каждый молится за себя, поэтому здесь мы можем говорить не об общей и единой, а только о синхронной (одновременной) молитве, к которой не относятся правила святых апостолов и Вселенских соборов.

Вопрос: При каком внутреннем состоянии души молитва вменяется в грех?

Ответ: Если человек становится на молитву, не простив своих врагов и обидчиков. Господь сказал: *«Каким судом судите, таким будете судимы»*⁷⁷. Если мы не прощаем человека, то наши грехи останутся не прощенными Богом; образно говоря, они, как каменный завал, закроют путь нашей молитве.

Некоторые на молитве просят Бога о наказании и даже о смерти своих обидчиков и проклинают своих врагов, а иногда и близких людей. Проклятие в молитве — обоюдоострый меч, который поражает того, кто проклинает, и ранит того, кого проклинают.

Вопрос: Сбудется ли незаслуженное проклятие?

Ответ: Нет. Оно не сбудется, но все же отяготит жизнь тех, кого проклинают новыми скорбями и демоническими искушениями. Проклятие — «лакомый кусочек» для дьявола. Особенно страшно, когда родители в гневе, а то и просто походя проклинают своих детей. Они таким образом калечат их души.

Молитва бывает в грех, когда человек читает апокрифические или еретические молитвы, а также заговоры, выдаваемые за молитвы, которые содержат в себе тайное обращение к сатане.

Церковь благословила нас читать молитвы, составленные святыми подвижниками; в них — голос неба и благоухание благодати. Псалмы Давида, молитвы, содержащиеся в богослужебных книгах и молитвословах, подобны чистым потокам, текущим из одного источника — вселенского Православия; они обильно помазаны духовным миром.

Вопрос: Какие страсти иссушают молитву и делают ее греховной?

Ответ: Преимущественно страсть тщеславия: иной как бы и молится Богу, на деле же ожидает похвалы от людей. Это показное благочестие превращает молитву в театральное представление. Порой «артист молитвы» репетирует свое «выступление»; при этом глядится в зеркало, следя за выражением своего лица и пробуя голос, которым он должен произносить молитву. Такая «молитва» не ищет милости от Бога, а добивается признания, одобрения, восхищения у людей. Показная молитва — это фарисейство, которое обличал Господь.

Вопрос: У меня в храме возникают тщеславные помыслы, особенно когда молюсь со слезами. Мне хочется, чтобы люди говорили про меня: «Как он любит Бога, какая у него глубокая вера и горячая молитва!». Неужели мне надо перестать ходить в храм, чтобы избежать тщеславных помыслов?

Ответ: Этого и хочет дьявол. Нет, надо обязательно участвовать в соборной, церковной молитве, но одновременно бороться с тщеславием, укорять себя за любование собой, изгонять кичливые помыслы. Мне кажется, что вы не уловили разницу между прилогом греха и пленением страстью. От прилога несвободен никто, даже святые.

⁷⁷ Мф. 7, 2.

Помысл тщеславия — это приманка, влекущая ко греху, но еще не сосложение души с грехом, как выбор свободной воли. Например, человек видит соблазнительную картину, она встревожила его сердце, но главное, как он отнесется к искушению: он может отвернуться от нее, а может удержать свое внимание на ней, тайно услаждая похоть.

Если человек имеет помыслы тщеславия и сопротивляется им, то это не поражение: он, как воин в битве, получает раны и сам наносит удары. В борьбе со страстями укрепляется воля и возрастает духовный опыт. Если же человек позволяет себе в храме красоваться своей молитвой, как кокетливая девушка — модным нарядом и украшениями, то он становится рабом тщеславия, и тогда молитва его обращается в грех.

Вопрос: Как бороться с тщеславием на молитве?

Ответ: Помнить, что благодать Божия скрывает от человека его достоинства; а если он гордится и тщеславится своей молитвой, то, значит, благодать отошла от него и он остался пустым. Святитель Григорий Двоеслов пишет, что когда Саул был мал в своих глазах, то был велик у Бога; а когда стал велик в своих глазах, то стал мал у Бога.

Вопрос: Какой первый дар благодати на молитве?

Ответ: Видение своих грехов и своего недостойства; оно рождает покаяние, а покаяние — сердечную теплоту; сердечная теплота привлекает к себе ум, и ум, сближаясь с сердцем, получает силы для борьбы с помыслами. При сочетании ума с сердцем происходит просвещение ума через сердце, соединение духа с душой и сил души друг с другом — так лучи соединяются в своем центре, в данном случае в сердце. Человек порой воспламеняется к Богу любовью, которая как бы обжигает душу и вызывает слезы благодарности Ему. Человек делается сострадательным к людям и начинает видеть мир преображенным в свете благодати.

Вопрос: Почему я не испытывал таких состояний на молитве, хотя много лет исполняю молитвенное правило и стараюсь иметь память Божию?

Ответ: Возможно, вы молитесь невнимательно и не доводите молитву до сердца; или ваша жизнь противоречит евангельским заповедям и находится в разрыве с молитвой; или не стараетесь искоренить свою главную страсть и тайно пригрели ее в сердце, как змею. Поэтому Бог не дает вам благодати по Своей милости, чтобы вы легко не потеряли ее, как ребенок оказавшуюся у него драгоценность.

Вопрос: Если невнимательная молитва вменяется в грех, то какая надежда остается у человека на спасение?

Ответ: Есть два вида невнимательной молитвы. В одном случае причина невнимания — демонские искушения: человек хочет молиться сосредоточенно, делает усилия, но помыслы нападают на него, точно осиный рой; и как кулак не может удержать воду, так и здесь ум не может удержать слов молитвы. Такая молитва не грех, а испытание. Человек отдает Богу свое старание и труд, и они не останутся напрасными, а со временем принесут плод — внимательную молитву. Нередко рассеянная молитва — результат перегрузки памяти бесконтрольной информацией, и нужно время, чтобы освободиться от нее.

Но есть другой вид невнимательной молитвы, когда виновен сам человек. Привычка к рассеянной молитве представляет собой одно из самых опасных искушений в духовной жизни. Молитва требует постоянной волевой сосредоточенности и напряженного труда. Плоть, эта лукавая служанка души, начинает хитрить, притворяться и стонать: «Я изнемогаю, пожалей меня, дай мне отдохнуть, а то я надорвусь и не смогу служить тебе». Если человек поверит этому лицемерному стону и пожалеет сил для молитвы, то плоть станет с каждым разом все сильнее нападать на него и уже не просить, а требовать не снисхождения себе, а покоя, и молитва будет затухать, делаться внешней, холодной и небрежной. Когда всадник ослабляет узду непослушного коня, то конь старается сбросить его на землю. Ум, не сосредоточенный на молитве, будет занят мирскими помыслами, а сердце, оставленное умом, предастся страстям.

Начало невнимательной молитвы — саможаление, лень и забвение; конец — помятение ума и окаменение сердца. В этом случае человек, вставая на молитву и

вызывая на бой темные силы, не вооружившись вниманием, остается беззащитным перед врагами. В Древнем Китае были особые ритуальные мельницы: к ним прикрепляли бумажные ленты с молитвами, и когда лопасти мельницы начинали вращаться, то считалось, что молитвы восходят к небу. Человек с рассеянным вниманием на молитве похож на такую мельницу, бьющую бумажными лентами воздух.

Человек, по лености желая облегчить свой труд, переходит от внимательной молитвы к рассеянной и постепенно привыкает к ней. Он надеется сберечь силы, но на деле устает еще больше, так как лишает себя помощи благодати и после молитвы чувствует себя утомленным и пустым. Напротив, сосредоточенная молитва оживотворяет душу и укрепляет тело. После такой молитвы человек чувствует себя обновленным, как бы прошедшим через очистительное пламя.

Когда человек жалеет отдать свое сердце Богу, то уподобляется рабу, зарывшему свой талант в землю. Если человек не слышит своих слов на молитве, то и Бог не слышит его. Образно говоря, такая молитва доносится до неба не как человеческая речь, а как мычание животного. У человека атрофируется живое чувство богообщения. Он забывает о смысле и назначении молитвы и смотрит на нее как на дань, которую должен заплатить господину. Он перестает ощущать свое пагубное состояние, примиряется со своим самообманом и начинает считать, что, так постояв и позевав с молитвословом в руке, уже помолился — уплатил свой долг, и все в порядке.

Мнимая молитва делает искусственной и всю духовную жизнь человека. Рассеянная, неискренняя молитва порождает тайное неверие в Бога и одновременно боязнь: а вдруг Он все-таки есть, и поэтому лучше на всякий случай помолиться Ему для гарантии своего благополучия.

Нерадивую молитву можно сравнить с «речью попугая», который выкрикивает человеческие слова, не понимая их смысла. Случается, нерадивый вместо вечерних молитв читает утренние, не подозревая об этом,— настолько он отстранен от молитвы. Ему трудно стоять на молитве, он томится и скучает, переступает с ноги на ногу и делает какие-то странные движения, будто его тело ломает диавол; он заглядывает вперед, листая страницы молитвослова: скоро ли будет конец; слово «аминь» для него — «пристань», которой достиг наконец его «корабль» после утомительного плавания; он произносит это слово с радостью и вздохом облегчения, словно освободился от тяжелой ноши.

Нерадивый молитвенник лжет своей молитвой, как фальшивомонетчик, выдающий медь за золото.

Вопрос: Что нужно делать человеку, чтобы перейти от рассеянной молитвы к внимательной?

Ответ: Осознать опасность своего состояния, приложить усилия и труд. Благодать возвращается тем же путем, которым ушла. Трудом и терпением человек вновь входит в утраченный им мир молитвы, удивляясь, как долго не понимал, что обманывал и окрадывал себя, поражается, сколько времени потратил впустую, как демон отвел его от молитвы, как он мог пожалеть для Бога то, что Бог дал ему,— ум и сердце. Видит, что изменил Богу и обратился какому-то языческому слововерию; чувствует себя мореплавателем, спасшимся с тонущего корабля и вплавь достигшим берега: груз его пошел ко дну, труды прошлых лет оказались напрасными, но сам он остался жив и богатство свое при себе удержал.

Радость отказавшегося от мнимой, внешней молитвы ради волевой и сосредоточенной сродни радости раба, получившего свободу; исцеленного, который встал со смертного одра; нищего, нашедшего клад; слепого, который прозрел и увидел свет.

Вопрос: С чего мы должны начать молитву и как построить ее?

Ответ: Для христианина вся жизнь должна быть подготовкой к молитве. Кто слушается Бога (то есть исполняет заповеди), того в молитве слышит Бог. Следует начать молитву с благодарения Богу за Его благодеяния, которых мы недостойны. Затем принести

Богу покаяние и просить Его помощи на пути исправления, а уже после этого обращаться к Богу с прошениями, притом все предоставляя Его благому Промыслу.

Внимательная молитва — это реанимация души. В такой молитве человек мистически переживает свое воскресение из мертвых. Внимательная молитва написана кровью сердца на свитке жизни, который развернется на Страшном суде, а невнимательная — водой, которая не оставляет следа.

В Библии говорится о четырех реках, орошавших некогда Едем⁷⁸. Четыре добродетели напаяют человеческую душу: это вера, надежда, любовь и покаяние. Посреди Едема росло древо жизни, плоды которого давали бессмертие⁷⁹. В человеческой душе растет таинственное древо жизни, питаемое благодатью, — это молитва: кто обрел истинную молитву, тот обрел бессмертие в Боге.

Вопрос: Какое значение имеет молитва Церкви и святых за весь мир; с чем можно сравнить ее?

Ответ: С золотой цепью, соединяющей небо и землю. На этой цепи висит земля, раскачиваясь над бездной.

Высшее делание человека

Вопрос: Что представляет собой Иисусова молитва?

Ответ: Познание имени Иисуса Христа.

Вопрос: Что это значит?

Ответ: Познание святости и спасительности этого имени для души человека. Оно раскрывается через благодать, познается Духом Святым, изменяя саму природу человека — его дух, душу и тело, очищая от греха его сердце, ум и память.

Вопрос: Как действует Иисусова молитва?

Ответ: Действует Сам Христос, Который благоволил стать Спасителем мира и избрал из всех имен имя «Иисус», которое неразрывно связано с Его личностью. Поэтому, говоря об имени Сына Божия, мы говорим о Его Божественных действиях. В имени Иисуса Христа действует вся Святая Троица: Сын прощает и спасает, Дух освящает, Отец благословляет. Действием Духа Святаго познается Сын, в Сыне открывается Отец.

Вопрос: Что необходимо для Иисусовой молитвы?

Ответ: Вера, что Иисус — твой Спаситель; покаяние, которое дает в сердце место действовать благодати; и надежда, что имя Иисуса Христа, победившего мир⁸⁰, победит демона в твоей душе. Для молитвы необходимы труд и терпение. Вера через молитву переходит в надежду, надежда — в любовь. Любовь — вершина; труд и покаяние — основание. Слова Иисусовой молитвы — это камни духовного здания. Когда будет окончена работа, человек не знает, но если он не окончит ее в своей земной жизни, то недостающее восполнит в вечности Сам Господь.

Вопрос: Что значит «восполнит в вечности»?

Ответ: Цель молитвы — сочетание сердца с именем Иисуса Христа. Если человек не достиг непрестанной молитвы во время земной жизни, но постоянно прилагал к тому усилия, то Господь даст ему в час его смерти молитву, подобную крыльям, на которых душа вознесется к небу.

Вообще же непрестанная, сердечная молитва есть великое сокровище, которое и добывается великим трудом.

Вопрос: Что это за труд?

Ответ: Это не только повторение молитвы, это подчинение ей всей своей жизни. Что бы человек ни делал, он должен делать это так, как если бы готовился к молитве. У одного великого скульптора спросили, как он достиг такой красоты и совершенства в своих ваяниях. Скульптор ответил: «Я беру мрамор и отсекаю от него все лишнее». Подобно

78 См.: Быт. 2, 10–14.

79 См.: Быт. 2, 8–10.

80 См.: Ин. 16, 33.

этому человек, стремящийся к Иисусовой молитве, должен отсечь все лишнее и ненужное, все, что рассеивает ум, загромождает память, расслабляет волю, делает изнеженными и прихотливыми чувства. Если человек не подчинит свою жизнь молитве, то, несмотря на все труды, молитва останется внешней, сердце — раздвоенным, ум — постоянно отступающим от слов молитвы. Тогда может случиться другое: перед смертью восстанут страсти, которые жили в его душе, и потушат молитву, как тушит ветер зажженную свечу, и душа пойдет в вечность, потеряв имя Христа.

Вопрос: Значит, тот, кто не достиг внимательной молитвы, будет оставлен в час смерти?

Ответ: Мы уже говорили, что есть два вида рассеянной молитвы. Первый, когда человек старается, но не может овладеть своим вниманием. Ум оставляет слова молитвы и обращается к предметам земным. Восстает целая буря помыслов, которая заглушает слова молитвы, но человек не бросает молитву, силой воли снова возвращает ум к ее словам, заключает его в них, и опять ум вырывается, как зверь из капкана, и вновь человек силой воли возвращает его извне вовнутрь, к тому слову молитвы, которое ум покинул. Это борьба. И ради труда, который человек поднимет, такая молитва спасительна.

Второй вид — это лживая молитва. Человек лжет Богу, он идет по легкому пути, читает или произносит молитву, не заботясь о внимании. Он не понимает, пред Кем стоит, что делает, с Кем беседует; он притворяется, что молится, а затем так привыкает к этому лицемерию, что не замечает его. О такой лживой и ленивой молитве пророк Иеремия сказал: *Проклят, кто дело Господне делает небрежно*⁸¹. Проклят — значит «отлучен от Бога». От такой недостойной молитвы, как и от недостойного причащения, человек становится еще дальше от Бога, чем был. Для непрестанной молитвы надо, чтобы чистый ум сочетался с чистым сердцем. Поэтому человек должен остерегаться лжи, которая грязнит сердце и наполняет ум помыслами, а также избегать злобы, так как со злобным сердцем не может соединиться имя Иисуса Христа.

Вопрос: Что приобретает человек благодаря молитве в этой жизни?

Ответ: Покой и радость. Грех наполняет душу горечью и постоянным беспокойством — благодать Божия дает мятущейся душе покой. Внешние блага не могут сделать человека счастливым, если в душе у него зловонная яма. Напротив, молитва, совершающаяся в сердце, убогую хижину превратит в дворец.

Вопрос: Как лучше всего заниматься Иисусовой молитвой?

Ответ: Наблюдая за своим сердцем, изгоняя помыслы, как добрые, так и худые, при первом их появлении, и заключая ум в слова молитвы. Примером этого пусть служит кошка, которая сидит у мышиной норы и ждет и, как только появится мышь, тотчас бросается на нее. Так ум должен стоять над сердцем и, силой гнева убивая помыслы, вселять в сердце молитву. Как на чистой доске легко пишутся письма, так в упраздняющемся от помыслов сердце запечатлевается имя Иисуса Христа. Для тех, кто рассеянно произносит имя Божие, оно кажется чем-то знакомым и привычным, но для молящихся со вниманием оно будет всегда новым и иным, потому что изменяется сам человек и его способность познавать Бога.

Божество безгранично. И вечная жизнь человека — это вечное познание Бога через приближение к Нему, через осияние Божественным светом, который саму душу делает подобной свету.

Вопрос: Если для навыка в Иисусовой молитве нужен отказ от мирской культуры, в том числе отказ от философских и других знаний или максимальное сокращение их, то не покажется ли это людям каким-то насаждением невежества?

Ответ: Вопрос поставлен неверно. Здесь не незнание противопоставляется знанию, а высшее знание, сверхзнание — знанию мирскому. Здесь человек похож на бедного странника, нашедшего клад. Как нести его? Странник выбрасывает из своей дорожной сумки все, с чем он может расстаться, чтобы наполнить ее драгоценностями и унести их с

⁸¹ Иер. 48, 10.

собой. Разве можно сказать, что поэтому он становится беднее? Обычно люди, не имеющие представления о духовной жизни, считают, что отказ от мирских знаний должен привести к интеллектуальной пустоте, лени мысли и невежеству. Но происходит совсем другое: переход от низшего к высшему — от душевного к духовному, от временного к вечному, то есть Иисусова молитва делает человека мудрым, открывает для него иное знание, которое настолько больше того, что может поглотить человеческий интеллект, насколько небо больше земли.

Науки этого мира — знания о творении Божиим, притом знания условные, непостоянные, шаткие, ненадежные. А молитва — познание Того, Кто сотворил видимые и невидимые миры, пред Кем земля словно песчинка на берегу моря, пред Кем космос лишь низшая ступень творения той таинственной лестницы, что ведет в беспредельную высь. Бог открывает Себя человеку в молитве; Бог озаряет Своим светом человеческую душу; Бог, Которого не может вместить вселенная, нисходит в маленькое человеческое сердце. Поэтому святость — это высший гносис⁸², к которому призван человек. Умы философов и ученых, которые хотят усилиями своего интеллекта найти истину, вязнут в узле противоречий, блуждают по лабиринтам, из которых нет выхода, и, отдав себя земному, превращаются в горсть земли. Молитва — это приобщение человека к высшей жизни и переход от смерти к бессмертию. Философия и наука не приближают человека к совершенству, а молитва преображает самую природу его, соделывая как бы иным существом, подобно тому как становится иным металл, расплавленный в огне. Поэтому молитва — великий дар Бога человеку, уподобляющий его Ангелу.

Безумие — не верить в Бога, но еще большее безумие — верить в Него и относиться к Нему как к чему-то второстепенному в своей жизни, оставляя для Него лишь какой-то маленький уголок в своем сознании и в своем сердце, отдавая Ему как бы крохи своей жизни, уделяя богообщению редкие паузы между обычными повседневными делами. Неверие — это демоническое отрицание духовной очевидности. Полуверие — оскорбление Божества. В Апокалипсисе есть образ: Христос стучится в запертую дверь, дверь эта — человеческое сердце⁸³. Неверующий не открывает ее для Бога, он не слышит или не хочет слышать этого стука. Теплохладные христиане, каких среди нас большинство, отворяют дверь, но отводят место Христу не в комнате, а в прихожей, боясь, что присутствие Бога помешает их обычным делам; для них Бог не источник жизни, не высшая радость их бытия, не вечный свет, озаряющий человеческие души, а, скорее, некий гарант их благополучия.

Послушайте молитвы современных христиан, о чем они чаще всего просят Бога: о спасении души, о вечной жизни, о возвращении благодати, о любви к врагам? Нет, они молятся об успешном завершении дел, об исцелении от болезней, об избавлении от скорбей, а Бог как внутренняя жизнь их сердца им не нужен и не понятен. Лишь иногда наступает какое-то прозрение, особенно когда умирает любимый человек; тогда они вспоминают о вечности, молятся об упокоении души того, кто покинул сей мир, тогда они ощущают непрочность и временность всего земного, понимают, что гонялись за призраками, которые нельзя ухватить руками, что истинная, вечная жизнь — за пределами земного существования. Но это прозрение кратковременно и быстро забывается, как вспыхнувшая и тотчас погасшая искра; и опять каменеет сердце и погружается в привычную дрему.

Сколько раз убеждался человек, что в грехе нет счастья, а лишь опустошение и горечь! Но, по большей части, эти уроки не идут впрок: он снова ищет счастья в грязи, от которой еще недавно его мучило и тошнило, снова предает Бога, снова верит дьяволу. Наше отношение к Богу можно назвать свинством. Наше отношение к собственному духу нужно назвать непримиримой враждой; наше отношение к своей душе — постоянной

82 Гносис — «знание, познание».

83 См.: Откр. 3, 20.

изменой; наше отношение к телу — покорностью господина своему наглому рабу, который властвует в его доме, пьянствует и грабит этот дом, заставляя служить себе.

Кто же мы сами? Кто это загадочное «я», которое, определяя нашу жизнь, решает, с кем мы: с Богом или с дьяволом? Это тот таинственный центр человеческой души, где сосредоточивается вся жизнь человека, но где его воля пребывает свободной. «Я» — это то, что принимает последнее решение, это образ и подобие Божие, которые неуничтожимы в человеке.

Человек — личность и предмет этого мира одновременно. Высшая и совершенная Личность — это Бог. В приближении к Богу восстанавливается человеческая личность, человек освобождается от зависимости перед внешним и перед внутренним: от своей наследственности, привычек, прошлой жизни, своих привязанностей. Вне Бога человек из личности вырождается в предмет; он как бы овеществляется, его душа перестает быть средоточием его жизни и свободной воли: она поработается и поглощается внешним. В Священном Писании дьявол назван *чужим*⁸⁴: да, он чужд душе, но душа без Бога покоряется ему и становится его рабыней.

Иисусова молитва проясняет в человеке образ Божий, безмерно увеличивает потенциал его внутренней свободы. Святость — это свойство имени Христа. В человеке святость проявляется как противостояние миру, демону, *похоти плоти, похоти очей* и духу гордыни⁸⁵. В Новом Завете написано об огне, который преобразит небо и землю⁸⁶. Иисусова молитва — искра этого огня, преобразяющего сердце. Грех, живущий в нас, разъединил ум и сердце. Ум живет в мире фантазий и представлений, сердце — в мире страстей. Иисусова молитва, очищая ум и сердце, приближает их к согласию друг с другом. Когда ум и сердце соединяются в молитве, начинается преобразование человека — его духа, души и тела.

Шелковичный червь затворяется в коконе. Там он как бы умирает, превращаясь в густую бесформенную массу, а затем незримо для нас в коконе образуется бабочка — крылатое существо, совсем не похожее на червя. Ум, погружившийся в сердце, подобен этому червю: во тьме, в изоляции от вещественных образов, от внешнего мира он преобразяется вместе с сердцем, приближаясь к тому духовному ведению, которым обладал Адам до грехопадения. Это состояние святые сравнивают с огнем, согревающим душу, и светом, в котором человек видит мир в его первозданной красоте, с тем светом, в котором человек созерцает Бога и в то же время видит бездну своей души, видит страшные язвы своих грехов, видит демонов, точно червей, копошавшихся в гниющем трупе. Он зрит в своем сердце преддверие ада, ощущая одновременно, что именем Христа связана и пленена эта страшная темная сила, подобно тому как в Апокалипсисе Ангел связывает цепью сатану⁸⁷. Он подобен человеку, который стоит на скале, о которую разбиваются волны бушующего моря: они ударяют о скалу, но не могут достичь его. Эта скала — имя Иисуса Христа, которого страшатся демоны.

Без Иисусовой молитвы человек лишь получает удары от врага, который скрыт от него во тьме, а с ней он может сам наносить удары этой адской силе. Имя Иисуса Христа заставляет ее трепетать. Человек видит, как благодать Божия, подобно искусному врачу, залечивает в его сердце раны так, что от них не остается даже следа. Но для действия благодати нужны труд и самоотверженность самого человека, необходимо, чтобы он почитал молитву главным делом своей жизни, а остальное — только поделием.

Известны случаи, когда находившийся в окопах узник в течение многих месяцев, а то и лет перепиливал цепи напильником или какой-нибудь железкой рыл подкоп под тюремную стену. Он трудился непрестанно и без усталости, лишь бы встретиться со своими родными и друзьями, лишь бы вновь увидеть солнце и небо не сквозь тюремную решетку,

84 Ср.: Ин. 10, 5.

85 Ср.: 1 Ин. 2, 16.

86 См.: Лк. 12, 49; 2 Пет. 3, 12–13; Откр. 21, 1.

87 См.: Откр. 20, 1–2.

лишь бы вдохнуть всей грудью чистый воздух, а не смрад тюрьмы, лишь бы не быть заживо погребенным в подземелье. Когда же обретал свободу, то от радости забывал всю горечь своих трудов. Наши грехи — те же цепи и темница.

Иисусова молитва сначала так же трудна, как трудно перепиливать цепи или руками рыть землю, разбрасывая ее по полу. Но когда благодать коснется сердца, оно почувствует, что цепи спали. Иисусова молитва превращается в любовь души к Богу, а в этой любви — истинная жизнь, о которой не ведает мир, истинная радость и свобода. Когда узник просыпался, то знал, что главное — перепиливать цепь; здесь выбора не было — или свобода, или смерть. Человек, просыпаясь утром, должен знать не только умом, но и сердцем, что для него главное — Иисусова молитва, остальные, мирские дела — это фон, на котором она должна протекать. От этого знания нужно перейти к решимости воли. Ложась спать, человек должен засыпать с молитвой; просыпаясь ночью, вставать на молитву; если он день посвятит молитве, то она будет посещать его ночью во время сна; если он часть ночи будет молиться, то весь день будет для него другим.

В Евангелии говорится о мудром купце, который продал все свое имение, чтобы купить одну драгоценную жемчужину⁸⁸. И человек должен продать свое мысленное имение — свои мирские знания, свои помыслы, образы земной красоты, свои мечты и грезы — все свое интеллектуальное имение, в котором он привык жить, точно в родовом поместье, все продать, от всего отказаться, чтобы приобрести одну жемчужину, которая дороже всего мира; эта жемчужина — имя Иисуса Христа; этой жемчужиной обретается Небесное Царство.

Вопрос: Что необходимо для внимательной молитвы?

Ответ: Отреши свои мысли от обычных житейских дел, затем посвети несколько минут размышлению как приготовлению к молитве. Вспомни о времени, которое отпущено для нашей земной жизни. Оно как нитяной клубок, который, катясь, разматывается, пока не покажется конец. Так «разматывается» и наша жизнь: конец ее может быть сегодня, может быть через месяц, может быть через десятилетия. Конец неизвестен, но неизбежен. За это время мы должны подготовиться к вечности, которая не имеет конца. Затем подумай о смерти — итоге нашей земной жизни, за ней последует суд, а за ним — ад или рай; подумай о Промысле Божиим в твоей жизни, который ведет тебя к спасению, а ты постоянно сопротивляешься ему. Затем скажи: «Душа моя, надо спешить, время проходит скоро, остановить или вернуть его невозможно. Надо собирать сокровище, с которым ты отправишься в свой последний путь, это сокровище — имя Иисуса Христа. В будущем веке оно станет для тебя всем: светом, дыханием, пищей, питием и одеждой благодати, в которую облечены святые; оно станет для тебя неисчерпаемым источником жизни. Вложи это имя в свое сердце, как драгоценные камни в сокровищницу».

Все видимое рушится и исчезает, только невидимое вечно. Дьявол под тысячами предлогов отнимает время жизни, чтобы душа твоя в час смерти оказалась пустой.

Затем начни молитву. Первое условие: произноси молитву так, как будто говоришь ее первый раз в жизни. Второе: произноси ее так, как будто ты раньше не знал ее, а теперь должен запомнить навечно. Третье: мысленно вернись к своему детству. Вспомни себя малым ребенком, только что начавшим знакомиться с миром: все, окружающее тебя, казалось тайной, но присутствие мира невидимого в видимом мире ты ощущал своей душой. Молись так, как молился бы малый ребенок. Четвертое: не предпочитай никакое дело молитве, никакие блестящие мысли — имени Иисуса Христа. Если ты станешь глубоко молиться (как сказал один старец, «круто» молиться), то демон начнет отвлекать тебя от молитвы целым фейерверком «блестящих мыслей», но ты предпочти «бедность» со Христом. Во время молитвы демон будет предлагать тебе различные планы, обещая успех в земных делах, но ты задай самому себе вопрос: «А каков конец всего этого?». И увидишь, что все на земле рассыпается, как горы песка, что богатство, успех и слава остаются за порогом смерти, нередко же покидают человека еще при жизни, как коварные

88 См.: Мф. 13, 45–46.

друзья. Пятое условие молитвы — это послушание: оно освобождает ум от помыслов. Когда человек предоставлен самому себе, то при решении вопроса один помысл противостоит другому, душа находится в неуверенности и сомнении и человек не может различить в своем сердце притаившиеся там страсти. Послушание вносит в душу человека мир и высвобождает ее силы для молитвы.

Вопрос: Какие силы души должны быть включены в молитву?

Ответ: Воля, которая удерживает молитву в сознании, ум, который вникает в слова молитвы, чувства, которые согревают молитву и сливаются с душой. Трех силам души соответствуют три силы духа: воле соответствует внимание; разуму — внутренний логос и способность проникновения в глубь явлений и предметов, видение причин и конечных целей, способность интуитивного познания духовного мира; эмоциям — особое религиозное чувство как переживание общения с духовным миром, как познание благодати Божией, как внутреннее удостоверение в истине. Духовные способности и силы пробуждаются через молитву. В молитве происходит единение духа и души, их сил и свойств. В молитве тройственность сил духа и души становится единым познанием Бога — образно говоря, единым «локатором», улавливающим Божественный свет. Из трех сил души наименее поражен грехом разум: хотя он и бывает пленяем страстями и эмоциями, но по временам возвышается над ними и вступает с ними в борьбу.

В молитве разум первенствует, он призывает себе на помощь волю. Воля удерживает слова молитвы перед очами разума и собирает рассеявшиеся мысли воедино, как пастух собирает овец, отбившихся от стада. Разум как бы высвечивает слова молитвы, и чувство наконец начинает откликаться на них. Молитва становится переживанием человеческого сердца. Иногда сильные жизненные потрясения пробуждают чувства и включают их в молитву. Но обычно нужен труд. Слова молитвы действуют на наше затвердевшее сердце, как капли воды, которые падают на камень и постепенно пробивают его. Были люди, которые сразу же получали дар непрестанной молитвы, но они исключение. Обычно то, что легко приобретается, легко теряется. Поэтому Господь по мудрости и милости Своей не тотчас дает нам дары, чтобы мы вскоре же не потеряли их.

Тот, кто занимается Иисусовой молитвой, со временем начинает чувствовать, что это высшее делание человека, что обычная речь по сравнению с молитвой груба и пуста, что мирские занятия несут в себе холодную мертвенность, что без молитвы само человеческое бытие ничтожно. Он начинает любить молчание, в котором слышит песнь вечности. Любя людей, он прячется от них, перестает интересоваться делами и новостями мира, чтобы они, проникнув в его сознание, не нарушили молитву, не заглушили ее своим шумом. Он бережет молитву от соприкосновения с миром, как мать бережет младенца от палящего солнца и дыхания зимней бури.

Есть вещи, совершенно несовместные с молитвой. Это чтение современных журналов и газет; это телевизор, ставший хозяином дома. Дух Святой — это Дух чистоты и целомудрия. Молитва делает сердце человека храмом Божиим, а в этот храм человек впускает, словно желанных гостей, убийц, непотребных женщин, упиваясь зловонием греха: благодать Божия покинет такого человека. В душе, распаленной страстями, в уме, где водворяются образы насилия и разврата, как может пребывать Христос? Поэтому тот, кто не имеет решимости выбросить телевизор из своего дома, никогда не сможет приобрести Иисусову молитву. Это будет не молитва, а сочетания звуков без внутреннего смысла. Такой человек будет похож на хозяина, который провел в свои комнаты канализационные трубы и затем пригласил туда гостей.

Вопрос: Как сохранить свое сердце для молитвы?

Ответ: Спрашивай себя во всех случаях жизни: «Как мой поступок, дело, решение отразятся на молитве?». Когда садишься за трапезу, задавай вопрос: «Сколько мне надо съесть, чтобы не угасить молитву?». Когда вступаешь в беседу, думай, как и о чем говорить, чтобы не рассеять молитву. Когда берешь читать книгу, то реши для себя: поможет ли она молитве или, наоборот, вытеснит ее из памяти. Так проводи весь день.

Есть притча. Царский сын спросил отца:

— Расскажи мне, как ты научился управлять огромным государством?

Царь ничего не ответил. Но через некоторое время сделал вид, что разгневался на сына за какой-то поступок и приговорил его к казни. Сын бросился к ногам отца, умоляя о пощаде, и клялся, что он невиновен. Тогда царь сказал:

— Хорошо, я испытаю тебя.

Он наполнил чашу до краев водой и сказал:

— Обойди с этой чашей городские стены, а за тобой будет следовать палач: если ты прольешь хоть каплю воды, он тотчас на том же месте отрубит тебе голову.

Царевич обеими руками взял чашу, взошел на городскую стену и начал медленно обходить город, осторожно ступая по плитам. Долго продолжался этот путь. Наконец к вечеру царевич вернулся во дворец и принес отцу чашу, полную воды: он не пролил ни капли.

Царь спросил:

— Ты видел народ, стоящий около стен?

Царевич ответил:

— Нет.

Царь спросил:

— Ты слышал голоса людей?

Царевич ответил:

— Нет.

Царь спросил:

— Какое небо было сегодня: закрывали ли его облака?

Царевич ответил:

— Не знаю.

Царь спросил:

— Что же ты делал?

Царевич ответил:

— Я не видел и не слышал ничего, я смотрел на чашу, чтобы не пролить воду и остаться живым.

Тогда царь сказал:

— Вот тебе урок, как надо управлять государством: умей сосредотачиваться на каждом деле так, как если бы оно было единственным, забывая обо всем.

Эта притча может послужить примером того, как надо молиться. Чаша — это наше сердце, вода — благодать, палач, который идет за нами с обнаженным мечом, — смерть, стоящая за спиной каждого человека. Молитва собирает и хранит благодать.

Вопрос: Кто самый коварный и сокровенный враг молитвы?

Ответ: Наслаждение. Уже древние сказали, что наслаждение делает мудрых безумными.

Вопрос: Как отличить наслаждение от духовной радости?

Ответ: При наслаждении останавливается мысль, ум переходит в какое-то дремотное состояние, душа погружается во тьму; ощущая некую мутную сладость, как бы идущую снизу к сердцу, она забывает о смерти и о вечности. В наслаждении, как и в страсти, гаснет свет души. Наслаждение — паралич молитвы. Есть духовная радость, которую иногда также называют наслаждением, но это совсем иное.

Вопрос: Какой святой может служить для нас примером делателя Иисусовой молитвы?

Ответ: Пресвятая Дева Мария, Которой во Святая святых было открыто имя Иисуса Христа. Это имя, как незаходимая звезда, сияло в Ее сердце. Дева Мария — венец всех добродетелей. Но особенно просияла Она целомудрием, смирением и любовью. Любовь сделала Ее Дочерью Небесного Отца, чистота — Невестой Духа Святаго, смирение — Матерью Сына Божия. Все эти добродетели — дары благодати. Но в то же время они в

значительной степени зависят от воли человека. Иисусова молитва невозможна без стремления к чистоте и смирению, как и без неустанной борьбы с гордыней. Господь сказал: *Вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом*⁸⁹. Смирение — это тот Синай, на котором Бог является душе. Целомудрие — та купина, которая горит огнем благодати не сгорая. А духовная любовь — это награда победителю своих страстей, это присутствие Самого Божества в человеческом сердце, это бесконечный конец духовного пути.

Преподобный Максим Капсокаливит, афонский подвижник, постоянно молился Божией Матери о даровании ему сердечной Иисусовой молитвы и получил ее как дар от Царицы Небесной⁹⁰.

Надо молиться и просить о даровании Иисусовой молитвы Архангела Селафиила, который, по учению Церкви, является Ангелом молитвы. Надо просить преподобных отцов, чтобы они научили нас умному деланию, ради которого они оставили мир и удалились в монастыри и пустыни.

Вопрос: Что значит сделаться в молитве подобным ребенку?

Ответ: Это значит отказаться, как мы уже говорили, от земной мудрости и от земных знаний. Как борец, вступая в поединок, сбрасывает с себя одежду, так человек, становясь на молитву, должен помнить, что знания, которыми гордится мир, ничтожны и недостоверны. Перед Божественной мудростью они ничто; это обволакивающий нашу душу туман, через который с трудом пробиваются лучи солнца. Откажись от знаний ради мудрого незнания, и в этом незнании через молитву ты обретешь высшее знание. Откажись от мерцающего света рассудка, для которого недоступен духовный мир; погрузись во мрак неведения и безмыслия для того, чтобы через молитву в сердце твоём воссиял духовный свет. Представь себя ребенком, ничего не знающим, не смыслящим, но тянущимся к Богу, верящим Ему хотя бы так же, как малое дитя верит своим родителям.

Когда я мысленно обращаюсь к своему раннему детству, запечатлевшемуся в каких-то тайниках сердца, напрягаю свою память, как бы возвращая реку времени вспять, к ее истоку, то вспоминаю, что в предрассветных сумерках моей детской жизни духовный мир был очевиден для меня; я видел то, что окружало меня, в двух планах: один был реальным и земным, а другой — планом таинственным, планом духов. Эти планы как бы пребывали друг в друге. Ребенком я видел мир более объемным, более глубоким; детское сердце чувствовало тайну невидимого мира, который в какой-то степени был для него реальным. Затем, с возрастом, душа все больше грубела и погружалась в материальность: видимый мир вытеснял мир невидимый. Мирские знания, общение с людьми, просыпающиеся страсти — все это парализовало способность духа смотреть не на видимое, а сквозь него.

Едва научившийся говорить ребенок по-своему мудрее, чем философ, опутавший себя, словно паук паутиной, собственными рассуждениями, которые ткуются его рассудком. Ребенок мудрее, потому что он видит мир как тайну. Великое достижение — смирить гордость разума, ставшего для людей идолом, и победить страсти, в которых мир видит радость жизни, возвыситься над двойственностью и борением мысли, увидеть, что земные образы — это образы праха, и молиться простым сердцем, как дитя. Господь сказал: *Славлю Тебя, Отче, что Ты утаил сие от мудрых мирской мудростью и разумных плотским разумом и открыл то младенцам*⁹¹, которые больше могут вместить познания о Боге в своей простой душе.

Архимандрит Софроний (в схиме — Серафим [Сахаров]), автор известной книги о преподобном Силуане Афонском, отмечал тот знаменательный факт, что среди простых, даже неграмотных монахов оказывалось больше тех, кто достигал непрестанной Иисусовой молитвы, чем среди людей, получивших книжное образование. Это потому, что простым, неученым монахам было легче приблизиться к состоянию ребенка. Но надо

89 Ис. 66, 2.

90 Подробнее об этом см.: Афонский патерик. Репр. М., 1994. С. 32–52.

91 Ср.: Мф. 11, 25.

оговориться, что и среди них могут быть гордые умом, подобные нищему, гордившемуся иголкой, которой он пришивал заплатки к своей одежде.

Гордость — это страсть. Ученость может явиться пищей для страсти, особенно поверхностная ученость и пустые, раздутые знания. Но если человек увидит всю ограниченность этих знаний и ничтожность их по сравнению с познанием Бога, то и он, как богатый, продавший свое имение, может быть в сердце своем со Христом. Пример тому — Василий Великий, который получил образование в знаменитой афинской Академии, а впоследствии, изучая Священное Писание, отзывался о философии как об игре ума. Надо сказать, что пустынные неodobрительно относились к чтению богословских трудов теми, кто избрал путь безмолвия. Они указывали, что даже такие книги могут рассеять ум и оторвать его от молитвы, а через молитву человек способен познать Бога глубже, чем через книги. Они считали, что для спасения достаточно знать догматы Православия и верить Церкви, а душу посвящать молитве. Поэтому пустынные не входили в разбор богословских вопросов, если не было угрозы ереси.

Книги описывают духовный мир, а молитва вводит человека в этот мир.

Тем, кто занимается молитвой, старцы советовали читать книги преимущественно о молитве.

На Апокалипсис

Часть 1

Апокалипсис — это самая таинственная книга Нового Завета. Им кончается Библия, словно день — огненным заревом заката. Апокалипсис — это не летопись событий, которые апостол Иоанн Богослов изложил иносказательно, в форме метафор и аллегорий; это не условный символический язык священной поэзии, а устрашающие образы и видения, которые реально созерцал святой Иоанн в пророческом вдохновении.

Из Апокалипсиса, как из глубины таинственного и сокровенного, мы выбрали семь посланий Духа к семи Церквям, но не с целью толкования, а чтобы хоть немного приоткрыть их духовно-нравственный смысл и значение для нашего времени.

Семь Церквей представляют собой не семь периодов в истории Церкви, а единую Святую Вселенскую Апостольскую Церковь, ее бытие как продолжающуюся Пятидесятницу, в пламени которой она горит, не сгорая, подобно неопалимой купине на вершине Синая.

Семь Церквей представляют собой единую окружность, выходящую за пределы космоса. Семь — священное число; оно знаменует собой превечный Фаворский свет, семь Таинств и семь даров Духа Святаго, семь дней мироздания, а восьмой день — вхождение в вечность.

Часть 2

* * *

Ангелу Ефесской церкви напиши: так говорит Держащий семь звезд в деснице Своей, Ходящий среди семи золотых светильников (Откр. 2, 1).

Символически число «семь» означает изливание и действие благодати Божией в сотворенном мире. Под семью звездами здесь подразумеваются семь Ангелов-хранителей Церквей, а также предстоятели Церквей, так как благодать и служение епископства настолько велики, что могут сравниться с достоинством Ангелов. Семь звезд в деснице Божией означают Единую Святую Церковь, непоколебимую в истине и благодати. Семь звезд — небесный аспект Церкви. Семь золотых светильников — ее земное бытие, народ Божий, объединенный Духом Святым. Ангелы — светильники для Церкви, а Церковь — светильник для мира. Господь ходит среди семи золотых светильников: Он пребывает и действует, творит, совершает и спасает в Своей Церкви.

Церковь — единство во множественности и множественность во единстве. Господь держит Церковь в Своей руке; никакие силы не могут разжать десницу Христа и вырвать

из нее Церковь, точно свою добычу: здесь обетование о том, что Церковь пребудет во веки веков непоколебимой в истине. Число семь — символ благодати — означает, что сила Духа Святаго не оскудеет в Церкви, что Божественный свет, воссиявший в Сионской горнице, не померкнет до дня воскресения из мертвых, а затем Церковь земная соединится с Небесным Иерусалимом — с торжествующей Церковью Христа. И здесь же — обетование и предостережение: те, кто принадлежат Церкви, находятся в деснице Христа, а кто покинул Церковь, тот выпал из нее, как падающая с небес звезда.

Знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое, и то, что ты не можешь сносить развратных, и испытал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы (Откр. 2, 2).

Знаю дела твои...

Поступки человека видит мир, а тайны сердца — Всевидящее Око, пред Которым открыто самое дно человеческой души — сокровенная область человеческих желаний и намерений. Одно и то же дело может иметь различную цену, в зависимости от чистоты побуждений, от того, во имя кого оно совершено. Поэтому пророк Давид молился Богу: *От тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади раба Твоего*⁹². Святые отцы самым высоким деланием на земле считали Иисусову молитву; для них она была основой и стержнем для остальных дел.

...и труд твой...

Внимательно молиться так же трудно, как проливать кровь. У святых есть крылатое выражение, долетевшее до нас из пустынь Египта и Сирии: «Дай кровь и прими Дух». Многие, не выдержав труда молитвы, отступили и бросили ее, как путник, изнемогающий от зноя дороги, сбрасывает тяжелую суму с плеч, забыв, что она наполнена золотом.

...и терпение твое...

Наше сердце от грехов стало подобным каменистой почве; а заниматься Иисусовой молитвой — это рыть колодец в скале до тех пор, пока не покажется вода. Только терпение может дать человеку силы до конца довести свой труд.

...и то, что ты не можешь сносить развратных...

Нельзя любить Христа и велиара⁹³; кто любит Христа, тот ненавидит разврат и грех. Святая ненависть — это сила, защищающая душу от ее врагов. Дружба с грехом и развратом, которые часто прикрываются цветистыми словесами о любви, — это вражда против Христа. Те, кто равнодушно взирает на грех как на что-то безобидное или ради душевной привязанности примиряется с ним, теряют любовь ко Христу.

...и испытал тех, которые называют себя апостолами...

Испытал — значит отделил: благодать учит различать и разделять. Христос принес на землю не мир с сатаной, а меч⁹⁴. Слова лжеапостолов, лжеучителей — это струи мертвой воды, текущей из ада. В мире лжи и обмана, где велиар является душе в одежде Ангела и опутывает ее, как паук свою добычу липкой паутиной, христиане будут узнавать друг друга по духу. *Не горело ли в нас сердце наше?*⁹⁵ — говорят апостолы о встрече с Христом по дороге в Эммаус. Здесь — свидетельство не телесных очей, а сердца. Духовные чувства и глубокие интуиции обновляются, делаются более тонкими и чуткими, как бы просветляются от Иисусовой молитвы.

Ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал (Откр. 2, 3).

Ты много переносил...

Мир и ад восстают против тех, кто творит молитву, хотя бы она совершалась тайно в сердце. Их преследует месть демонов, они переносят скорби, часто тяжелые и неожиданные, и, что больнее всего, порой от самых близких людей.

92 Пс. 18, 13–14.

93 См.: 2 Кор. 6, 15.

94 См.: Мф. 10, 34.

95 Лк. 24, 32.

...и имеешь терпение...

Терпение, соединяясь с надеждой в их душе, рождает дивный цветок любви.

...и для имени Моего трудился...

Труд ради имени Иисуса переходит в светлую радость, которую сердце переживает среди внешних скорбей и гонений.

...и не изнемогал.

Не изнемогал, то есть не отступал от молитвы, не оставлял ее, подобно тому как обессиленный от ран воин, истекая кровью, роняет меч из ослабевшей руки.

Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою (Откр. 2, 4).

А ныне ты оставил молитву, отдался тем делам, которые легче, чем внутренний подвиг; ты перестал с прежним духовным рвением приступать к Богу, и постепенно любовь твоя начала угасать, и ты за внешней суетой стал терять вечное и самое главное — тот дар, которым приобретается небо.

Итак вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься (Откр. 2, 5).

Итак вспомни, откуда ты ниспал...

Вспомни прежнее свое усердие, вспомни, как горело твое сердце, когда ты считал, что даже малое уклонение от слов молитвы — это измена Богу. Покайся, пробудись от сна внешнего и преходящего, разорви его, как паутину.

...и твори прежние дела...

Вспомни твою первую любовь.

...а если не так, скоро приду к тебе...

Приду в испытаниях и скорбях, приду в «грозе и буре», приду показать, как ты пал, чтобы затем оставить тебя навеки.

...если не покаешься.

Покаяние — это перемена и возвращение потерянного. Мы грешим постоянно, поэтому покаяние должно быть у нас постоянным состоянием души. Молитва, соединенная с покаянием, — единственный путь к Богу.

...сдвину светильник твой с места его...

Светильник твой — ум; место его — сердце; *сдвину его* — выведу вовне, оставлю его погруженным во внешние дела, как в темноту, которую он не может просветить своим мерцающим и колеблющимся огоньком: сердце твое останется во мраке пустым и холодным. Самое драгоценное, что ты стяжал и имеешь, — любовь Мою и имя Мое, ты можешь потерять.

Впрочем то в тебе хорошо, что ты ненавидишь дела Николаитов, которые и Я ненавижу (Откр. 2, 6).

...ненавидишь дела Николаитов...

То есть ненавидишь блуд и разврат, возведенные в культ. Так, например, николаиты учили, что общность жен и свальный грех — это проявление любви между членами общины; что тот, кто не хочет поделиться женой с братом своим, должен быть презираем, как себялюбца. Написано: *...ненавидишь дела Николаитов* — не самих несчастных грешников, а их мерзкие дела. У кого нет ненависти к блуду и разврату — ненависти, которая, как стена, защищает душу, тот сам становится соучастником и в то же время жертвой этого потока грязи, заливающего мир.

...которые и Я ненавижу.

Свет и тьма не могут быть соединены друг с другом. Ненависть Христа — это вечное отвержение и проклятие греха, который сам становится проклятием для нераскаянных грешников. Христос ненавидит — значит Христос отвергает. Нет общего между Христом

и демоном — того примирения с грехом, переходящим в союз, к которому стремятся теософы⁹⁶ и гностики⁹⁷ старого и нового времени.

Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия (Откр. 2, 7).

Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам...

Имеющий внутренний слух пробужденного благодатью духа, который может распознавать голос Бога и отличать его от учения сатаны и лжехристов.

...побеждающему дам вкушать от древа жизни...

Побеждающий тот, кто претерпел скорби, перенес труды и не отказался от своего креста до конца. Он победил демона и мир,— вернее, через него Христос побеждает падшего архистратига, который борется с Ним за каждую душу. Древо жизни — Иисусова молитва; она подобна плодам бессмертия, которые вкушал Адам в Едеме. В вечной жизни образ Божий будет раскрываться в человеке в своей неисчерпаемой глубине через приближение к Первообразу; а слова молитвы и символов превратятся в чистое созерцание.

...которое посреди рая Божия.

Имя Божие Ангелы воспевают на небесах; имя Божие, укореняясь и возрастая посреди земного неба — сердца человека, становится деревом жизни и родником благодати, которую Господь обещал дать душе, верующей в Него, как живую воду самарянке при колодце Иакова⁹⁸.

Часть 3

И Ангелу Смирнской церкви напиши: так говорит Первый и Последний, Который был мертв, и се, жив (Откр. 2, 8).

...Первый и Последний...

Тот, Кто был до начала самого времени, возникшего вместе с сотворением мира, и останется неизменным после того, как время исчезнет и настанет вечность. *Первый и Последний* — это Имеющий бытие в Себе Самом, Тот, Кто существовал всегда, есть и будет, Кто сверхпространствен и сверхвремен. Некоторые из отцов открыли нам, что Бог сотворил вечность для нескончаемой жизни Ангелов и святых, а Сам Он выше вечности; Творец вечности — Превечен.

...Который был мертв, и се, жив.

В этих словах Бог открывается миру как Искупитель и Спаситель. Христос умер по человеческой природе и воскрес, как Бог, в Своем человеческом теле. Здесь слышатся гимн победы над смертью и обетование о том, что мертвые воскреснут по образу Христа.

⁹⁶ Теософия (греч. — «богопознание») — антихристианское по своему характеру философское учение о возможности непосредственного постижения Бога с помощью мистической интуиции, доступной избранному кругу «посвященных». Признание возможности непосредственного общения со сверхъестественными потусторонними силами сближает теософию со спиритизмом и оккультизмом. Элементы теософии можно обнаружить в брахманизме, буддизме, каббале, в творчестве русского философа-мистика Владимира Соловьева. С особенным усердием насаждало теософские воззрения «Теософское общество», созданное в 1875 году Е. Блаватской. Располагаясь сначала в России, потом в Англии, Америке, Индии, общество развернуло свою деятельность во многих странах мира. Не скрывая сатанинской сущности исповедуемого учения, Блаватская издавала журнал «Люцифер». Впоследствии пагубные идеи теософии развивали Константин Рерих и его жена Елена, жившие в Индии.

⁹⁷ Гностицизм (от греческого *gnostikos* — «знающий») — религиозное дуалистическое учение поздней античности (I–V века), воспринявшее некоторые моменты христианского вероучения (так называемый иудео-христианский гностицизм), популярной греческой философии и восточных религий. Гностицизм притязал на «истинное» знание о Боге и конечных тайнах мироздания. С гностицизмом связано возникновение манихейства. Оказал влияние на средневековые ереси и неортодоксальную мистику нового времени.

⁹⁸ См.: Ин. 4, 5–26.

...знаю твои дела, и скорбь, и нищету (впрочем ты богат), и злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское (Откр. 2, 9).

...знаю твои дела...

Знаю — приемлю и благословляю; они угодны Богу и отмечены печатью благодати, как бы помазаны миром. В основу всех дел и слов христианина должно быть положено имя Божие. Из сердца исходят все мысли и желания, поэтому непрестанной молитвой надо очищать сердце, как источник духовной жизни.

...и скорбь...

Любовь увеличивает скорбь. Тот, кто соприкоснулся в сердце со Христом и ощутил Его любовь, будет скорбеть о мире, погибающем в грехах, о людях, не узнавших своего Спасителя, о своих врагах и клеветниках, как о своих друзьях, о страшной участи гонителей Церкви. Это святая скорбь любви, которая просветляет душу и расширяет сердце, так что там уже не тесно никому. Валаамский игумен Назарий писал, что скорбь, как удар долота, открывает сердце для молитвы.

...и нищету (впрочем ты богат)...

Здесь говорится не только о презрении к богатству и о желании ограничить, как говорят старцы, утеснить себя в телесном; здесь нищета как отречение от высокомерных притязаний своего рассудка познать истину и быть судьей в делах веры, отречение от искусства и философии, от пустых знаний и суетных дел, от того, чем гордится и тщеславится мир, — кратко сказать, от интеллектуального и душевного имущества.

Господь сказал: *Блаженны нищие духом*⁹⁹. Блажен дух, обнаженный от мирских образов и понятий, погруженный в глубину молитвы. Он приобретает духовную мудрость и видит в благодати два мира, взаимопроникающие друг в друга; за интеллектуальным мраком он входит в область духовного света. В своей произвольной нищете он находит сокровище — ту бесценную жемчужину, о которой говорится в евангельской притче. Это самоотречение делает человека наследником Небесного Царства еще на земле. Здесь прикровенно сказано об Иисусовой молитве. Блаженна нищета, когда ум, оставляя все и всех, сосредотачивается в словах молитвы, входит в них, как в башню, и запирается от мира.

...и злословие...

Мир ненавидит тот духовный свет, в котором обнажается безобразие страстей и мерзость греха, поэтому он злословит тех, кто несет его людям. *Блажены вы, когда злословят вас имени Моего ради*,¹⁰⁰ — сказал Господь; *имени Моего* — имени Христа как исповедания веры, имени Иисуса как тайной молитвы сердца.

...от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи...

Слово «иудей» означает «славный, прославленный». В высшем, онтологическом значении это слово относится к христианам как наследникам вечного света и общникам славы Христа.

...а они не таковы, но сборище сатанинское.

Это лжеучителя, похитители чужих имен, их собрания — сатанинское сборище. В аду, на сатанинских сборищах, составляются планы, как погубить людей, какими средствами обольстить подвижников, как угасить свет Православия или зажечь в светильниках Церкви чуждый огонь, как опутать мир сетью лжи и подчинить его своей власти, подобно тому как гладиатор, изловчившись, накидывает сеть на своего противника, повергает его на песок арены и наступает ногой на его грудь. На сатанинских сборищах лжеучителей и лжемессий совещаются о том, как завлечь в свои тенета несбыточными обещаниями души легковверных и наивных людей.

99 Мф. 5, 3.

100 Ср.: Мф. 5, 11.

Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни (Откр. 2, 10).

Не бойся ничего...

Надежда делает душу мужественной, а любовь изгоняет из нее всякий страх перед людьми. Те, кто занимается внутренней молитвой, находятся под покровом Божиим, они вручают себя Промыслу Божию и благодарят Господа за все, случающееся с ними, зная, что Господь посылает нужное для спасения. Они благодарят Бога за скорби, так как скорби очищают душу от всего чуждого и наносного, как нож очищает ветвь для трости от сучков и коры.

...что тебе надобно будет претерпеть.

Для того, кто имеет любовь, претерпеть ради любимого — уже великое счастье. Язычники удивлялись, как христиане могли радоваться, когда их заковывали в цепи и подвергали пыткам; почему во время казни они благословляли своих мучителей. Все скорби, которые предстоит перенести христианину, уже определены на Предвечном Совете и взвешены на весах Божественного правосудия, так что ни один волос наш не упадет без воли Божией.

Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу...

У кого сердце соединено с Богом в молитве, тот не боится ничего. Мир и диавол в лице мучителей не могут похитить из их сердца имени Иисуса, а в этом имени заключено все. У кого в сердце демон, тот не имеет покоя, даже если воссядет на золотой трон. А христианину с Богом в сердце хорошо даже в темнице, как в небесном чертоге.

...чтобы искусить вас...

Искушение — это огонь, который отделяет драгоценный металл от шлака. Гонения рождают мучеников и отступников.

...и будете иметь скорбь дней десять.

Десять означает совершение и законченность. Гонение будет длиться столько времени, сколько нужно для спасения христиан и очищения Церкви, подобно тому как и лекарство дается в строго отмеренной дозе. Здесь наказание соединено с милостью, а правосудие — с любовью.

Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни.

Лучше умереть в подвиге, чем жить годы в нерадении, точно в тяжелом сне. Смертью за имя Христа Господь дает прощение грехов, словно вновь омывая христианина в купели крещения, и вечную жизнь как неуязвимый венец победителя.

Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающий не потерпит вреда от второй смерти (Откр. 2, 11).

...побеждающий... — устоявший во всех испытаниях.

...не потерпит вреда от второй смерти.

Первая смерть — разлучение души с телом; смерть вторая — разлучение с Богом на Страшном суде. Первая смерть — это временная разлука души с ее младшей сестрой — плотью; вторая — вечная потеря Бога. У тех, кто занимался Иисусовой молитвой как самым главным делом своей жизни, имя Иисуса Христа по смерти будет сиять в душе, подобно блеску молнии, так что темные духи на мытарствах не смогут приблизиться к ней. На Страшном суде это имя превратится в таинственное начертание лица Христа в сердце человека, как на иконе, а в Царстве Небесном оно облечет душу в белоснежные одежды, которых лишился Адам, вкусив от древа познания добра и зла.

Часть 4

И Ангелу Пергамской церкви напиши: так говорит Имеющий острый с обеих сторон меч (Откр. 2, 12).

Обоюдоострый меч — благодать Божия, которая защищает Церковь от врагов и лжеучителей, хранит Православие, как Херувим — врата Едема, поражает ангелов ада,

отсекает от Церкви нераскаянных грешников, а на Страшном суде отделит детей Божиих от детей сатаны непроходимой бездной. Обоюдоострый меч — слово Божие, проникающее до глубины сердец. Этот меч — Евангелие, которое победило мир; он рассекает душу человека и обнажает ее сокровенные деяния.

...знаю твои дела, и что ты живешь там, где престол сатаны, и что содержишь имя Мое, и не отрекся от веры Моей даже в те дни, в которые у вас, где живет сатана, умерщвлен верный свидетель Мой Антина (Откр. 2, 13).

...ты живешь там, где престол сатаны...

Пергам был одним из центров языческого оккультизма. Падшие ангелы, свергнутые с неба, нашли себе приют в подземных пропастях, языческих капищах и сердцах людей, преданных греху и поэтому ненавидящих Бога, людей, ставших для них, демонов, младшими братьями. В Пергаме стоял знаменитый языческий храм во имя Асклепия (Эскулапа), покровителя врачевания; его изображали в виде змеи. В храме, в его алтаре, держали живых змей и поклонялись им как богам. Служители Асклепия, маги, лечили больных заклинаниями, гипнозом — погружением в сон, наркотическими средствами, вызывавшими у человека яркие видения, так называемой священной пляской, во время которой жрецы приходили в состояние экстаза, демоническими ритуалами и тому подобным — тем, чем «пользуют» своих пациентов современные целители-колдуны, экстрасенсы и гипнотизеры. Общепринятой эмблемой медицины стала чаша, над которой изогнулась змея. Ее объясняют так: мудрость (змея) пьет чашу (здоровье). На самом деле, змея — это образ Эскулапа, который готовит в чаше свои снадобья. Змея обвилась вокруг чаши, как бы держит ее руками.

В городе магов и сатанистов душа вступает в самую тяжелую внутреннюю борьбу с демонами, сущность которых — ненависть к Богу и к человеку как образу Божиему.

Сатана — дух разврата и убийства; из черных недр своих он породил грех, который, как гигантская птица, раскинул крылья над всей землей. Сатана научил людей разврату, чтобы их души не могли воспринять Божественный свет, чтобы потомство этих живых мертвецов принадлежало ему. Где процветает разврат, как ядовитые цветы цикуты, где блуд становится нормой общественной жизни и перестает восприниматься как мерзость и смертный грех, там ад раздвигает свои границы. В Пергаме воскрес истребленный Содом, и сатана воздвиг там свой престол. Святые отцы говорили, что демоны, точно стаи ворон, летят к языческим капищам и там питаются смрадными испарениями от блуда и кровавых жертв.

... содержишь имя Мое...

Содержишь в устах, как исповедание веры во время гонений, подобно тому как знаменосец высоко поднимает знамя во время битвы, и содержишь молитву во имя Христа тайно в сердце, как перстень, которым душа обручается со Христом. Непрестанная молитва, соединенная с дыханием и биением сердца, похожа на кольцо, не имеющее начала и конца.

...и не отрекся от веры...

Ты не надеялся на помощь людей, не подделывался под нравы мира, не отрекся от веры перед цезарем и его князьями.

Но имею немного против тебя, потому что есть у тебя там держащиеся учения Валаама, который научил Валака ввести в соблазн сынов Израилевых, чтобы они ели идоложертвенное и любодействовали (Откр. 2, 14).

...имею немного против тебя...

Имею немного, потому что хотя ты не участвовал в гнусных грехах, но терпел их в своем окружении, не отсекал себя от общения с теми, кто творил разврат. Душа, соприкасаясь с грязью болота, невольно пропитывается ее зловонием. Здесь обличаются люди, которые сами воздерживаются от греховных дел, но рассматривают непристойные картины, слушают развратные разговоры, читают соблазнительные книги, вместо того чтобы бросить их, как сор, в печь.

Покайся; а если не так, скоро приду к тебе и сражусь с ними мечом уст Моих (Откр. 2, 16).

Покайся...

Покаяние — это суд над собственной душой прежде Страшного суда. Оно отводит кару Божию и превращает проклятие в благословение. Слезы — это крылья покаяния.

...а если не так, то скоро приду к тебе...

Приду в скорбях, приду в гонениях; сами гонители станут Моими рабами, исполняющими Мою волю; приду в буре, ломающей гнилые ветви деревьев, приду внезапно, когда ты не ждал Меня.

...сражусь с ними мечом уст Моих.

Этот меч — слово Божие: для праведных — слово любви и утешения, для грешных — кары и отвержения. Словом Божиим сотворен мир; словом Божиим будет судим мир еще до Страшного суда, и города грешников, как преступное Пятиградие¹⁰¹, превратятся в пепелище.

Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает (Откр. 2, 17).

Сокровенная манна — Причастие Тела и Крови Христа на земле и причастие Божественного света в вечности. Сокровенная манна — это благодать Божия, ниспосланная, как награда за победу. Сама вечная жизнь для спасенных — это обожение через благодать.

...и дам ему белый камень...

Белый — символ чистоты; камень — сердце, непоколебимое в любви к Богу, ставшее таинственной скрижалю, подобной скрижали во Святом святых. На этой нерукотворной скрижали написано новое имя. Оно дано Сыну Божию в Превечном Совете Святой Троицы; оно предвозвещено пророками, оно принесено во все концы земли апостолами, оно прославлено мучениками, оно воспето преподобными, оно древнее и новое, так как в Иисусовой молитве, будто в неумолкаемом гимне, оно раскрывается в своих неисчерпаемых глубинах. Вечная жизнь — это вечное приближение ко Христу, вечное озарение Божественным светом, вечное восхождение на духовный Фавор, где всегда все ново.

...которого никто не знает, кроме того, кто получает.

Это состояние можно пережить, но нельзя передать и описать; его знают только двое — душа и Бог.

Часть 5

И Ангелу Фиатирской церкви напиши: так говорит Сын Божий, у Которого очи, как пламень огненный, и ноги подобны халколивану (Откр. 2, 18).

В этом послании Господь называет Себя Сыном Божиим, Который имеет все, что принадлежит Отцу,— Божественную силу, славу и достоинство. Слова *Сын Божий*, являющиеся онтологической основой Иисусовой молитвы, означают в данном случае «Бог истинный, вышний и благословенный».

...у Которого очи, как пламень огненный...

Здесь говорится о всеведении Божиим. Бог знает будущее, как настоящее, и поэтому по Своему предвидению предопределяет для каждого его жизненный путь. Здесь Господь открывается как Промыслитель мира.

...пламень огненный...

Огонь освещает и согревает, но может также пожигать и испепелять. Огненные очи — это очи любви, но отвергнутая любовь превращается здесь для отвергнувшего в наказание и мучение.

...и ноги подобны халколивану.

¹⁰¹ Имеются в виду Содом и Гоморра и иные города, погибшие вместе с ними.

Ноги Сына Божия — это Его человеческая плоть, в которой Он пришел на землю, и дела, которые Он совершил во плоти на земле. Халколиван — сплав золота с серебром, обладающий особым блеском. Под халколиваном можно также подразумевать душу человека, причем золото знаменует собой духовное, а серебро — душевное. Когда Бог присутствует в душе Своей благодатью, то дух и душа сливаются воедино.

...знаю твои дела и любовь, и служение, и веру, и терпение твоё, и то, что последние дела твои больше первых (Откр. 2, 19).

...знаю твои дела...

Очи Господа, подобные пламени, высвечивают корни наших дел: стремления, желания и тайные побуждения, которые затем проявляются, воплощаясь в поступках. По чистоте намерений Господь оценивает дела, поэтому в очах Божиих малое может оказаться великим и, напротив, великое у людей — ничтожным.

...и любовь...

Любовь — это сердце всех заповедей; любовь — самое дорогое, что человек может принести в дар Богу. Алхимики тщетно пытались найти «философский камень», который обращал бы простые металлы в драгоценные; а любовь способна превращать врагов в друзей, гонителей — в мучеников за веру, хулителей Бога — в учеников и проповедников Христа. Кажется, что любовь может оживить мертвого. Любовь расширяет человеческое сердце, поэтому святые могли объять любовью все человечество, и в их сердцах вмещались земля и небо. Любовь требует самоотречения: зерно, не пав в землю, не может прорасти¹⁰², поэтому любовь — это жизнь через смерть, радость через страдания, приобретение через лишение своего. Любовью христиане победили мир. Но когда у христиан угасает любовь, то, наоборот, мир одерживает победу над христианством. С оскудением любви в человеческом сердце оскудевает двор Церкви. В Библии описана битва израильтян с амаликитянами: когда Моисей поднимал благословляющие руки, то побеждали израильтяне; когда опускал их, то, казалось, падало знамя над лагерем израильтян, и побеждали амаликитяне¹⁰³. Одно из средств стяжания любви — внимательная молитва с покаянием. У некоторых отцов Иисусова молитва названа «любовью Божией». Имя Иисуса Христа, непрестанно повторяющееся устами и пребывающее в сердце, превращается в любовь и делает само сердце мягким, словно теплый воск.

...и служение...

Внешнее служение действительно тогда, когда в сердце совершается тайное служение Богу, когда ум, как епископ в алтаре, стоит в сердце и там приносит бескровную жертву молитвы. Перед тем, кто стяжал благодать, открываются души людей, как сомкнутые лепестки цветов — перед утренними лучами солнца.

...и веру...

Вера проверяется в испытаниях и гонениях, как клинок в бою, и, проверенная, становится исповеданием истины и мученичеством за Христа.

...и терпение...

Терпение — это совершение подвига без ропота и уныния. Некоторые ослабевали и падали при самом конце пути и жалким образом теряли награду за труды многих лет, как бы сами отказавшись от венцов победителей, которые уже нес им Ангел. Терпению помогает Иисусова молитва, как песня страннику в долгом пути.

...последние дела твои больше первых.

Человеку, ставшему на путь спасения, помогают три чувства: страх, надежда и любовь. В первом случае душа, подгоняемая страхом, точно конь бичом, бежит быстро. Но есть здесь один крутой поворот, на котором конь может споткнуться и упасть: когда человек почувствует, что грехи его прощены, то страх или переходит в надежду, как в более высокое состояние, или исчезает, открывая место прежним страстям. Душа, не

102 См.: Ин. 12, 24.

103 См.: Исх. 17, 11.

достигшая надежды и потерявшая страх, охладевает к духовному и впадает в нерадение, начинается сползание вниз, как скольжение по гористой снежной тропе: пропадает потребность в молитве, посещение храма становится тягостным и человек ищет поводов, чтобы не пойти на богослужение. Храм представляется человеку кузнечным цехом, где ему придется работать тяжелым молотом до изнеможения. Он боится уже не греха, а того времени, когда надо встать на молитву; затем он все чаще «забывает» о молитве и постепенно срастворяется с миром, как бы вбирая в себя его ядовитый дух.

Но у того, кто служит Богу по любви, последние дела будут больше первых, потому что любовь разгорается в его душе, как огонь. Иисусова молитва — это духовный пламень, в котором страх переплавляется в надежду, а надежда — в любовь.

Но имею немного против тебя, потому что ты допускаешь жене Иезавели, называющей себя пророчицею, учить и вводить в заблуждение рабов Моих, любодействовать и есть идоложертвенное (Откр. 2, 20).

Иезавель — образ язычества, магизма и вообще экстатических сект.

...имею немного против тебя...

Сам предстоятель Фиатирской церкви был чужд этих заблуждений, он боролся с ними, но недостаточно твердо и решительно. Он согрешил не отступлением от веры, а примиренчеством с грехом, с тлетворным духом лжесвободы. Из-за этой лжестерпимости могла бы погибнуть его душа вместе с вверенной ему от Бога паствой. Иезавель выдавала себя за пророчицу, обладающую дарами прозорливости и чудотворения, но ее «пророчества» были плодом магии и оккультизма. Такие провидицы и жрицы становятся медиумами сатаны и возвещают людям его учение. Иезавель — символ гностиков и теософов как древнего, так и нового времени. Эти демонопоклонники обольщали и обольщают людей некой «тайной мудростью Востока», проповедуя «эзотерическое»¹⁰⁴ христианство», стоящее якобы выше заповедей и законов. Их учение говорит о том, что в христианстве существуют три касты. Первая — «плотские христиане», невежды, которых можно терпеть, как скот во дворе своего дома. Вторая каста — это «душевные христиане»: они стараются исполнять заповеди, ведут нравственную жизнь, но им открыта только эзотерическая, внешняя сторона христианского учения. И третья каста — «христиане духовные»: гностики и интеллектуальная элита.

Эзотерики сравнивали христиан с озерными цветами: одни еще находятся в воде; другие оказываются по временам на поверхности, а третьи стоят над водой: это соматики, психики и пневматики. Для соматиков («плотских христиан») — для толпы — нужен закон; для психиков («душевных») — заповеди, а пневматики («духовные») свободны. Чтобы доказать свою свободу, они открыто показывали свои гнусные деяния и притом уверяли: где умножается грех, там увеличивается благодать¹⁰⁵. Гностики прямо не отрицали Библии, но посредством своих фантастических «толкований» уничтожали и извращали ее смысл. Кроме того, они уверяли, что у них хранятся тайные писания и «Третий», духовный «Завет». Через каббалистические формулы и криптограммы они передавали своим адептам сатанинские откровения как голос Божий. У них были свои посвящения — инициации, посредством которых неофитам открывались имена демонов, которые они должны были повторять наподобие молитвы.

Святой царь Соломон писал: *Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя*¹⁰⁶. Наш водоем — Новозаветная Церковь, колодезь — Божественное Откровение. Тех, кто пьет воду из чужих источников — участвует в чужих культах, читает оккультно-еретические книги, Библия сравнивает с блудниками и блудницами. Христиане, занимающиеся астрологией и гаданием, становятся идолопоклонниками, а точнее, демонопоклонниками, не всегда даже осознавая это.

104 Эзотерический (греч. esoterikos — «внутренний») — тайный, сокровенный, понятный лишь избранным, предназначенный только для посвященных.

105 См.: Рим. 5, 20.

106 Притч. 5, 15.

Характерно, что святоотеческие книги об Иисусовой молитве теперь получили неожиданное распространение на Западе и становятся «модными» в мистически настроенных кругах. Однако Живой Христос пребывает только в Православной Церкви, действует в ее Таинствах и богослужениях, а в других конфессиях и сектах нет Христа, там только мертвые маски. Иисусова молитва в безблагодатном поле ереси перестает быть обращенной ко Христу. Ее читают, как мантры, ею медитируют по методике дзен-буддизма, и она превращается в бездушное сочетание слов, букв и слогов. Человеческая душа может преобразиться, уподобиться Христу только действием благодати. Иисусова молитва, вырванная из почвы Православия, превращается в лишенный жизни бумажный цветок. Иисусова молитва — это поток живой воды, который может течь только в русле Православной Церкви.

...идоложертвенное.

Древние апологеты писали, что испарение крови от языческих жертвенников и зловоние от оргий и вакханалий становились пищей, которой питались демоны, обитавшие в капищах. Блуд и разврат в тайных оккультных сектах Библия сравнивает с языческим жертвоприношением, а посещение языческих праздников — с развратом и блудом. Надо помнить, что христианам строго запрещено употреблять ритуальную пищу других конфессий и религий, так как это означает участие в их обрядах и культах. Также православным христианам запрещается молиться вместе с язычниками, еретиками-раскольниками, отступниками от Церкви, так как общая молитва — это общая духовная трапеза, выражение христианского единства.

Я дал ей время покаяться в любодеянии ее, но она не покаялась (Откр. 2, 21).

Хозяин поля оставил плевелы расти вместе с пшеницей, чтобы затем вырвать их с корнем и сжечь¹⁰⁷. Господь дает людям время осознать свои заблуждения и покаяться, чтобы они вернулись в Церковь; но прийти от ереси к вере так же трудно, как выбраться из топкого болота, когда трясина уже затягивает человека своими цепкими объятиями.

Вот, Я повергаю ее на одр и любодействующих с нею в великую скорбь, если не покаются в делах своих (Откр. 2, 22).

Наступает развязка: благодать уже не стучится в дверь души человека; она отходит от него неслышно и незримо, как дуновение ветра, и душа при жизни погружается в непроницаемый могильный мрак. Это предупреждение особенно касается тех, кто занимается религиями и учениями Индостана, пропитанными оккультизмом и магией, как губка водой или сандаловое дерево пахучей смолой. Сегодня эти демонические учения победоносно шествуют по всему миру, как некогда английские солдаты шагали победоносным маршем по дорогам Индии. Когда-то Европа добывала золото и алмазы на Востоке, высасывая кровь из его подземных вен, а теперь Восток взял реванш: он начал духовное завоевание Запада, и постхристианский мир, точно ослепнув, радуется своему рабству.

В древности магия и разврат вывели из недр земли потоки вод и превратили ее в дно океана, низвели огненный дождь на Содом и Гоморру, смели с лица земного хананейские племена, предали рабству и гибели народы Юкатана и обрекли на вырождение многие цивилизации. В настоящее время оккультизм настолько вошел в быт народа, что уже не кажется отступлением от Христа, а воспринимается лишь как «древняя мудрость Востока», как экзотическая духовность, призванная «дополнить собою» христианство. Приговор Апокалипсиса над магией и развратом похож на дамклов меч, который повис над миром, раскачиваясь на тончайшей нити.

В Откровении Дух Святой обличает три секты с ярко выраженным оккультно-органистическим характером: валаамитов, николаитов и иезавелиан.

Христианство росло и крепло не только в огне языческих гонений, как в бою со своими открытыми врагами, но и в борьбе с внутренними ненавистниками Христа, которые под видом эзотерического, духовного христианства, доступного только для

107 См.: Мф. 13, 30.

особых избранников, старались создать в самой Церкви Христовой тайную церковь сатаны.

Кто был Валаам? Почему ханаанские племена не могли остановить победоносного шествия израильтян в свою древнюю отчизну, Палестину, которая была дана в удел Симу, старшему сыну Ноя? Языческие племена, захватившие эту страну, предавались магии, демонопоклонению и разврату. Они залили землю Палестины кровью человеческих жертвоприношений, при этом закалывали и сжигали собственных детей. Это падение было настолько глубоким и необратимым, что Господь произнес над ними свой приговор: Ханаан должен быть уничтожен. Он, как труп, уже не мог ожить, а только отравлял своими грехами, как миазмами, окружавшие его народы. Ханаан был духовно мертв, и Иисус Навин должен был закопать в песках Палестины этот разлагающийся труп. И вот на сцене истории появляется загадочная личность, пророк Валаам, который подсказывает моавитскому царю Валаку, как избежать смертного приговора — отвести от себя меч, рукоять которого держит Ангел правосудия, как лишить израильтян помощи Божией и войско их сделать пугливым и беспомощным, подобно толпе женщин и детей. Он советует развратить ратников Израиля и сделать их через блуд с моавитянками мерзостью и скверной, отступниками худшими, чем Ханаан, в очах Божиих. Совет был исполнен: Дух Божий покинул Израиль, и он потерял свою силу, словно заблудившись в бескрайних песках пустыни.

История повторяется. Кажется, что совет Валаама услышан в наши дни. Разврат, как проказа, разъедает современный мир. В потоке этой грязи христиане теряют благодать, а вместе с ней прежнюю силу, крепость и дерзновение в молитве; их жизнь немногим отличается от нравов тех, кто не желает знать имени Христа.

Николай Антиохиец был диаконом, современником апостолов; он учил об общности имущества и общности жен. Его ученики называли себя николаитами. Они возвели блуд и разврат на степень священнодействия. Они учили, что блуд — это высшее проявление любви и что для духовной элиты, для посвященных, нет ни заповедей, ни законов, которые необходимы только для черни, как кнут и оковы для рабов. Эта гностическая секта породила тайные оргиастические союзы змеепоклонников и адамитов. Учение этой секты было воспринято оккультистами и сатанистами и является их тайной доктриной от апостольских времен до наших дней.

Эта подземная река, которая протекала через все Средневековье, теперь стала еще более полноводной, соединившись с буддийским тантризмом — потоком, обрушившимся на человечество, как воды с Гималайских гор в период таяния снегов. Если израильские воины предавались грубому разврату и ели идоложертвенную пищу из рук моавитянских блудниц, то николаиты совершали блуд и разврат как жертвоприношение сатане, как неведомому профанам «богу всеобщей любви». Во времена Валаама совершилось отступление Израиля от Бога через разврат. В секте николаитов совершалось нечто более отвратительное и ужасное — поклонение сатане под видом Христа. Это «смешение» Христа с люцифером — кредо многих оккультных сект, например иллюминатов, теософов, антропософов и розенкрейцеров.

Иезавель выдает себя за пророчицу, наподобие сивилл, но вещает людям не волю Божию, а темные внушения сатаны. Это попытка гностиков демонизировать Церковь, ввести в нее языческий оккультизм и поклоняться под одной кровлей Христу вместе с Ваалом. Ученики Иезавели в наше время — это различные сатанинские «духоносцы» и «провидцы», целители и чародеи, астрологи и экстрасенсы. Оккультизм вместе с развратом все больше отравляет своим ядом некогда христианские регионы. Он въедается, как ржавчина, в сознание и быт народов, считающих себя по традиции христианскими. Один из «стертых» видов отступника — это человек, который после молитвы читает астрологические прогнозы, то есть ищет совета у сатаны, затем часами сидит у телевизора, переживая и смакуя картины разврата и убийств, разворачивающиеся на голубом экране, и, напивав свою душу гноем, идет в воскресенье в храм (больше — по

привычке), где ему делается скучно и неудобно. Такая «уния», где с одной стороны христианство, а с другой — бытовая бесовщина, хуже откровенного неверия или даже явного отступничества от Христа.

Характерно, что наибольшим бедствиям подвергаются православные страны именно за измену Христу, постоянно совершающуюся в сердцах людей: кому больше дано, с того больше и спрашивается. Православные регионы точно обведены сегодня какой-то черной каймой, словно знаком бедствия. Это наказание за двоедушие христиан, и в то же время скорби — последний призыв Бога, обращенный к душе человека.

Во время гонений христиане, не выдержавшие пыток, отрекались от веры и уже больше не смели называть себя христианами. А у либеральных христиан, неверных, раскачивающихся, словно маятник, происходит постоянное отречение от Христа, постоянное распятие Его в своей душе, как на Голгофе, и это считается чем-то обыденным, привычным. Тот, кто не приобретет благодати, уйдет в вечность пустым; а тот, кто имел и потерял, будет наказан самой благодатью: она превратится в огонь, который будет вечно жечь его душу.

Сердце человека — место его встречи с Богом. Иисусова молитва — таинственное изображение лика Христа в душе, которое начертывает Дух Святой незримым светом, как художник — красками. Кто занимается Иисусовой молитвой, тот должен всеми силами хранить свое сердце, хранить все пять чувств, как пять окон души, чтобы через них не проникло в его внутреннюю горницу ничего скверного, грязного. Даже один нечистый образ прекращает действие Иисусовой молитвы; сердце, принявшее блудный помысл, закрывается для Иисуса. Смятение страстей отгоняет от души благодать Божию; если человек не решится мужественно защищать свой внутренний дом от духовных разбойников, то они разграбят его и превратят в свалку нечистот. Газеты с особой рубрикой для астрологических прогнозов, журналы, рекламирующие, точно товар, человеческое тело, телепередачи с эротикой — все это голоса Валаама, Иезавели и николаитов, перекликающиеся друг с другом.

Те, кто занимается Иисусовой молитвой и вместе с тем ищет помощи у магов и астрологов, обращаются к лжехристу — темному образу, которым они подменяют Бога. Поэтому, как сказано в псалме, *молитва его (точнее, их) да будет в грех*¹⁰⁸.

И детей ее поражу смертью, и уразумеют все церкви, что Я есмь испытующий сердца и внутренности; и воздам каждому из вас по делам вашим (Откр. 2, 23).

...детей ее поражу смертью...

«Христиане»-развратники, «христиане»-окультисты, то есть лжехристиане, — это дети Иезавели, вернее, дети жрицы-прорицательницы и дьявола: они не христиане, а присвоили это чуждое для них имя, как маску. Они будут терпеть наказание уже здесь, на земле, в апокалиптических бедствиях, а в вечности кара для них — потеря Бога, вторая смерть.

...Я есмь испытующий сердца и внутренности...

Единственное, что просит Бог у человека, — это его сердце. *Сын мой! отдай сердце твое мне*,¹⁰⁹ — говорит премудрый Соломон, а оно изъедено пороком, как жертва Каина. Последнее, полное испытание сердца совершится на Страшном суде: оно будет словно рассечено мечом всеведения Божия и открыто перед миром. Блажен тот, кто в сердце свое вписал имя Иисуса Христа.

...и воздам каждому из вас по делам вашим.

Бог хочет, чтобы христиане имели не только достойную цель, но и чистые средства для ее достижения. Через грех невозможно угодить Богу. *Лучше малое со справедливостью, нежели многое с неправдою*¹¹⁰. Все, построенное на лжи, сгорит, как солома, когда Господь придет, чтобы испытать сердца людей. Даже храмы, построенные на

108 Пс. 108, 7.

109 Притч. 23, 26.

110 Тов. 12, 8.

деньги нераскаявшихся грешников, рухнут и превратятся в груды развалин, как Иерусалимский храм во времена императора Тита¹¹¹.

*Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят,*¹¹² — сказал Христос. Увидеть Бога — значит быть с Богом, беседовать с Ним в своей душе. Развращенные сердцем теряют внутреннее боговидение, их духовные очи смыкаются, как в тяжелом сне; в будущей жизни они откроются, но уже для того, чтобы видеть перед собой царя ада — сатану. Источник всякого безбожия — гордость ума и развращенность сердца.

Вам же и прочим, находящимся в Фиатире, которые не держат сего учения и которые не знают так называемых глубин сатанинских, сказываю, что не наложу на вас иного бремени (Откр. 2, 24).

Тех людей, которые не были увлечены всемирной оргией блуда и разврата, которые сохранили себя от сатанинских глубин оккультизма, Господь сохранит от этого мира Своей благодатью, как Ноя в ковчеге во время потопа.

...только то, что имеете, держите, пока приду (Откр. 2, 25).

Держите только то Предание, которое дано вам и хранится в Церкви. В этом древнем и всегда живом Предании содержится все, что необходимо для спасения человека. Прибавить к нему — значит внести чужое, подобно тому как сыновья первосвященника Аарона внесли в алтарь чужой огонь и за это были поражены смертью¹¹³. Здесь обличаются все виды реформаторства и модернизма, которые вносят в учение Церкви свои человеческие заблуждения: под видом обновления Церкви марают ее копытю и сажей.

В Апокалипсисе содержится грозное предупреждение желающим сокращать и изменять текст Божественного Откровения. Оно относится к современным лжеучителям и еретикам, которые хотят христианство превратить в учение о земном царстве, где не будет Христа; договориться об унии с князем мира сего; превратить Церковь мучеников в церковь благополучия и комфорта; открыть в храмах танцевальные площадки и залы для рок-музыки, сделать то, что уже произошло на Западе. Здесь также обличаются реформаторы-гуманисты, внушающие христианам, что нет ада, нет вечных мук, нет возмездия, и проповедники-либералы, которые говорят с кафедр о том, что и без Христа можно спастись и неплохо пожить на земле.

Великий инквизитор Достоевского хочет освободить христиан от христианства (создать облегченное христианство) и изгнать Христа из Церкви. Новым инквизиторам необходимо изменить учение Церкви, извратить ее Предание, чтобы ввести в христианский храм своего мессию.

Догматические отступления начинаются с малого, как обвал в горах со снежного кома, который, скатываясь вниз, превращается в снежную лавину. Особенно теперь необходимо помнить заповедь Духа Святаго: «Держи, что имеешь» — храни, что получил. Как свое потерять, так и чужое привить одинаково губительно.

Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками (Откр. 2, 26).

Есть люди, которым не хватило терпения до конца в их подвиге и которые погибли самым жалким образом, как мореплаватель вблизи берега, как добравшийся до верхней ступени лестницы и сорвавшийся вниз, как впавший в уныние и отчаяние и возроптавший на Бога, когда уже готовился ему венец победы. Поэтому в духовной жизни первые могут оказаться последними, а последние — первыми.

...власть над язычниками...

Ложь, даже видимо побеждая, терпит поражение. Те, кто с Богом, всегда остаются победителями. Во время гонений побеждали не мучители христиан, а те, кто претерпевал

111 Тит (39–81) — римский император с 79 года, из династии Флавиев, сын Веспасиана. Во время иудейской войны захватил и разрушил Иерусалим (70).

112 Мф. 5, 8.

113 См.: Лев. 10, 1–2.

до конца пытки и принимал смерть за Христа, ибо такая смерть оборачивалась жизнью, а жизнь для отступников — смертью.

Здесь под язычниками подразумеваются также демоны, побежденные силою Креста и побеждаемые именем Иисуса в сердце христиан.

Символически власть над язычниками означает власть разума над помыслами и страстями. Это хранение сердца называется трезвением. Разум говорит мысли: «Приди», и она приходит, говорит: «Уйди», и она уходит; он говорит воле: «Затвори дверь», и воля, точно страж, стоит у порога во время молитвы.

...и будет пасти их жезлом железным; как сосуды глиняные, они сокрушатся, как и Я получил власть от Отца Моего (Откр. 2, 27).

Жезл железный — это Крест Иисуса Христа. Крестом спасаются народы. Крест язычникам, обратившимся к вере, откроет Небесное Царство. Крест, как жезл, отделит нераскаянных грешников от овец Христовых и пошлет их, как стадо свиней, утонувших в Геннисаретском море, в темное обиталище падших ангелов и демоноподобных душ.

...как сосуды глиняные они сокрушатся...

Здесь говорится о Страшном суде. Грешники станут подобны пустым глиняным сосудам, они не смогут устоять перед правдой Божией, которая обрушится на них, как удары жезла. Грешник теряет подобие и образ Божий в своей душе. От грешников в вечности останутся, как от дома после пожара, черепки, пепел и зола. На Страшном суде христиане будут судить мир: в свете их жизни обличится мерзость греха, в котором пребывал мир.

В символическом значении железный жезл — это Иисусова молитва, которая сокрушает в душе человека греховные прилоги и нечистые образы.

Под учением Валаама можно также подразумевать пристрастие к миру до забвения Бога, когда образы видимого заполняют разум человека и закрывают от него небо; когда земная красота настолько ослепляет сердце, что оно уже не способно видеть вечную небесную красоту.

Учение Иезавели — страстное и слепое влечение ко всему таинственному. Христианство — тайна, но эта тайна постепенно открывается через очищение сердца и через благодать Божию. А ложная мистика приводит к магизму. Демон ведет душу по бесконечным кругам ада, уверяя, что это — духовный мир.

Учение николаитов в символическом значении — это гнусные и бесстыдные образы греха или же сатанинский обман души, когда страсть представляется любовью духовной и, обольстив человека, топит его в болотной грязи.

...и дам ему звезду утреннюю (Откр. 2, 28).

Утренняя звезда, предвестница наступающего рассвета, самая яркая из всех звезд. Для древних народов утренняя звезда служила символом красоты и тайны. Утренняя звезда — это имя Иисуса Христа, которое превосходит своим сиянием другие звезды — имена Ангелов и святых. Имя Иисуса Христа предвещает утро вечности — воскресение мертвых. Господь через Свое имя открывается душе как высшая красота. Имя Иисуса Христа, как путеводная звезда, ведет человека по дорогам и тропам земного странствования на Восток — в Небесное Царство. Это имя делает само сердце человека подобным лучезарной звезде.

Часть 6

И Ангелу Сардийской церкви напиши: так говорит Имеющий семь духов Божиих и семь звезд: знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв (Откр. 3, 1).

...имеющий семь духов Божиих...

Это семь Архистратигов небесного воинства, которые символически означают Небесную Церковь, а также семь даров Духа Святаго.

...и семь звезд...

Это образ земной Церкви, в которой пребывает Церковь Небесная. Семь звезд означают семь Таинств Церкви, возможно, семь Вселенских соборов, на которых раскрыта догматическая полнота православного учения. Семь звезд означают также время истории земли — семь дней мироздания и миробытия; восьмым днем будет вечность.

...знаю твои дела...

От всеведения Господа никто не может укрыться. Он знает душу человека лучше, чем человек знает сам себя. Господь знает человеческие дела: из каких побуждений, желаний, стремлений, намерений сплетены они, как изнанка ковра.

...ты носишь имя, будто жив...

Ты получил жизнь в купели крещения и носишь имя христианина — причастника благодати.

...но ты мертв.

Мертв, потому что в душе твоей нет Христа. Это мертвое гностическое христианство, без Христа и благодати Духа Святого, хотели и хотят создать древние и новые теософы — объединители религий. Христианское учение имеет несколько аспектов: нравственный — евангельские заповеди, волевой — каноника, умозрительный — догматы; а мистический аспект — любовь души ко Христу и Бога к человеку; это таинственный лик Христа, который должен быть запечатлен, словно вырезанный на камне, в душе человека. Тайна христианства — это преображение человека по образу Иисуса Христа.

Теософы стараются низвести догматы до уровня региональных и исторических представлений, оторвать нравственность от мистики, как ветви дерева от ствола. Профанируя и уничтожая мистику и метафизику христианства, они остаются с нравственным минимализмом, который затем переходит в аморализм. Попытки модернистов представить Христа как некий космический универсум, подобный Адаму Кадмону¹¹⁴ у каббалистов¹¹⁵, — это тот же антропоморфический космизм, представляющий собой разновидность язычества. В гностическом христианстве без Христа, с бесчисленными зонами¹¹⁶ и элогимами¹¹⁷, можно укрываться от Самого Христа, подобно

114 В соответствии с учением каббалы, «Адам Кадмон — это духовный архетип мистического “организма”, первоначально происходящий от сокрытого Бога в акте творения. Человеческая душа, озаряющая человеческий организм и составляющая истинную его сущность, есть отражение Света Эйн Соф, которым пронизан Адам Кадмон и весь космический порядок, являющийся источником реальности и основой ее единства».

115 Каббала — средневековое мистическое учение с элементами магии и теургии, возникшее в среде евреев. Источниками каббалы являются трактаты мистического содержания, написанные в среде палестинских и вавилонских евреев в I–III веках по Рождестве Христовом. основополагающие идеи каббалы доктринально оформились позднее, в VI–VIII столетиях. Содержание каббалы многообразно и синкретично. В нее входит числовая мистика пифагорейцев, дуализм гностиков, некоторые идеи об эманации Божества, присущие неоплатонизму. В средневековой Европе каббала впитала в себя идеи манихеев и катаров, сформировавшись окончательно к XIII столетию. В этот период написано наиболее важное каббалистическое произведение «Сефер ха-зохар» («Книга сияния»), сокращенно Зохар, ставшее для каббалистов одной из священных книг иудаизма наряду с Библией и Талмудом. Одной из главных идей каббалы является положение, что высший и низший миры могут влиять друг на друга, и поэтому человек при помощи определенного магического действия, основанного на эзотерическом знании, может влиять на судьбу мироздания. На этом основывается практическая каббала, представляющая собой род магии, целью которой является воздействие на высшие миры с помощью особых молитв, словесных и буквенных формул и амулетов.

116 В некоторых гностических системах зонами (или ангельскими зонами) назывались миры, порожденные отпадением от первичной Полноты отдельных структурных элементов, имеющих то же название. Зоны находились в сложных взаимоотношениях, связанных с разной степенью их совершенства и противоречием между желанием вернуться к Первоисточнику бытия и необходимостью отдаляться от Него. Единственный существующий мир, в котором появлялся человек, космологические системы гностиков считали порождением одного из эонов, который носил разные имена: Иалдобаоф, Демург, Абракасас. Существование мирового зла гностики объяснили тем, что творящий эон был изначально злонамерен или не обладал достаточным совершенством, чтобы создать мир, в котором не было бы зла.

117 Элогим (Могущественный, Достойный почитания) в собственном своем значении — первое имя Божие, которое встречается в Ветхом Завете. У гностиков «элогимами» могли называться различные

тому как Адам бежал от Бога, пытаюсь спрятаться за густыми деревьями рая. Для многих современных христиан Христос становится не реальной, живой Личностью, а абстрактной идеей, которая превращается в гарант и страховку собственной комфортности.

Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти; ибо Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны пред Богом Моим (Откр. 3, 2).

Бодрствование — состояние, противоположное сну. Наблюдай за своей душой, как мать наблюдает за ребенком, следи, что происходит в глубинах твоего сердца, какие подземные источники питают его, какие потоки текут на дне его «пропастей» и «оврагов». Святой Дионисий Ареопагит пишет о двух движениях ума: от внешнего к себе и от себя — к Богу. Кто живет только во внешнем, тот остается без Бога.

...утверждай...

Себя и других — словом и примером жизни, а для этого стяжи благодать.

...прочее близкое к смерти...

Помни о смерти. Смерть неразлучна с человеком, как его тень; она повсюду следует за ним; никто не знает дня и часа, когда смерть захватит человека в свои костлявые объятия, из которых никто не сможет вырвать его, и вопьется в грудь своими железными зубами. Мы забываем об этой невидимке, как будто смерти не существует. А смерть рядом с нами; ее отделяет только пелена, тонкая, как шелковый полог. Нам кажется, что мы идем по дороге, вымощенной камнями, а на самом деле это хрупкий, весенний лед над поверхностью реки, ломающийся под ногами, так что каждый шаг может стать последним. Память о смерти отрезвляет человека, как холод ночи пьяного; она разрушает иллюзии и ставит его на перекрестке двух дорог, одна из которых ведет к небу, а другая — в бездну.

...чтобы дела твои были совершенны...

Истинное добро то, что совершается содействием благодати, что освящено именем Иисуса Христа. То, что сделано одними человеческими усилиями, будет разрушено. Даже египетские пирамиды, пережившие тысячелетия, стоят как надгробия в пустыне, будто обличение гордой мечты властителей мира о земном бессмертии; это памятники не бессмертия, а смерти. Совершенное дело то, которое Господь Сам творит через человека и которое Сам принимает от человека, как его дар.

Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя (Откр. 3, 3).

Вспомни тот день, когда ты принял в купели крещения благодать, которая наполнила светом твою душу и вознесла ее над землей, как на крыльях. Вспомни то время, когда ты умер для земного и родился в новую жизнь. Вспомни о таинственном погребении и воскресении из мертвых со Христом. Вспомни неизреченные глаголы Духа Святого, которые ты слышал в своем сердце, и то, как трепетала от них твоя душа. Вспомни радость твоей первой любви к Богу, когда уклонение умом от слов молитвы казалось тебе изменой Богу и блудодействием души — невесты Христа — с духом мира. Вспомни, как в огне этой любви исчезал, как бы сгорал для тебя видимый мир, а невидимое становилось твоим достоянием.

...храни и покайся...

Храни то, что было дано тебе и что имеешь. А если потерял, то ищи и возврати через покаяние и труды. Если дом твой разрушился, то не отчаивайся, а начни восстанавливать его из оставшихся кирпичей и камней.

Если же не будешь бодрствовать...

Мы теряем благодать, когда перестаем бодрствовать над сердцем, когда наш разум засыпает, как нерадивый страж у дверей дома, когда помыслы, как воры, входят внутрь сердца, опрокидывают светильник молитвы и оставляют душу темной и пустой.

...то Я найду на тебя, как тать...

Господь придет неожиданно, когда не ведает об этом человек; придет, окруженный, как Своими слугами, бедствиями и скорбями, или пошлет впереди Себя Ангела смерти.

...и ты не узнаешь, в который час найду на тебя.

Тот, кто отлагает со дня на день покаяние, часто наказывается внезапной смертью и лишается покаяния. Кто отгоняет от себя, как врага, память о смерти, тот встретится с ней неожиданно, как с барсом, притаившимся в камнях.

Впрочем у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих, и будут ходить со Мною в белых одеждах, ибо они достойны (Откр. 3, 4).

...не осквернили одежд своих...

Не осквернили — не забрызгали их кровью идольских жертв, не изодрали блудом и развратом, не запятнали черной гарью магии и оккультизма, а сохранили через молитву и покаяние благодать, полученную в крещении. Бог обещал Аврааму пощадить Содом ради десяти праведников, но их не нашлось в преступном городе: он был погребен в огненной могиле и его «надгробием» стало Мертвое море. Из-за немногих праведников Бог сохраняет целые народы и государства. Господь обещает сохранить Сардис ради нескольких человек, творящих Его волю.

...будут ходить со Мною...

Господь сказал: *Где Я, там и слуга Мой будет*¹¹⁸. Слово «ходить» имеет еще один смысл: это вечное приближение к Богу, это путь, похожий на восхождение ввысь, по которому душа следует за Христом, то есть мистически все больше уподобляется Ему. Это слово означает, что вечная жизнь будет не статичной, а динамичной.

...в белых одеждах...

Белизна — признак чистоты и святости. Праведники шли по дороге земной жизни, как по болотной трясине, но не запачкали своих одежд, так как едва касались земли: своими мыслями и желаниями они были на небе. Так в древности израильтяне, водимые Моисеем, прошли по дну моря, не замочив ног, как по песку пустыни.

...ибо они достойны.

Они были со Христом во время гонений и будут с Ним в Его Небесном Царстве.

Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его (Откр. 3, 5).

...белые одежды...

Это одеяния из света, в которые были облечены наши праотцы до грехопадения. После измены Богу Божественный свет, озарявший душу и тело Адама, исчез, как одеяние, сорванное с праотца демоном. В Царствии Небесном те, кто стяжал на земле благодать, облечутся в сверкающие одеяния света, подобные ризам Христа во время преображения на Фаворе.

...не изглажу имени его из книги жизни...

Здесь, на земле, приобретенную уже благодать можно снова потерять; а в Небесном Царствии Божественный свет не колеблется и не гаснет. Благодать, соединяясь с природой человека, становится навсегда основой и «сердцевиной» его личности. Земная жизнь христианина — время борьбы и испытаний, а после смерти открывается, кто он, — победитель или побежденный.

...из книги жизни...

Это Царствие Небесное, память Божия, богообщение, боговидение, богозрение. Из книги смерти, хранящейся в аду, по молитвам Церкви до Страшного суда могут быть стерты имена грешников, а в книге жизни имена святых непоколебимы, как звезды на небосклоне. Вечная жизнь — это вечное приближение к Источнику света. Здесь душа восходит на степень Ангелов, а Ангелы — к славе Херувимов.

Каждое состояние человека становится ступенью к иному, более высокому. В Царстве Небесном нет падения, а только непрерывный полет к Богу. В царстве сатаны

после Страшного суда нет надежды, нет возвращения, а только непрерывное падение в глубины ада, дном которого является сам сатана.

...исповедаю имя его пред Отцем Моим...

В древние времена царь, желая за особые заслуги отличить своего подданного, сажал его на свою колесницу, и глашатай громко объявлял, чтобы слышали жители столицы, имя этого человека и подвиг, который он совершил. Это считалось самой большой честью, которую мог оказать царь. На небесах Христос исповедает имя победителей в Царстве вечного света пред Своим Небесным Отцом.

...и пред Ангелами Его.

Ангелы радуются каждой спасенной душе. Небесная Церковь торжествует в подвигах святых победу над сатаной и адом.

Часть 7

И Ангелу Филадельфийской церкви напиши: так говорит Святой, Истинный, имеющий ключ Давидов, Который отворяет — и никто не затворит, затворяет — и никто не отворит (Откр. 3, 7).

...так говорит Святой...

Одно из имен Божиих — «Святой». Бог — источник святости; кто приобщился святости, тот имеет в себе Духа Божия. Почитая святых, мы почитаем Бога, избравшего, освятившего их и пребывающего в них, как в Своих нерукотворных храмах. *Воля Божия есть освящение ваше*¹¹⁹, — говорит апостол Павел; по мысли блаженного Августина, Бог создал мир ради Церкви, она должна освятить космос, и освященный космос — стать Церковью. Святость — это истинная жизнь: вне ее — распад и смерть. Святость — вечный свет; вне его — область непроницаемой тьмы, страна вечного мрака. Святость — единственная истинная мудрость, вне которой — обман, мрак и безумие.

...Истинный...

Бог открывается миру как Любовь и Истина, которые, пересекаясь друг с другом, образуют Крест. Крест — символ мироздания, опора космоса и связующее звено между землей и небом. Крест — это жертвенник, на котором был спасен мир. На Кресте распинается Сын Божий; сострадает крестным мучениям Сына Бог Отец; прославляет подвиг распятия Дух Святой.

Любовь низводит Сына Божия с небес на землю. Правда воздвигает Сыну Божию Крест на Голгофе как царский престол; правда в том, что грехи мира могут быть искуплены только Кровью Бога. Ради правды Бог как бы отказался от Своего могущества и воспринял человеческую немощь, чтобы победить сатану.

Истина — путь человека к Богу, любовь — путь Бога к человеку. Ложь, какой бы личиной она ни прикрывалась, какими бы высокими целями ни оправдывала себя, является падением для христианина и победой демона, который посредством лжи расширяет свое царство на земле. Нельзя приблизиться к Богу истины через ложь и грех — свойства диавола, ставшие его природой. В Псалтири говорится: *Ты погубишь говорящих ложь*¹²⁰. Все основанное на лжи вместе с ложью должно сгореть, как солома в огне, и исчезнуть. Здание, стоящее на гнилых подпорках, рано или поздно обрушится. В истине заключена непобедимая сила, которой страшится ложь, хотя бы она и сидела на цезарском троне. Истина привлекает милость Божию и дает в сердце человека место Духу Святому — Духу истины; она разрывает ложь, словно паутину. Правда избавляет человека от искушений и падений. Любовь без истины превращается в пристрастие и похоть, подобно тому как загнивает пруд без проточной воды. Ум может войти в сердце, только очистившись от лжи. Один из древних мудрецов сказал: «Даже змея, чтобы вползти в свою нору, должна выпрямиться». Последние христиане в окружающем их мире лжи будут узнавать друг друга по духу.

119 1 Фес. 4, 3.

120 Пс. 5, 7.

...имеющий ключ Давидов...

Ключ Давидов — это Голгофский Крест, который открыл для людей небо — потерянный и возвращенный рай. Господь имеет власть судить вселенную не только как Царь мира, Владыка небес, земли и преисподней, но и как Искупитель и Спаситель. Он отворяет врата рая и ада; Его приговор на Страшном суде будет окончательным и неизменным. Змей, искусивший праотцев в Едеме, уже не подыметесь ввысь к вратам рая, как дракон с сожженными крыльями.

...Который отворяет — и никто не затворит...

До пришествия Христа праведники сходили в ад, а теперь кающиеся грешники восходят на небо. Врата рая не могут затворить ни бесы, ни люди, ни скорби, ни несчастья, ни гонения: их затворяют только нераскаянные грехи самого человека, отвергшего Божию помощь и благодать. Двери сердца и врата рая соединяются друг с другом в Иисусовой молитве.

...затворяет — и никто не отворит.

Спасение одними трудами человека — без благодати — невозможно; но невозможно и спастись только одной благодатью, без соизволения и усилий самого человека. Без содействия благодати нельзя открыть двери собственного сердца для молитвы. Иисусова молитва вне поля Церкви не будет молитвой во имя Живого и истинного Иисуса Христа. В других конфессиях — искаженный и стертый лик Христа, поэтому вне Православия действие Иисусовой молитвы не может стать духовным, а тем более благодатным; оно будет лишь душевно-эмоциональным состоянием, происходящим от концентрации ума и ритмичного повторения слов.

Сын Божий открывается и познается в Духе Святом, поэтому для Иисусовой молитвы необходимо жить литургической и мистической жизнью Церкви, исповедовать ее догматы, освящаться ее Таинствами, очищать душу покаянием и принимать Святое Причастие, которое есть не только образ Христа, но и Сам Христос.

После Страшного суда произойдет окончательное, необратимое разделение добра и зла. Грех не имеет в себе основы для существования, его пленники вычеркнуты из бытия, и в то же время они бессмертны. В этом — метафизический ужас ада. Ад — это собрание всей скверны и мерзости, творимой на земле. Огненная геенна (в буквальном смысле) — огромная мусорная свалка в долине недалеко от Иерусалима, где день и ночь горели костры, на которых сжигали мусор и отбросы; над этим местом всегда клубилось облако зловонного дыма.

Грех обречен на вечное самопожирание. Грешник похож на змею, кусающую свое тело. В Апокалипсисе образ ада представлен в виде огненного озера, в которое будут брошены сатана и те, кто совершал его дела, для кого сатана стал отцом, а демоны — братьями. После Страшного суда тьма преисподней уже не озарится молитвами Церкви: врата рая и ада будут затворены. Бог будет пребывать в раю как Любовь, а в аду — как карающая сила. В аду грешник не сможет даже произнести имени Иисуса, его уста будут скованы ужасом.

...знаю твои дела; вот, Я отворил перед тобою дверь, и никто не может затворить ее; ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего (Откр. 3, 8).

...знаю твои дела...

Знаю не только соделанные, но и будущие; знаю твою жизнь от ее утра — рождения — до ее вечера — смерти. Еще не был сотворен мир и не были зажжены звезды на небе, как Я уже предвидел все твои дела и потому предопределил тебя ко спасению. Я отворил перед тобою дверь, дал тебе спасительную благодать, зная, что твоя душа примет ее и последует за ней, как за светильником в ночном пути.

...никто не может затворить ее...

Никакая внешняя сила не может похитить у тебя то сокровенное, о чем не ведает мир. Гонения могут лишить тебя имущества, земной отчизны, даже жизни — той

временной жизни, которая кончается могилой; но ни люди, ни демоны не могут отнять у тебя благодать, которая пребывает в человеке, как вторая душа в его душе.

...ты не много имеешь силы...

Для подвижника сила — это сознание своего человеческого бессилия и надежда на Бога. *Сила Божия совершается в немощи*¹²¹; а кто гордится своими талантами, богатством, мудростью, знанием, властью, родством, и даже прежними победами над грехом, тот неожиданно падет, как столп, воздвигнутый на песке.

...и сохранил слово Мое...

А слово Мое хранит тебя.

...и не отрекся имени Моего.

Не отрекся имени христианина во время гонений, а в мистическом значении — не оторвал свое сердце от имени Иисуса Христа, не обратил ум к проходящим теням этого мира.

Вот, Я сделаю, что из сатанинского сборища, из тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, но не суть таковы, а лгут,— вот, Я сделаю то, что они придут и поклонятся пред ногами твоими, и познают, что Я возлюбил тебя (Откр. 3, 9).

Слово «иудей» по этимологии своей означает «славный, прославленный, имеющий славу», а символически — людей, принадлежащих истинной Церкви, тех, кто стяжал благодать Божию. В мистическом смысле иудей — участник Божественного света, который у святых отцов является синонимом славы Божией. В Евангелии раскрывается также второе значение этого слова. Иуда променял славу Божию на славу земную: его богом стали деньги, и земная слава обратилась в вечную погибель.

Лжеиудеи — духовные дети Иуды, особенно те, что, притворяясь христианами, предают Церковь Христа. В житии преподобного Антония Великого написано, что когда к нему приходили незнакомые паломники, то он сначала высылал к ним ученика, а затем спрашивал у него, кто это, иудеи или египтяне. Если ученик отвечал: «Иудеи» (то есть проводящие духовную жизнь), то преподобный Антоний сам беседовал с ними, а если отвечал: «Египтяне» (то есть духовные невежды или еретики), то святой поручал одному из учеников поговорить с ними, накормить и поскорее отослать назад.

Тот, кто притворяется учеником Христа, а учит иначе, нежели Церковь, оболститель народа. Дух Святой называет лжеиудеев *сатанинским сборищем*. Некоторые толкователи видят в этих словах обличение синагоги, но нам их смысл представляется более широким.

Словами жгучими, как проклятие, поражаются древние гностики и каббалисты с их магией имен, современные теософы, а также церковные либералы с их объединительным лжеуниверсализмом — «спекулянты любви», которые на самом деле хотят построить новую вавилонскую башню — храм всех богов.

...поклонятся пред ногами твоими...

Ложь падает перед истиной, как разбитый истукан. Грехи, словно ночные птицы, боятся света. Грешники будут заключены в преисподней в недрах земли; но где бы ни был ад, он всегда под ногами святых. На Страшном суде обнаружится мерзость и гниль греха. Грешники будут посрамлены собственным безобразием; грех осудится через подвиг святых, поэтому грешники как бы падут под их ноги.

...и познают, что Я возлюбил тебя.

Бог возлюбил Свой образ в праведниках.

И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле (Откр. 3, 10).

...сохранил слово терпения Моего...

Сохранил, то есть не ослабевал в подвиге, по слову Христа: *Претерпевший же до конца спасется*¹²². Терпение и смирение — это две сестры, которые обнявшись идут,

121 Ср.: 2 Кор. 12, 9.

122 Мф. 10, 22.

поддерживая друг друга. Святые отцы сравнивали терпение с железом, а смирение с золотом.

...и Я сохраню тебя от години искушения...

Дам тебе силы и мужество исповедовать имя Мое перед владыками, царями и судьями в годину гонений и устоять в вере, а во время внутренних искушений, которые внезапно обуревают душу, подам руку, чтобы ты не пал.

...которая придет на всю вселенную...

Везде и всегда ученики Христа были и будут гонимы, унижаемы и ненавидимы. Гонения — черное пламя сатаны, которое то угасает, то разгорается с новой силой, то скрывается, как бы уходя под землю, то вырывается вновь на ее поверхность из глубин ада, как лава вулкана. В испытаниях раскрываются тайники человеческой души, как если бы она вывернулась наизнанку. В испытаниях очерчиваются контуры той границы, которая навеки разделит сынов света и сынов тьмы. Здесь говорится также о будущих глобальных гонениях, которые превратят землю в арену Колизея, где христиан бросали на растерзание диким зверям. Но Господь сохранит Своих избранных, как Ноя в ковчеге во время потопа, пошлет Ангелов, как к Лоту, чтобы вывести его из Содома.

Се, грядущи скоро; держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего (Откр. 3, 11).

...грядущи скоро...

Перед вечностью тысячелетия — мгновенье; для спасенных само время пережитых испытаний покажется кратким сном. *Грядущи скоро* означает, что все откровения уже даны людям, не будет новых пророчеств и иных заветов. *Скоро* напоминает человеку, что день и час его кончины — тайна, и призывает иметь память о смерти, неразлучную с душой, как молитва. Земное время — это приготовление к будущей жизни; оно проходит быстро и бесшумно, как полет птицы; человек легко забывает о своей смерти и о предстоящей встрече с Богом. Время — это ларец, который можно наполнить как сокровищами, так и прахом земным. Самая большая драгоценность, как алмазы среди самоцветов, — это имя Иисуса Христа, которое мы должны сочетать с мгновениями проходящего времени.

...держи, что имеешь...

Ты стяжал благодать и держишь чашу с небесным вином. Будь осторожен, не пролей его на землю, а сохрани для трапезы со Христом.

...дабы, кто не восхитил венца твоего.

Чтобы сатана не сорвал с тебя венца победителя. Многие подвижники пали уже при конце своей жизни; причиной этого была тайная неискорененная страсть, которая, точно змея под камнем, незаметно гнездилась в их душе. Этой змеей может стать тщеславие, которое, подобно огню, сжигая добрые дела человека, превращает их в пепел, а душу — в пустыню. Этой змеей может оказаться похоть, которая опьяняет человека, лишает его рассудка, усыпляет его совесть, и он в час смерти просыпается, словно после попойки, обобранный ворами, в собственных нечистотах. Этой страстью может стать непослушание, делающее сердце человека жестким, как камень, на котором не могут расти цветы смирения и молитвы.

Всякая страсть и грех начинаются с малого. Огромная кобра рождается малым червячком. Если человек вовремя не увидит змееныша, заползшего в душу, то потом ему придется сражаться с драконом. В духовной жизни нет ничего ничтожного: от тлеющего угля может вспыхнуть огонь, который испепелит внутреннее богатство человеческой души, как пожар в поле, на котором уже созрела пшеница.

Держи — значит бди, как страж, над своей душой и не верь собственному сердцу: как возможность покаяния, так и опасность падения равно сохраняются до последнего издыхания человека.

Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего, и имя Мое новое (Откр. 3, 12).

Храм Бога — Царство Небесное, где хоры Ангелов и святых немолчно воспевают своего Создателя. Столп указывает на постоянное пребывание спасенных в благодати Божией. Здесь, на земле,— время борьбы и испытаний, время падений и восстаний; здесь воля колеблется, как маятник, между добром и злом. В Царствии Небесном — вечный покой, праведники — как бы в деснице Божией.

...и напишу на нем имя Бога Моего...

Ветхий Завет знал имя Бога как Творца мира, Вождя ангельских воинств, Вседержителя, Благаго и Благословенного. В Новом Завете Бог открылся как Искупитель и Спаситель, как Жертва за грехи людей и Победитель ада. В Ветхом Завете имя Бога озаряло мир, как восходящая заря сумерки ночи; в Новом Завете оно освящает и животворит мир, как солнце, а в будущем веке преобразит вселенную Божественным светом. Небесный Иерусалим — Царство Божие, Царство вечной благодати. Он первообраз Фавора, на котором преобразился Господь. Он сходит с небес на землю и соединяет воедино Церковь Земную с Церковью Небесной. Земной Иерусалим остается сердцем космоса, а Небесный Иерусалим преображает землю и небо в духовное царство. В новый Едем уже не заползет древний змей, пораженный в главу Искупителем.

...и имя Мое новое.

Имя Иисуса Христа всегда новое, поскольку оно неисчерпаемо, как вселенная; оно прекрасно, как небосвод, усеянный огненными цветами звезд; оно сокровенно в своих глубинах, которые шире космоса. Его воспевают Ангелы, но оно остается тайной и для них. Его прославляют Серафимы, но не могут вместить Его света. Его восхваляют Херувимы, но и они не в силах познать до конца Его мудрость, как невозможно исчерпать неиссякающий источник. Состояние святых на земле, восхищенных Духом,— это только тень той славы, которая ожидает их в вечности. Иисусова молитва, творимая на земле бранными устами и нечистым умом человека, становится родником жизни в его сердце, а в Царстве Небесном превращается в огромную, многоводную реку, больше той, что омывала берега Едема.

Часть 8

И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия (Откр. 3, 14).

Слово «аминь» значит «истинно», «неизменно», «непреложно», «твердо», «непоколебимо». Слово «аминь» иногда употребляется в значении: «Да будет так». Но есть еще одно значение этого слова: правая рука. Аминь — это как бы клятва, которой клянется Бог и в знак верности протягивает Свою десницу. Один из святых говорил: «Когда человек произносит от сердца Иисусову молитву, то Бог на каждое прошение отвечает: “Аминь”».

...свидетель верный...

Христос засвидетельствовал истину Своей Кровью. Свидетелями называли мучеников, которые своей смертью свидетельствовали истинность Евангелия. Верующий в слова Господа не будет посрамлен. Здесь Христос свидетельствует Сам о Себе через чудеса, которые Он совершал, и через распятие, которое претерпел. Все сказанное Им сбывалось, сбывается и сбудется; Он — единственный Учитель, а выдававшие себя за спасителей мира и воплощенную истину оказывались лжецами и губителями людей. Апостолы и святители являлись учителями и наставниками в том смысле, что они продолжали проповедь Христа. Есть символическая картина: солнце и двенадцать лучей. Солнце — Христос, лучи — апостолы; они несут миру свет Христа. Луч, оторванный от источника света, гаснет и превращается в тьму.

...начало создания Божия.

Христос — ипостасное Слово Отца, Которое, как совершенный образ Бога и его творческая сила, равно Отцу. Бог Отец творит мир через Бога Сына в Боге Духе Святом. Сын Божий имеет Безначальное Начало в Отце и Сам является Началом всего сущего. Бог

Отец спасает падшее человечество через Сына в Духе Святом. Здесь одна воля и одно действие Святой Троицы. В Иисусовой молитве — отблеск Святой Троицы; слова «Сыне Божий» подразумевают бытие и действие Бога Отца, единосущного с Сыном; в слове «помилуй» указывается на Духа Святаго — Духа Освятителя, поскольку вне освящения невозможно помилование и спасение. Поэтому, обращаясь к Иисусу Христу, мы через Него призываем единое действие Святой Троицы.

...знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч!
(Откр. 3, 15).

...знаю твои дела...

Люди видят только внешнее, а Дух прозревает и внешнее, и внутреннее; для Него нет преград или расстояний. Он видит небо, землю и преисподнюю, как вовне — во вселенной, так и в сердце человека, являющегося одушевленной миниатюрой космоса. Он видит все как бы изнутри и в то же время пребывает вне всего и выше всего.

...ты ни холоден, ни горяч...

Теплохладность — это особый вид духовного отступничества, когда человек, внешне соблюдая постановления и обряды Церкви, одновременно остается чуждым Богу. Такой человек держит посты, творит милостыню, посещает храм и в то же время предается стихиям этого мира и не заботится об очищении ума своего от гордыни, а сердца от страстей. Теплохладность — это христианство без Живого Христа, это желание откупиться от Бога внешними делами, например исполнением определенных правил и ритуалов, пожертвованиями в пользу бедных и даже храмостроительством; это попытка примирить в сердце своем Христа с миром, ненавидящим Его; это уния между религией Христа и учением князя преисподней; это попытка создать комфортное христианство и сделать саму веру гарантом земного благополучия.

Слово «Лаодикия» в переводе означает «суд народа». Суд толпы не может отличить духовности от ее подделок, лица от маски, набожность от игры и даже алтарь от сцены. Этот мир убивал пророков и прославлял лжепророков. Этот мир любит тех, кто оправдывает его страсти, и ненавидит того, кто говорит правду перед его цезарями и владыками. Теплохладность — это постоянные компромиссы, постоянные соглашательства, это перманентное предательство Христа в своем сердце. Толпа любит внешний эффект: любит торжественные представления, парадные выходы, помпу, триумфы и юбилеи; она легко бросается на зов лжемессий.

Лаодикия была одним из богатых городов Малой Азии, и предстоятель Лаодикийской церкви мог равняться с князьями. Тот, кто хочет сделаться кумиром толпы, становится ее рабом и пленником. Он должен лгать, притворяться, постоянно играть, надевать на себя маску то благодетеля, то друга народа, то хранителя нравов или обличителя тирании. Как ветряные мельницы используют силу ветра, так эти люди должны постоянно учитывать настроение толпы. Эти артисты довольны собой — своей игрой, своим лукавством, которое называют мудростью. Они покупают славу у людей и сами принимают ее от них как должное. Тщеславие, оставленное расти в сердце, словно сорняк, претворяется в гордость — начало, совокупность и в то же время конец всех грехов. Такие люди кончают тем, что сами начинают верить в свою избранность и высокие достоинства. В этом гибельном состоянии теплохладности и самообмана они как бы застывают на всю жизнь.

...о, если бы ты был холоден, или горяч!

Холодность — это духовное невежество, отчужденность от Бога, незнание Бога и даже вражда против Него, но она легче переходит в веру, чем теплохладность. На Кресте покаялся разбойник, а не фарисей. Тот, кто холоден, может почувствовать и понять тяжесть своего состояния и потянуться к Богу, как замерзающий в зимнюю стужу — к огню. А теплохладный ничего не ищет, он доволен собой; он считает себя «сознательным» христианином без фанатизма. Во время молитвы он, подобно фарисею, вспоминает свои заслуги и перечисляет их в уме пред Богом.

Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих (Откр. 3, 16).

Извергну, то есть выплюну, как слюну, на землю. Христианин во время крещения плюновением показывает свое презрение к сатане и отрекается от него. То, что выплунуто, не может снова войти в уста. Поэтому плевок — знак отвержения. Теплохладные обычно отличаются равнодушием и безразличием к учению Церкви и вопросам веры. У теплохладного человека притуплена духовная интуиция, он внутренне не может отличить ложь от правды, как определяют пищу на вкус. Догматическая чистота его не интересует, ереси его не волнуют, его сердце не устремлено к будущей жизни, и он мало думает о ней. Для него религия — это земное благополучие, элементами которого являются нравственность и эстетизм. Такой человек, даже будучи сам безнравственным, внешне поддерживает нравственность, считая, что без нее не могут существовать ни Церковь, ни семья, ни государство. Совесть его мало тревожит; люди таких, как он, редко порицают; он может заниматься благотворительной деятельностью, строить и украшать храмы и в то же время самое главное — свое сердце — скрывать от Бога, подобно тому как раб в притче зарыл полученный талант в землю¹²³.

Теплохладность стала свойством многих христиан. Они умерщвляют свое сердце страстями, с которыми не желают бороться, оправдываясь тем, что это их личное дело, не причиняющее никому вреда. Их душа пропитана, как губка влагой, зловонием гнусных образов и картин греха, с которыми они не могут расстаться, как пойманная рыба с крючком. Они развращены душой, но не понимают этого; более того, они считают, что такая жизнь «соответствует эталону современного человека», и хотят быть или казаться «на уровне» современной цивилизации и культуры, а что это за «культура» и куда она ведет — это их мало интересует. Они участвуют в церковных таинствах скорее по традиции, исповедуются, не имея решимости переменить свою жизнь, причащаются, не задумываясь о том, что принимают огонь, который оживотворяет кающихся и опалает гордых и самодовольных. Христианство становится для них религией не духа, а плоти.

Теплохладность была свойством древних фарисеев — этих «артистов веры»; еще отвратительнее она в христианском мире. Господь сказал: *Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!*¹²⁴. Но сырые дрова не воспламеняются, а только тлеют и дымят.

В послании к Лаодикийской церкви Дух Святой обличает внешних христиан с их самодовольством и духовной пустотой. Сатана искушал Господа, предлагая Ему превратить камни в хлебы, броситься вниз с крыла храма, чтобы привлечь людей к Себе через чудо и осуществить идею царства всеобщего благоденствия посредством земной власти и силы¹²⁵. Первое искушение сатаны повторили коммунисты; второе — оккультисты; третье — хилиасты¹²⁶ с их ожиданием новых мессий.

Современные теплохладные христиане стремятся к сытости и комфортности; их заветная мечта — из камней делать хлеб, и они надеются, что это когда-нибудь осуществят наука и прогресс. Они ищут в религии поразительные феномены, которые не делают человеческую душу лучше, а только поражают воображение, как фокусы йогов и факиров. Они хотят иметь гарантию своего благополучия в законах и общественных структурах, забывая, что корни добра и зла находятся в человеческом сердце. Дух Святой обличает религиозный минимализм теплохладных христиан с их постоянным разрывом между верой и жизнью, разрывом, который тщательно скрывается под «косметикой» внешней добропорядочности.

Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг (Откр. 3, 17).

...ты говоришь...

123 См.: Мф. 25, 18.

124 Лк. 12, 49.

125 См.: Мф. 4, 3–10.

126 Хилиазм — осужденное Церковью учение о наступлении на земле чувственного тысячелетнего царства Христова.

То есть ты думаешь, ты считаешь.

«...я богат...»

Это кичливая самоуспокоенность теплохладных христиан, которые считают, что они богаты мирскими знаниями, деньгами и имуществом, своим положением в миру, богаты различными талантами, красноречием, умением управлять толпой, богаты хитростью и изворотливостью, внешними делами, имитирующими добро, но имеющими гнилую сердцевину, добро, на деле пропитанное духом тщеславия и сделанное по расчету. Они богаты артистическим даром, а иногда сильной, но дурно направленной волей, которая стремится поработить людей и достояние Божие превратить в свою собственность.

«...разбогател...»

Обогатился дарами этого мира, тем, что предлагают наука и культура; разбогател умением превращать людей в золотоносную жилу для своего обогащения. Разбогател на наивности людей, разбогател благодаря тем победам, которые одерживаются посредством лжи и беспринципности, посредством той неразборчивости в средствах, которая обеспечивает преимущество в борьбе. Любимые занятия таких деятелей — плести паутину интриг, которую они постоянно тянут, как пауки из собственного брюшка. Под словом *«разбогател»* можно подразумевать также некоторые душевные добродетели, которые являются суррогатом духовного.

«...и ни в чем не имею нужды...»

Такой человек думает, что он все предвидит, все предусмотрел, что он защищен, как если бы находился в крепости. Так думали жители Вавилона, стены которого казались им неприступными. Однако человек похож на путника в лесу, где за каждым деревом и кустом таится опасность. На земле все меняется: друзья неожиданно превращаются во врагов, самые близкие люди могут покинуть человека в несчастье, богатый — стать нищим, а болезнь — скосить юношу, повергнув его на смертный одр, как сильное и стройное дерево валят мощными ударами топора.

Тот, кто говорит: «Я не нуждаюсь ни в чем», забывает о смерти, которая нуждается в нем. Земные богачи спасение находят в том, что забывают о времени, которое поедает их жизнь, как пламя пожара — здание; забывают о смерти, которая превратит тело человека в прах; забывают о Страшном суде, который по самоуверенной беспечности их не страшит.

...а не знаешь, что ты несчастен...

Человек, не стяжавший благодать, душу которого кусают страсти, как змеи, не может быть счастливым.

...и жалок...

Он жалок в глазах Божиих. Он цепляется за то, чему должно исчезнуть, живет словно в царстве призраков, напоминая человека, который безмятежно спит в мягкой постели, хотя языки огня уже охватили стены его дома.

...и нищ...

Тот, кто не стяжал благодать, нищ, хотя бы и владел несметными богатствами, потому что все земное течет, как вода: или богатство оставляет человека, или человек оставляет его в час смерти. Тот, кто не стяжал благодать, останется нищим и бездомным в вечности.

...и слеп...

Внутреннее око человека — его сердце. Если оно ослеплено, как больные глаза бельмом, то человек не может отличить духовную истину от духовной лжи и блуждает во тьме, точно путник, потерявший ночью дорогу.

...и наг.

Одежда души — благодать; страсти — нагота души, подобная наготы тела, которую увидел Адам после грехопадения¹²⁷. Эта нагота проявляется на земле в стремлении к нечистоте, в циничном отношении к людям и к самому себе, в потере стыда, в тяготении к тому, что разжигает похоть плоти. Нагота — это диавольская «одежда» страстей и греха, в которую кутается, словно в грязный хитон, несчастная душа.

127 См.: Быт. 3, 7.

Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазную мазью помажь глаза твои, чтобы видеть (Откр. 3, 18).

Советую тебе купить у Меня золото...

Золото — это молитва, которую святые отцы называют царицей добродетелей. Иисусову молитву можно назвать по аналогии с Песнью песней «молитвой молитв».

...огнем очищенное...

Это очищение — внутренний подвиг напряженного внимания в молитве и внешние скорби, которые разбивают камень сердца, как удары молота.

...чтобы тебе обогатиться...

Молитва — спутница всех добродетелей и дверь в духовную сокровищницу.

...и белую одежду, чтобы одеться...

Покаяние возвращает человеку потерянную чистоту, слезы раскаяния святые отцы называли вторым крещением.

...чтобы не видна была срамота наготы твоей...

Чтобы не открылись на Страшном суде твои постыдные грехи перед всем миром в их мерзости и срамоте.

...и глазную мазью помажь глаза твои, чтобы видеть.

Это очищение сердца через подвиг бдения и трезвения. Когда из сердца изгоняются страсти, то оно начинает видеть духовный свет.

Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак будь ревностен и покайся (Откр. 3, 19).

Господь обличает тех, в ком еще осталась возможность покаяния, в ком до конца не умерщвлена совесть, кто не перешел ту черту, за которой уже невозможно обращение. Здесь Господь, обличая, утешает тем, что в самом обличении и наказании уже заключена возможность спасения и, значит, любовь Божия.

Итак будь ревностен...

Ищи того, что ты не имеешь, — дух ревности: его как раз не хватает теплохладным христианам. Ревность — это огонь, без которого не может ожить человеческое сердце. Ревность проявляется в том, что человек, услышав зов благодати, немедля приступает к делу спасения, а не обманывает себя тем, что он сначала закончит мирские дела, а затем примется за спасение своей души.

...и покайся.

Покайся в своей холодности, покайся в своем двуличии, покайся в том, что само покаяние ты отлагал до конца жизни.

Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною (Откр. 3, 20).

Дверь — человеческое сердце. Господь стучится в него через призыв благодати. Человек может принять благодать или отвергнуть: услышав ее голос, запереть свое сердце на внутренний замок или, наоборот, открыть дверь для Христа, Который приходит к нему не как Владыка мира, а как смиренный Странник, не как всемогущая Сила, а как Любовь.

...и буду вечерять с ним, и он со Мною.

Господь радуется о спасении души человека, а душа познает в этой встрече, что единственная истинная радость — всегда быть вместе с Господом. Таинственная трапеза — любовь Бога к человеку и человека к Богу. Господь приходит в сердце человека в одежде странника, а затем открывается ему как Спаситель, Искупитель и Царь мира.

Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцем Моим на престоле Его (Откр. 3, 21).

Побеждающий тот, кто остается до конца жизни верным Христу.

...дам сесть со Мною на престоле Моем...

Господь говорит в Гефсиманской молитве: *И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино*¹²⁸. Престол Божий — благодать Духа Святаго. Сидеть на престоле рядом со Христом — это быть в Духе Святом и созерцать свет Святой Троицы.

...как и Я победил...

Через победу Христа над адом спасено человечество. В победе святых — победа Христа.

...и сел с Отцем Моим на престоле Его.

Христос, приняв в Свою Ипостась природу человека, вознес ее к пребыванию одесную Бога Отца. Ангелы удивляются той чести, которой Христос в Своем вознесении на небо удостоил человечество.

Часть 9

* * *

Апокалипсис начинается и завершается именем Иисуса Христа, которое многократно повторяется в этой пророческой книге Нового Завета. В семи посланиях к семи Церквям имя Иисуса Христа вербально не присутствует, его нет, и в то же время оно есть, как будто ушло с полей страниц в сокровенные глубины Апокалипсиса. Его не видно в посланиях, но оно как бы изнутри озаряет их своим небесным светом; его не слышно в словах Духа, обращенных к семи церквям, но оно звучит в громах, которые прогремели над Патмосом и до сих пор сотрясают землю. Это имя сокрыто, как жемчуг на дне моря, но оно своим благоуханием пропитывает листы посланий, словно пролитое на них драгоценное миро. В посланиях мы встречаем ряд Божественных имен — великих и дивных, но ключ к ним — имя Иисуса Христа. Иисус — Господь, держащий в Своей деснице небо и землю, Безначальное Начало и Бесконечный Конец всего сущего. Он — Бог Святой и Истинный, Спаситель и Искупитель, имеющий власть над адом и раем. Он — Царь и Судия вселенной. Он — Странник, смиренно стучащий в дверь, и Владыка Небесных сил. Он — недремлющее Око, проникающее сердца людей. Он — Жертва за человеческие грехи. Он — Любовь, Которая отдает Саму Себя. Начало Библии — потерянный Едем, конец ее — возвращенный рай.

В Апокалипсисе — поразительные картины будущих бедствий мира. Кажется, что его страницы написаны кровью и огнем и покрыты пеплом космических пожаров. Но в то же время Апокалипсис — самая радостная книга из всех книг: она дышит надеждой, она светится Божественной любовью; ее завершение — Небесный Иерусалим, сходящий на землю.

Катастрофы и бедствия, от которых колеблется земля и содрогается небо, воспринимаются праведниками как преддверие неизреченной радости. Скорби и наказания временны, а радость бесконечна. Поэтому заключительный аккорд Апокалипсиса, эхо которого звучит в человеческом сердце: *Ей, гряди, Господи Иисусе*¹²⁹.

На псалмы

Псалом 51

Что хвалишия во злобе, сильне? (3).

Здесь мужественный дух человека, укрепленный молитвой, обличает демона — духа лукавого. Святые отцы говорили: «Когда к тебе приходит неизвестный помысл, словно выплывший из тьмы, то спроси его со всей твердостью и решимостью воли: *Наши ли ты, или от супостат наших?*¹³⁰», и от прямого вопроса помысл не сможет укрыться и спрятаться, как извивающаяся змея, а ответит, кто он и кем послан.

Здесь душа обличает демона вопросом: *что хвалишия?* Хвалиться — значит торжествовать победу, еще не будучи победителем. Хотя бы демон захватил человека,

128 Ин. 17, 22.

129 Откр. 22, 20.

130 Ср.: Нав. 5, 13.

словно борец своего противника, опутал его сетями греха, хотя бы тысячекратно обманывал и обольщал его горькой сладостью порока, но пока в сердце человека есть покаяние, пока собственная совесть не предала его, демон все еще не победитель.

Благодать поднимает поверженного с земли, точно раненого воина, она разрывает демонские сети, как паутину. Демон может хвалиться только тогда, когда человек, сознательно отказавшись от покаяния, отдает свой последний вздох ему. Чем хвалиться сатане? Тем, что он восстал против Бога и так лишил себя истинной жизни? Хвалиться своей собственной смертью, подобно тому как некоторые самоубийцы высоко поднимали кубок с ядом, будто некий трофей?

Чем хвалишься, сатана? Своей собственной ложью, тем, что своей змеиной лестью прельщал людей, что соблазнял их картинами греха, завлекая, как болотными огоньками, в трясины? Что разжег пламя ада, в котором будешь вечно гореть сам? Чем хвалишься? Злостью, которой кипишь ты, наполнив землю потоками крови и слез? Твоя прежняя любовь к Богу сменилась бессильной ненавистью, твое дыхание стало смертоносным злом. Словно мертвой водой, текущей из ада, отравляешь ты злобой сердца людей. Этим ты хвалишься, сатана?

Ты *сильный* не своей силой, а нашей немощью. Молитва духовно сильных опалает тебя, точно огнем. Ты боишься молитвенников, как зверь — пылающего факела. Сильный не лжет: он сокрушает противника своей силой, а ты поражаешь ложью. Хотя ты и царь, но царствуешь над грешниками в аду. Так в чем же твоя слава? Если ты *сильный*, то почему так долго и бесчестно борешься со мной, бессильным, ничтожным червем? Разве это не посрамление твоей силы?

Беззаконие весь день.

Демон с утра до ночи строит ковы, и самой ночи как успокоения для него нет. Собственная злоба, кипящая в нем, не дает ему ни отдыха, ни покоя. Ненависть к образу Божию в человеке — единственное чувство, которое движет демоном. Помни, душа моя, что демон никогда не спит, но непрестанно следит за тобой, обдумывая, как бы тебя усыпить и пленить твоими же страстями. Как полководец разрабатывает план сражения, так он составляет каждый день свои планы, как поразить и погубить тебя, как отвлечь от Бога, как лишить памяти о смерти, как крепче привязать тебя к круговороту земных забот, как подкупить ценой наслаждения, словно Иуду тридцатью сребрениками, как настроить против тебя твоих друзей и близких, чтобы ввергнуть в уныние; как сокрушить неожиданными скорбями, чтобы потопить в пучине отчаяния.

Помни: в тот день, когда ты забываешь о вечности и о кознях демона, он ни на минуту не забывает о тебе. Когда ты дремлешь не только на постели, но и наяву, предавшись мирским утехам, он не спит и не дремлет, а бдит над твоей душой, подобно охотнику, притаившемуся у тропы, которой олени идут на водопой.

Неправду умысли язык твой... (4).

Какую неправду? — Что жизнь на земле вечна, что в грехе душа получит наслаждение и радость. В его лжи — оправдание наших страстей и примирение с похотями нашей плоти, его ложь сладка миру, который живет по своим обычаям, далеким от закона Евангелия. Но больше всего он обольщает нас через нашу гордыню. Демон не может говорить правду. Он лжет правдоподобно, чтобы, усыпив человека, с большей легкостью обмануть его. Так враг притворяется другом, чтобы, подведя человека к обрыву, внезапно столкнуть его вниз. Поэтому святые отцы говорят: не верь демону, когда кажется, что он говорит правду; эта «правда» — черная ложь. Душа моя, когда ты лжешь, то подражаешь демону — *отцу лжи*¹³¹; а подражая, уподобляешься ему. Поэтому пусть языком твоим движет правда, пусть слово твое соответствует мысли, а дело — слову. «Добрая» ложь — это яд, смешанный с медом. Истинное добро никогда не может иметь ложь своим союзником.

Если мы встанем на путь лжи, то непременно будем побеждены демоном: он самый искусный ее стратег; ложь — область его владычества. Дьявола невозможно победить его же оружием, поэтому пусть взор твой смотрит прямо, пусть язык твой говорит правду. Если будешь говорить правду, то демон не найдет в тебе своего. Если будешь говорить правду, то негодяи и лживые друзья убегут от тебя. Как мухи облепляют падаль, так темные духи и подлые люди — тех, кто лжет. Если человек с помощью лжи и добьется чего-либо, то все равно эта ложь будет слабым, ржавым звеном в цепи, которая из-за этого непременно порвется в самый неподходящий момент.

...яко бритву изощрену сотворил еси леств.

Псалмопевец сравнивает язык с отточенной бритвой. Дьявол постоянно изучает человека и затем наносит удары, словно тонким, отточенным лезвием, которое глубоко проникает внутрь, не оставляя следа на поверхности. Из раны, нанесенной таким оружием, выступает лишь несколько капелек крови, хотя бы оно и достигло самого сердца. Здесь прежде всего имеется в виду клевета: демон — клеветник, ибо клеветает на Бога, поражая душу неверием; он клеветает на наших ближних, разрушая нашу любовь друг к другу. Он клеветает на нас самих через людей, ожесточая наше сердце и наполняя ум недобрыми помыслами.

Возлюбил еси злобу паче благостыни, неправду, неже глаголати правду (5).

Дьявол не просто творит зло: он возлюбил его всей силой падшего ангельского естества. Это зло дает ему неутомимую энергию и силу. «Дьявол более заботится о моей гибели, нежели я — о своем спасении»,— сказал один преподобный. Демон любит зло больше, чем мы любим добро. Поэтому зло так часто побеждает в нас. Дьявол возлюбил зло больше своего прежнего величия, тьму — больше света, *неправду*, то есть извращенный, кривой путь, больше, чем *правду*. Когда-то, будучи светлым Ангелом, он не устоял в правде, а в неправде стоит теперь крепко, как бы непоколебимо. Он внушает нам неправду через наши страсти, он обольщает нас через нашу гордость.

Высшая правда — это Бог. Высшая истина из всего, что может сказать человек посредством слова,— это имя Бога, Бога истины; имени Бога страшится дух тьмы и потому так стремится отвлечь дух человека от Иисусовой молитвы.

Возлюбил еси вся глаголы потопняя, язык льстив (6).

Дьявол хочет разъединить ум с сердцем, обратить его ко внешнему, потопить в потоке житейских впечатлений и в бушующем вихре помыслов. Язык дьявола коварен. Высшему добру он часто противопоставляет добро житейское, суетное, бытовое, как якобы более необходимое. Через это материальное, приземленное добро он хочет «вернуть» человека в мир, погасить в нем огонь молитвы, которая опаляет его, демона, хочет вовлечь в многомыслие и многоделание, выкрасть имя Христа из храма сердца.

Сего ради Бог разрушит тя до конца... (7).

Дьявол уже поражен на Голгофе, но окончательное уничтожение его произойдет после Страшного Суда.

...восторгнет тя...

Восторгнет, то есть исторгнет, вырвет, как сорняк; и теперь мы должны вырывать греховные помыслы, как дьявольские плевелы, из своего сердца.

...и преселит тя от селения твоего...

Первое изгнание демона — из рая, а второе, будущее,— из преображенного космоса.

...и корень твой от земли живых.

Корень демона, которым он держится,— это наши грехи. Страшный суд навсегда навеки произведет разделение между добром и злом. В *земле живых* — в Царствии Небесном — уже не будет испытаний и искушений. Под *землей живых* можно также понимать сердце человека, когда он вырвет из него греховные помыслы, точно прорастающие семена, и греховные привычки, точно сорняки, укрепившиеся корнями. Обратная сторона любви к Богу — это ненависть к греху и сатане.

Узрят праведнии и убоятся, и о нем возмзуются... (8).

Праведники видят будущую гибель сатаны уже ныне через пророчества и откровения и трепещут, страшась стать его добычей, чтобы не увлек он их за собой в царство тьмы и вечной смерти. *Возмехнутся* и возрадутся праведники после Страшного суда, потому что освободятся от мерзкого змея-тирана, потому что грех с его низостью и безобразием навеки будет удален от их очей. Они увидят, что сатана, насмехавшийся над миром, оказался бессилен перед уповающим на Бога человеком и сделался сам посмешищем. И здесь смех — это радость праведников о своем спасении, о том, что тень адского чудовища — дьявола — уже не будет сопровождать их. Еще в земной жизни, преодолев искушение, праведники видели бессилие и немощь сатаны, но тогда их смех был радостью сердца после победы над искушением.

...и рекут...

Рекут, то есть засвидетельствуют. Праведники свидетельствуют своей жизнью, свидетельствуют благодатью, которая обитает в их сердцах, что *сильный во злобе* оказался бессильным, что древний змей обречен на поражение, что этот дракон, увлекший за собой с неба *третью часть звезд*¹³², благодатью превращен в червя.

Иисусова молитва — это одновременно и прославление Бога, и плач покаяния, и гимн победы над пораженным денницей.

...се, человек, иже не положи Бога помощника себе... (9).

Демон является в образе человека. Искушая людей, он говорит на человеческом языке. В притчах демон нередко сравнивается со злым и лукавым человеком. Он не поставил Бога помощником себе. Бог перестал быть для него источником жизни¹³³, свет благодати Божией померк в нем. Для него Бог не помощник, а враг; он черпает свои силы в ненависти к Богу. Сатана сам захотел стать равным Богу. Он отверг Его милость и помощь и теперь, как ослепленный лев, бросается из стороны в сторону, ища во мраке свою добычу — во мраке собственной богооставленности и во мраке человеческого сердца, в котором погас свет молитвы.

...но упова на множество богатства своего...

Дьявол уповал на свою ангельскую силу и красоту, на величие и славу, которыми прежде наделил его Бог, уповал, как на достояние, вечно принадлежащее ему, и потому пал, обратившись в духа тьмы.

...и возможе суетою своею.

Суета — это пустота. Царство ада — это великая пустота. Жизнь демона, как непрестанная борьба с Богом, борьба, обреченная на поражение, — безумие. Обольщение человека страстями сердца и ложью, фантазиями ума — бессмысленная пустота. Демон пуст, как огромное прогнившее дерево, от которого осталась только кора. Когда человек живет во внешнем, когда он отдается страстям или пребывает в самообмане, то жизнь его теряет смысл, она становится пустой внутри. Ум, потерявший Бога, постепенно захватывается суетой, она становится его родной стихией. И тогда вне суеты дел и мыслей человек представить себя уже не может.

Далее псалмопевец говорит:

Аз же яко маслина плодовита в дому Божию... (10).

Душа расцветает, когда благодать касается ее. Из плодов маслин делали елей, который зажигали в лампадах и светильниках в храме. Но светильник — это и образ сердца с горящим в нем огнем молитвы.

...уповах на милость Божию во век и в век века.

132 Ср.: Откр. 12, 4. Здесь под *звездами*, согласно святоотеческим толкованиям, нужно понимать светлых некогда духов, увлеченных денницей-сатаной к отпадению от Бога.

133 Эти слова не должно принимать в прямом смысле. Все существующее как в видимом, так и в невидимом, умопостигаемом мире приведено в бытие Богом, и Им же это бытие поддерживается и сохраняется. Следовательно, для всякой твари Бог, несомненно, является единственным источником бытия. Поэтому здесь автор говорит не о неком «автономном», независимом от Бога бытии сатаны, но о том, что сатана по своей ненависти к Творцу отвергается от Него, все дальше и дальше удаляясь от Жизни и Любви, и потому уделом своим имеет смерть и вечную муку.

Грех преходящ, а милость Божия пребывает вовеки. Иисусова молитва превращается в свет, озаряющий вечную жизнь. *Уповал* — значит надеялся; надежда исполнилась. Здесь говорится о богообщении, которое начинается на земле и продолжается в вечности.

Исповемся Тебе в век... (11).

Буду славить Тебя вовеки. Молитва — это песнь души, вечное стремление образа к своему Первообразу, вечное преображение человека по подобию Божию. *Исповедать* — здесь значит быть в таинственном хоре вместе с Ангелами и святыми.

...яко сотворил еси...

Мое спасение совершила благодать Твоя. Мое спасение — Твоя победа.

...и терплю имя Твое...

Иисусова молитва требует труда и терпения. Наше сердце подобно твердой каменной почве. Сколько надо труда, чтобы из его недр извлечь на поверхность сокрытое в нем сокровище!

Господь предупреждает нас, что для Иисусовой молитвы необходимо терпение. Могут пройти месяцы и годы упорного труда над Иисусовой молитвой, а вернее, над собственным сердцем. Это время испытания. Человеку кажется порой, что Господь не слышит его, что сам небесный свод над его головой выкован из меди и слова молитвы бессильно возвращаются на землю. Ему кажется, что его молитва похожа на крики и стоны узника, брошенного в подземелье: теряется счет времени, а весь мир как будто забыл о нем, даже эхо не отвечает мольбам несчастного; каменные стены сжали его со всех сторон. Однако это не только время испытания воли: Иисусова молитва постепенно преобразует те глубины человеческого сердца, которые недоступны для нашего сознания. С каждым повторением ее душа человека в чем-то становится иной. Но от человека это сокрыто: стоящий на берегу не видит, что происходит на дне моря. Иисусова молитва вскрывает гнойные раны души, а затем очищает и исцеляет их. Преподобный Симеон Новый Богослов, рассуждая о том, пишет, что даже следа не остается от прежних ран.

Когда благодать Божия касается человека, то, пораженная прежде проказой, душа становится чистой, как тело ребенка, но человек явственно еще не переживает общение с благодатью, иначе бы он прежде своего истинного исцеления решил, что уже здоров.

Многие люди, едва приступив к Иисусовой молитве, охладевали к ней и бросали ее именно потому, что не могли исполнить слова псалмопевца: *терплю имя Твое*. Они хотели получить все сразу, схватить небесный жемчуг нечистой рукой, и поэтому им казалось, что имя Божие — этот небесный огонь — как горстка остывшего пепла, не согревает их душу, что имя Божие — эта сокровенная песнь сердца — остается безмолвным для них. Они хотели прежде, нежели усмирятся их страсти, услышать голос Духа. Не окончив пахать поле, они уже хотели получить плату, но слышали в ответ: «Паши еще, паши до вечера».

Необходимо терпение и по другой причине. Подвизаясь в делании Иисусовой молитвы, человек переживает период, когда перед ним открываются его грехи: точно фонарь спускают в темный подвал, и он видит змей и различных гадов, ползающих там, видит нечистоты... Человек видит все это в себе и недоумевает: «Неужели это я? Кто может из этого вместилища скверны, из моего сердца, сотворить храм?». И чем более озаряет свет молитвы его сердце, тем яснее познает он мрачное состояние своей собственной души. И здесь потребно терпение, чтобы потерпеть видение самого себя.

...яко благо пред преподобными Твоими.

Преподобие — это восстановление в человеке образа Божия, это жизнь по закону Евангелия. Человек уподобляется Богу через стяжание благодати, и тогда имя Божие открывается ему как великое благо и как источник духовных благ. Чем чище сердце человека, тем более открывается ему небесная красота имени Божия, дивной жемчужины, дорожке которой нет ничего в мире¹³⁴. И душа желает лишь одного — созерцать эту красоту, быть наедине с Богом через призывание имени Его.

Псалом 115

Веровах, темже възглаголах... (1).

Веровал в то, что Бог слышит меня, что Он так близок ко мне, как мое собственное сердце. Веровал, что Господь услышит и исполнит мою молитву.

Когда благодать касается души человека, то вера становится реальностью, приобретает силу достоверности, не оставляющей места колебаниям и сомнениям.

Есть разные степени веры. Одна утверждает существование Бога, другая Живого Бога созерцает. *Веровах* — значит, моя душа почувствовала Бога, увидела Его особым духовным прозрением, а затем заговорили уста. Славянское *возглаголах* нельзя перевести как «говорил» или «сказал»: слишком невыразителен, неточен будет в этом случае перевод. *Возглаголах* — это вопль сердца, запечатленный в слове, это эмоциональное самовыражение души, это отзвук сокровенных ее струн в речи. *Возглаголах*, то есть слово родилось в самом сердце, словно излилось из него. *Возглаголах* — это словно поток горной реки, только он, сметая все на своем пути, устремляется по склонам вниз, а вопль молитвы, устремляясь ввысь, восходит от земли к небесам.

...аз же смирихся зело.

Именно потому стала высокой молитва, что душа глубоко смирилась, приравняла себя к праху. Когда человек смиряет себя, то Бог возвышает его; когда человек возвышает себя, то Бог оставляет его и он становится добычей демонов.

Итак, непременно условие молитвы — вера и смирение сердца. Как смирить себя? Вспомни перед молитвой грехи, которые ты совершил, и добродетели, которых ты не достиг, войди умом своим в сердце и посмотри, сколько там нечистоты, лукавства, зависти, притворства, лжи. Словно залежами грязи переполнено оно! Смирить себя — это осознать свое падение.

Аз же рех во изступлении моем... (2).

Рех — это высказал то познание, которое получил. *Во изступлении* моем — исступление есть выход из обычного состояния, здесь — восхищение ума к Богу, когда человек в благодати созерцает те сущности вещей, которые прежде были скрыты от него.

...всяк человек ложь.

Заглянув в свое сердце, молящийся видит глубокое падение человеческой природы и осознает, что в самом себе ему не найти нравственной опоры: душа, изъязвленная страстями, подобна зыбкому болоту. Неопытному или гордому взору его поверхность может показаться прекрасным лугом, покрытым травой и цветами, но начини возводить на нем хоромы, они, не имея крепкого основания, провалятся. Так и благие порывы человеческого сердца обычно не живут долго: их засасывает, словно болотная трясина, житейская топь.

Человек лжив: в нем нет постоянства. Его чувства появляются и исчезают, словно волны на поверхности моря. Можно ли надеяться на любовь человека, на его дружбу, на привязанность, если они словно волны, поднятые глубиной морской и гонимые к берегу, о который разбиваются, как о неизбежную преграду?

Да, чувства человека недолговечны, хрупки и непостоянны, и потому в мире так много разочарований и обмана. Порой человек обманывает, будучи уверен, что говорит совершенную правду, потому что забывает о том, что сам он игрушка в руках времени, что завтра он уже станет другим. Человек лжет потому, что его подсознание — это глубочайшая бездна, неведомая ему самому. Человек лжет потому, что под влиянием страстей он обманывает самого себя. Изменяя Богу, согрешая, он не может быть верным для людей. Поэтому надежда на человека — это надежда на сон, который ты видел ночью, это источник постоянных тревог, разочарований и скорбей. Надеющийся на человека идет по тонкому льду, который ломается под ногами. И самый большой лжец для каждого человека — это он сам.

Что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми? (3).

Все, что мы имеем, и нас самих дал нам Бог. Он воззвал нас из бездны небытия и открыл нам путь в вечную жизнь. Мы можем только в изумлении созерцать Божественную любовь и Божественную милость, мы можем только восклицать с апостолом Фомой: *Господь мой и Бог мой*¹³⁵! Воля Божия — это наше спасение. Господь говорит: «Всем желанием Моим Я не хочу смерти грешника, но чтобы он покался и остался жив»¹³⁶.

Чашу спасения приму... (4).

Это евхаристическая Чаша и все средства, которые даны Богом Церкви для спасения людей.

...и имя Господне призову...

Не просто произнесу имя, а *призову*. Как ребенок зовет отца или мать во время опасности, во время скорби, чтобы они услышали его, не оставили его, но пришли ему на помощь. Поэтому нужно не просто твердить Иисусову молитву, но *призывать* в ней имя Божие.

...молитвы моя Господеви воздам пред всеми людьми Его (5).

То есть молитва в сердце моем будет во всякое время, при всех обстоятельствах, как в уединении, так и среди многолюдья. Тогда и в толпе сердце будет как в пустыне. При общении с людьми ум не должен выходить из сердца и растекаться по внешнему. Он должен видеть мир и людей как бы сквозь окна запертой башни. Кроме того, молитва, совершаемая втайне, благодатно действует на тех, кто связан с молитвенником общением или за кого он молится. Из его сердца имя Иисуса Христа, словно духовное солнце, излучает тепло и невидимый телесными очами свет.

Честна пред Господем смерть преподобных Его (6).

Смерть раскрывает содержание человеческой души: это итог жизни, и прежде всего итог молитвы. Преподобный Исихий, пресвитер Иерусалимский, пишет, что стяжавший в сердце своем имя Иисуса Христа пройдет через мытарства как молния¹³⁷. В чьем сердце пребывало имя Божие, тот сподобится созерцать славу Божию в вечной жизни. Слово *честна* означает достойна, драгоценна, чиста. Не рождение, а смерть святых является праздником, поэтому Ангел смерти является для молитвенников добрым вестником, а смерть — началом истинной жизни.

О Господи, аз раб Твой... (7).

О Иегова, вечно сущий, я раб Твой,— значит, я уже не раб сатаны, мира и своих собственных страстей. Рабство Богу дает человеку великую свободу и внутренний, сердечный простор, тогда как грех сжимает и стесняет его сердце. Сердце грешника точно зажато в железный кулак.

...аз раб Твой и сын рабыни Твоя...

Здесь земное происхождение, знатность, родовитость превращаются в прах. Пред лицом Божиим все люди — малые дети. Все потомки одного праотца Адама. Единственное, что может сказать человек о своих родителях и предках,— это то, что они рабы Господа, а все остальное, по выражению святителя Григория Богослова,— «древняя гниль»; то есть человек отказывается от всех преимуществ своего происхождения или, наоборот, не тяготится незнатностью рода, из которого происходит, или бедностью своей семьи. В духовном плане все люди равны, всем дана возможность спасения. В Царстве Небесном одно отличие — это мера благодати Духа Святаго, которой сподобился человек.

135 Ин. 20, 28.

136 См.: Иез. 33, 11.

137 «Душа, воспаривши по смерти на воздух ко вратам небесным, и там не постыдится врагов, имея за себя с собою Христа; но и тогда, как ныне, дерзновенно возглаголет к ним *во вратах*. Только до самого исхода своего да не скучает она день и ночь взывать к Господу Иисусу Христу, Сыну Божию; и Он сотворит отмщение ей вскоре, по неложному Божественному обетованию Своему, которое изрек Он в притче о неправедном судие: *ей, глаголю вам, сотворит отмщение вскоре* (Лк. 18, 8),— и в настоящей жизни, и по исходе ей из тела» (Преподобного Исихия, пресвитера Иерусалимского, к Феодулу душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве // Добротолюбие в русском переводе. 1993. Т. 2. С. 190).

Апостол Павел писал, что хотя он из славного рода, но ради того, *чтобы приобрести Христа*, все почел уметами, мусором, который выбрасывают из дома¹³⁸.

...растерзал еси узы моя.

Узы — это, во-первых, грех, которым связан человек, точно преступник цепями. Душа чувствует гибельность порока, она страдает и тоскует, как узник, заточенный в темнице. Прощение грехов ощущается душой с некой физической реальностью: «Как будто тяжесть спала с плеч»,— говорит человек. Во-вторых, *узы* — это сомнение и колебание. Живущие по своему разуму, а не по заповедям Божиим всегда пребывают в тревоге, в сомнениях и противоречиях. Когда души человека касается благодать, то противоречия исчезают, сомнения рассеиваются и в сердце его водворяются мир и покой.

Тебе пожру жертву хвалы... (8).

Прежде всего *жертва хвалы* — это Евхаристия, внутренне неразрывно связанная с Иисусовой молитвой. Кроме того, *жертва хвалы* — это благодарность человека Богу во всех обстоятельствах его жизни. *Жертву хвалы* принес Иов, когда произнес свои бессмертные слова: *Господь дал, Господь и взял. Буди имя Господне благословенно!*¹³⁹ *Жертвой хвалы* была жизнь святителя Иоанна Златоуста, имевшего на устах и в сердце молитву: «Слава Богу за все!». Приносит *жертву хвалы* тот, кто в страданиях благословляет Господа и благодарит Его за страдания больше, чем за радость.

...и во имя Господне призову.

В начале псалма псалмопевец говорит: *имя Господне призову*, а теперь — *во имя Господне призову*. Это две степени молитвы. Первая — ум сосредотачивается на словах молитвы; вторая — душа явственно ощущает благодать, и человек призывает саму благодать *во имя Господне*. Первая — вхождение в сердце с молитвой, с именем Божиим; вторая — обретение в сердце благодати Божией.

Иисусова молитва привлекает и хранит благодать.

Молитвы моя Господеви воздам пред всеми людьми Его... (9).

Это буквальное повторение пятого стиха, но здесь другой смысл.

Вечная жизнь — это вечное молитвенное созерцание Бога. Все *люди Его*, люди Божии,— это святые в Царствии Небесном, где тайное станет явным. Молитва, которая совершалась в тайне сердца, тогда откроется перед всеми и сольется с молитвами Ангелов и святых, как отдельный голос — с общим звучанием хора.

...во дворех дому Господня... (10).

Господь сказал: *В доме Отца Моего обителей много*¹⁴⁰. Каждый получит по мере веры и дел свою обитель и награду, свою меру благодати.

...посреде тебе, Иерусалиме.

В Апокалипсисе новый Иерусалим, окруженный стенами из драгоценных камней¹⁴¹, — это Царствие Божие. Много обителей святых, но все они — внутри стен Небесного Иерусалима, где нет ни греха, ни зла, ни смерти, ни страданий. Иисусова молитва по смерти человека, словно огненные крылья, возносит его душу в прекрасный Небесный Град.

Псалом 133

Се, ныне благословите Господа, вси раби Господни... (1).

Ныне значит теперь, немедленно, не откладывая на будущее: каждый день может быть днем спасения, каждое мгновение — не только рубежом между прошлым и будущим, но и началом новой жизни.

Благословите. Совершенное благо — это Господь, а благое слово — имя Божие, имя Иисуса Христа. *Ныне благословить Господа* — значит начать творить Иисусову молитву,

138 См.: Флп. 3, 4–8.

139 Ср.: Иов. 1, 21.

140 Ср.: Ин. 14, 2.

141 См.: Откр. 21, 18–21.

не давая обмануть себя лукавому помыслу, уверяющему тебя, что ты только лишь этот день или час отдашь мирским заботам, а затем, окончив свои дела, начнешь служить Богу. Дух Святой призывает нас *ныне благословить Господа*, а сатана говорит: «Не *ныне*, а потом, не сегодня, а завтра». Но земные дела не кончаются, и, как дым, проходят годы и десятилетия.

Раби Господни — это те, кто исполняет волю Божию, а не свои прихоти. В Библии написано: *воля Божия — святость ваша*¹⁴².

...стоящи во храме Господни...

Ум от внешнего должен возвратиться к себе, тогда сам человек становится храмом.

...во дворах дому Бога нашего.

Дом Бога — это глубина человеческого сердца, то, что аскеты именовали «сердечным местом». Но в сердце много обителей, расположенных одна в другой. Они раскрываются постепенно, их псалмопевец назвал дворами, окружающими дом Божий, как дворы окружали Иерусалимский храм.

В ночех воздежите руки ваша... (2).

То есть по ночам воздевайте руки ваши. Ночь и мрак у мистиков¹⁴³ часто служат символом души, очищенной от помыслов и внешних образов, символом состояния отрешенности от мира. *Воздежите руки ваша*, то есть усердно молитесь, не ослабевайте в молитве, не давайте душе погрузиться в дремоту, утруждайте в молитве тело.

...во святая...

Во святая, то есть ко святилищу, ко Святому святых Иерусалимского храма. Здесь — обращенность ума к сердцу.

...и благословите Господа.

Благословляйте Господа, непрестанно повторяйте Его имя. Старайтесь сочетать с этим именем свое сердце.

Благословит тя Господь от Сиона... (3).

Сион — образ благодати Божией. На Сионской горе был построен храм Иеговы; в Сионской горнице Дух Святой сошел на апостолов. *Благословит тя Господь от Сиона* — значит пошлет благодать, единственное нетленное сокровище.

...сотворивый небо и землю.

То есть сотворивший твою душу и тело. Благодать открывает для молитвы внутреннюю обитель человеческого сердца. Благодать преображает душу и тело человека.

Приложение

Проповеди о молитве

О молитве

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Братия и сестры! Когда поражены нервы, то и все тело человека расслаблено: он похож на живой труп. Когда нет молитвы, то парализована вся духовная жизнь человека. У него угасает вера, исчезает любовь, меркнет надежда.

Молитва — это невидимая лестница, по которой человеческая душа восходит к небу. Молитва — это те духовные камни, из которых Ангелы строят вечный дом для нашей души. Молитва — те чудные семена, посеянные в сердце, из которых в вечности произрастают райские цветы. Поэтому святые отцы и называли молитву царицей всех добродетелей.

Молитва бывает церковная и домашняя.

Я уже много раз говорил вам о том, что церковная молитва необходима для спасения христианина. Все храмы мира соединены между собой невидимыми каналами благодати.

142 Ср.: 1 Фес. 4, 3.

143 «Мистиками» автор называет здесь святых отцов Церкви, благодаря писаниям которых их личный мистический опыт, опыт богообщения становился известным другим людям.

Как радиусы пересекаются в едином центре, так и духовные лучи, исходящие из всех храмов и, если можно так сказать, из сердец всех святых, пересекаются в каждой церкви.

Поэтому когда мы молимся в храме, то за нас совершается служба, за нас молятся во всех храмах мира. И в Иерусалиме, где Гроб Господень, и на Афоне, куда не ступает женская нога.

Особенно велико значение литургии, в которой в священных символах перед нами проходит вся земная жизнь Спасителя, а также раскрывается будущность Церкви и мира. Кто присутствует на литургии, тот своими духовными очами созерцает великие тайны Божии. И не только созерцает, но и участвует в них.

Когда преподобный Макарий, основатель египетского Скита, спросил у Антония Великого, посетившего его: «Что еще не хватает нам для спасения?», то преподобный Антоний сказал: «Храма, в котором свершалась бы литургия».

Молитвы, которые Церковь сохранила для нас, которые мы читаем по книгам, сложены святыми отцами. Это вопль, исходивший из их сердец, это чистейшее дыхание их чистейших душ. Святые отцы лучше нас видели тайны духовного мира, видели свои собственные души и в черных безднах падения, и в ослепительном свете преображения. Поэтому молитвы, составленные ими, имеют огромную духовную силу.

Когда мы читаем молитвы по книгам, то мы беседуем с Богом словами святых — людей, которые исполняли волю Божию, людей, в чьих сердцах, как неугасимая лампада, сияло имя Иисуса Христа.

Слова молитв, написанных в книгах, не чужие для нас. Если мы будем читать их внимательно, стараясь слить с ними наш ум и сердце, то они станут нашими собственными молитвами. Но мы должны, кроме того, учиться беседовать с Богом и своими словами: просить Его о наших повседневных нуждах, за все благодарить. Святой Иоанн Кронштадтский говорит: «После молитвенного правила скажи Господу хотя бы несколько своих собственных слов. Как приятна будет Богу эта молитва! — как отцу приятен лепет маленького младенца».

Братия и сестры! Господь говорит в Евангелии: *молясь, не говорите лишнего*¹⁴⁴. Как это понять? Некоторые думают, что «лишнее», многословие — продолжительная молитва. Нет, совершенно не так. Многословным мы называем того человека, в речи которого больше слов, чем мыслей.

Говорить лишнее в молитве — значит просить у Бога бесполезного нам. Говорить лишнее в молитве — значит указывать Богу, как и когда исполнить ее. Быть многословным — значит составлять свои молитвы так, как составляют стихи, точно мы хотим подействовать на Бога своим красноречием. А здесь только одно нужно — искренность и непосредственность. Наша молитва должна произноситься языком нашего сердца. Только лишь язык сердца слышен на небе.

Братия и сестры! Есть еще один вид молитвы — молитва непрестанная. Это краткая молитовка или же стихи из псалма, которые человек старается произносить как можно чаще, по возможности всегда и постоянно.

Ученики святого апостола Иоанна Богослова произносили следующие псаломские слова: *БОже, в ПОмощь мою вонми: ГОсподи, помози ми потщися*¹⁴⁵. Преподобный Антоний Великий всегда молился: «Иисусе, помоги мне». Святой Иоанникий Великий повторял: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой, Троице Святая, слава Тебе!».

А большинство святых отцов творили и завещали нам Иисусову молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго». Эту молитву мы должны произносить как можно чаще. Сначала после молитвенного правила — десять или пятнадцать минут, постепенно увеличивая время. Повторять слова ее следует неспешно.

144 Мф. 6, 7.

145 Пс. 69, 2.

Когда мы одни, то вслух самим себе. Когда находимся в присутствии других людей, то молча, в своем сердце.

Братия и сестры! Когда вы идете в церковь, творите Иисусову молитву. Когда вы сидите за трапезой, также молча читайте ее. Некоторые даже считают, сколько Иисусовых молитв они должны прочесть, пока пройдут от двери до ворот своего двора. Сколько Иисусовых молитв они должны прочесть, пока сидят за трапезой. Иисусовой молитвой они наполняют и измеряют весь свой день.

Когда Иисусова молитва привьется к нашему уму, то она очистит его от скверны, лжи и лукавства. Она делает ум простым и световидным. Когда Иисусова молитва коснется нашего сердца, то в нем она усмирит страсти, как укротитель — диких зверей. Иисусова молитва пробуждает в нашем сердце любовь к Богу. Поэтому некоторые из святых отцов называют Иисусову молитву любовью Божиею. У апостола Петра написано: *Вы — род избранный, царственное священство*¹⁴⁶. *Царственное* — потому, что нам обетовано Царство Небесное и Божественное благословение. *Священство* — потому, что молитва христиан — это священнодействие. Через молитву христиан освящается весь мир. Преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Будь епископом над сердцем своим, и в алтаре сердца приноси Богу мысленные жертвы молитвы».

Братия и сестры! Какие должны быть условия для правильной молитвы? Это прежде всего приготовление к молитве. Мы должны отрешить ум свой от всего преходящего и суетного, от всех повседневных дел. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Как на крыльях, поднимись ввысь над землей, и ты будешь безопасен от всех врагов твоих». Затем мы должны представить, с Кем мы беседуем, в присутствии Кого находимся, с Кем начинаем свою речь — с Творцом неба и земли, с Повелителем Ангелов: Он в это мгновение внимает нам. Затем у нас должна быть надежда, что Господь исполнит наши молитвы. Господь всемогущ, Он все может. Господь — Любовь неизреченная. Поэтому Он хочет даровать нам блага больше, чем мы сами желаем добра себе. Молитва должна быть как можно более внимательной. Вступая в молитву, мы как бы вступаем в духовную битву; и тогда целая туча помыслов возникает в нас, окружает наш ум («как тучи мошек», по выражению святителя Феофана Затворника). В сердце нашем на молитве пробуждаются страсти.

Да, ни у кого из нас нет чистой молитвы. Чистая молитва — удел одних только Ангелов. Но мы должны стараться каждое слово молитвы осмыслить, откликнуться на него своим сердцем.

Преподобный Серафим Саровский учил: «Когда ты стоишь в храме, то закрой глаза, чтобы ничто не отвлекало тебя, и молись так; но если демон будет погружать тебя в дремоту, тогда смотри на свечу или на лампаду пред иконой и клади поклоны поясные и земные. Если на клиросе читают невнятно и непонятно тебе, тогда твори Иисусову молитву».

Братия и сестры! Какие у молитвы враги? Это прежде всего гордость. Гордый не может молиться. Гордый требует от Бога даров, как бы заслуженных им. Гордый старается сразу взойти на высокие духовные степени, совершенно не соответствующие его жизни. Гордый требует от молитвы чуда, ждет его и поэтому часто обманывается в своих гордых надеждах. Некоторые говорят о том, что они на молитве слышат какие-то голоса, исходящие от икон, видят своими глазами Спасителя. Братия и сестры! Это демонское обольщение и наказание за гордость. В молитве человек должен искать только лишь одного — прощения своих грехов. Гордый же, молясь, считает, что он уже святой.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) рассказывал об одном прельщенном, который решил при жизни, что его тело стало святыми мощами, и отрубил себе руку, для того чтобы другие поклонялись ей, как какой-то святыне. С кем бы он ни встречался, он говорил о том, что его рука положена в главный храм соседнего монастыря, что после каждой службы игумен с братией подходят к его руке, которая нетленна, и лобызают ее.

146 1 Пет. 2, 9.

Когда ему не верили, старались разубедить его или просто смеялись, он приходил в страшный гнев. Лицо его краснело, из уст исходили какие-то нечеловеческие звуки, вроде крика рассерженного гусака.

Другое препятствие в молитве — уныние и отчаяние. Отчаяние — это потеря надежды на Бога; а молитва без надежды — это иудина молитва.

Препятствием к молитве является памятозлобие — черный огонь, кипящий в нашем сердце. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Если ты хочешь, чтобы Бог услышал тебя, то сначала от всей души помолись о врагах своих, а потом проси у Бога, что ты хочешь!».

Препятствуют молитве наши исповеданные грехи, которые стоят между нами и Богом как стена. Братия и сестры, у каждого из нас есть главный грех, есть любимый грех, в котором меньше всего мы хотим каяться, с которым меньше всего мы хотим расстаться. И вот этот грех подобен змею, который пьет кровь нашей души, делает нас бессильными.

Поэтому перед молитвой мы должны рассмотреть, к какому греху больше всего привязана наша душа, и отсечь его от себя, отрубить голову змея, и тогда вместе с ним уйдут из нашей души и многие другие грехи.

Враги молитвы — это небрежность и рассеянность. Если рассеянность и невнимательность в молитве происходит от сатанинских искушений, то мы должны стоять в молитве терпеливо. Святитель Василий Великий говорит: «Если ты хочешь молиться внимательно, но еще по младенчеству воли своей не можешь, то стой, терпи в молитве, и Господь воздаст тебе за труд твой».

Но если мы можем молиться внимательно, а молимся небрежно, то это не приближает, а отдаляет нас от Бога. В одном из псалмов сказано, что идолы имеют очи, но не видят, имеют уши, но не слышат¹⁴⁷. Часто и мы на молитве стоим подобно каменным истуканам, имеющим только человеческий вид, не слыша и не понимая, о чем же молимся.

Святой Василий Великий советует: «Когда ты встаешь на молитву, прежде всего поблагодари Бога за те благодеяния, которые Он даровал тебе в твоей жизни. Затем принеси покаяние в своих грехах. Только после этого проси у Бога того, что ты хочешь, а затем окончи свою молитву славословием Богу».

Братия и сестры! Некоторые спрашивают: почему Господь, если Он благ и всемогущ, так долго не исполняет наших прошений? Но, во-первых, Господь не исполняет наших прошений, когда мы просим то, что нам бесполезно. Далее Господь не исполняет наших прошений, если мы молимся не так, как надо, — небрежно. Господь не исполняет наших прошений иногда ради того, чтобы удержать нас в молитве, ибо Он знает наше себялюбие: когда мы получим просимое у Него, то отойдем, как те прокаженные, которые, получив исцеление, даже не оглянулись на Христа Спасителя¹⁴⁸.

Итак, Господь медлит, чтобы приучить нас к молитве. Порой же Господь не дает нам просимого потому, что еще не пришло время. А иногда медлит для того, чтобы даровать нам Свои блага даже в большей мере, нежели мы просили, чтобы вознаградить нас за наше терпение.

Братия и сестры! Святитель Василий Великий завещал христианам о каждом дне думать, что он последний день их жизни. Преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Для молитвы необходима память о смерти». Он пишет: «Некоторые говорят, что молитва выше, нежели память смерти. Я же воспеваю два существа в одном лице, то есть считаю молитву в памяти смертной — истинною молитвою».

Еще я хотел сказать вам, что, по учению святых отцов, в молитве ум наш должен быть чист и безвиден. Нельзя представлять в это время никаких картин, например рая или ада, никаких образов. Надо молиться не представлениями, а словами. Если человек молится, представляя перед собой что-нибудь чувственное, то он только лишь развивает и разгорячает свою фантазию. А святые отцы говорят: «Дьявол — искусный живописец».

147 См.: Пс. 113, 13–14.

148 См.: Лк. 17, 12–19.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) рассказывает о том, как однажды к нему пришел афонский монах. Святитель с радостью принял странствующего инока, желая узнать о его молитвенном подвиге. Расспросил и, к удивлению и ужасу своему, услышал, что когда тот молится, то представляет перед глазами своими Спасителя и Божию Матерь. Святитель Игнатий решил предостеречь обольщенного: «Я советую тебе не останавливаться на ночь на втором этаже», — сказал он. Удивился монах этому и спросил: «Почему, владыка?». Святитель ответил: «Вдруг тебе покажется, что Ангелы пришли за тобой и хотят понести тебя на Афон, и ты упадешь со второго этажа и разобьешься».

Монах сказал: «Да, действительно, у меня были такие помыслы, что Господь может в мгновение ока перенести меня на Афон!».

Тогда святитель Игнатий попросил его: «Попробуй молиться, не представляя ничего перед собой, а только лишь зная и веря, что Бог слышит тебя, и расскажи мне, что из этого получится».

И через некоторое время этот человек пришел к святому в смятении: «У меня была раньше такая горячая молитва, а теперь я как будто потерял Бога!» — говорил он.

Но на самом деле не Бога он потерял, а потерял свои грезы, образы, рисуемые его фантазией,— иными словами, освободился от страшного обольщения, которое легко могло привести его к гибели.

Итак, братия и сестры! Когда молитесь, то ум ваш должен быть прост и прозрачен.

Помните: молитва — это прежде всего плач о грехах. Чтобы молитва была истинной, непрелестной, она должна быть проникнута чувством покаяния.

Один из отцов говорил: «Смирение — это тот мысленный Синай, на котором Господь является человеку!».

Аминь.

Об исцелении иерихонского слепца (1)

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Братия и сестры! Сегодня вы слышали евангельское повествование об исцелении Господом иерихонского слепца. Слепец, по имени Вартимей, сидел у края дороги, вблизи ворот Иерихона. Услышав шаги приближающихся людей, он спросил: «Кто это?». Ему ответили: «Идет Иисус Назарянин». Вартимей стал громко взывать: *Иисус, Сын Давидов! помилуй меня*¹⁴⁹. Некоторые из окружавших Христа пытались заставить его замолчать, но он кричал все громче. Тогда Христос остановился и велел позвать его. Слепец сбросил с себя верхнюю одежду и быстро подбежал к Иисусу. *Чего ты хочешь от Меня?* — спросил Спаситель. Тот ответил: *Учитель! чтобы мне прозреть*. Иисус сказал ему: *иди, вера твоя спасла тебя*¹⁵⁰, — тотчас слепец прозрел и стал благодарить и славить Бога.

Что означает это евангельское событие? — Обращение наше к Богу. Слепец — это мы. Иерихонский слепец не видел мира, а мы, наоборот, образами, картинами этого мира ослепили свои сердечные очи, забыли о другом, духовном мире, забыли о душе своей. Слепой сидит у дороги. Что означает эта дорога? Дорога — это жизнь. Наша земная жизнь подобна текущей реке или пути, по которому мимо нас проходят бесконечные вереницы людей. И сама эта жизнь проходит как краткий сон. Слепец сидит и просит милостыню, то есть свидетельствует о своей крайней беспомощности и о своем бессилии. Приближается Христос. Благодать касается сердца человека, и он начинает молиться: «Иисусе, помилуй меня!». Это пробуждение веры. Господь зовет его к Себе. Слепец, дабы верхняя одежда не мешала ему быстро приблизиться к Спасителю, срывает ее с себя и бросает прочь. Так и человек, которого призывает благодать Божия, отказывается от прежних своих греховных привычек, развлечений, пустых занятий — от того, что раньше считал самым важным для себя, в чем видел смысл своей жизни. Теперь он отбрасывает это, как ненужное рубище,

149 Мк. 10, 47.

150 Ср.: Мк. 10, 51–52.

которое мешает ему идти ко Христу. Христос касается глаз его Своим перстом, и очи прозревают.

Господь касается нас в Таинствах Церкви, особенно в Таинстве Святой Евхаристии, и мы чувствуем, что начинается для нас неведомая, новая, духовная жизнь — это и есть прозрение.

Слепец взывал ко Господу словами: *Иисус, Сын Давидов! помилуй меня*. Когда он приблизился к Спасителю, то уже назвал Его *Учителем*, а после прозрения славил как Сына Божиего. Здесь толковники видят указание на молитву Иисусову. Господь сказал: *о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам*¹⁵¹. Апостол Павел заповедал *непрестанно молиться*¹⁵². По преданию Церкви, первой, кто совершал Иисусову молитву, была Сама Пречистая Дева Богородица, Которой во Святая святых Архангел Гавриил открыл это Божественное имя — сладостное для Ангелов, грозное для демонов, спасительное для людей. Там, в полумраке и тишине алтаря ветхозаветной Церкви, Дева Мария творила в сердце Своем Иисусову молитву, повторяя имя Сына и Спасителя Своего.

Братия и сестры, уже святые апостолы заповедали своим ученикам совершать непрестанно Иисусову молитву. Ученик апостола Иоанна Богослова священномученик Игнатий Богоносец (по преданию, тот ребенок, которого взял Христос на руки, когда сказал: *таковых есть Царствие Божие*¹⁵³, всю жизнь повторял имя Иисуса Христа. И когда он был брошен по приказу императора Траяна диким зверям и голодные львы растерзали тело мученика, то на арене осталось лежать нетронутым его сердце, на котором, как золото, сияло имя: Иисус Христос...

Апостол Марк, положивший начало монашеству в Александрии, также заповедал своим ученикам творить Иисусову молитву. Святой Иоанн Златоуст, говоря о египетской пустыне, восклицал: «Там растут белые лилии безмолвия и алые розы молитвы. Единое занятие у людей и Ангелов — прославлять имя Иисуса Христа».

Братия и сестры, как я сказал, Иисусова молитва заповедана нам нашими Божественными учителями. Иисусова молитва необходима для каждого христианина — это сердце его духовной жизни. Многие аскеты составили поучения о том, как научиться творить Иисусову молитву, как постоянно пребывать и преуспевать в ней. Вам известны два святителя, жившие в XIX веке: Феофан Затворник и Игнатий (Брянчанинов). Поучения о молитве святителя Игнатия пользовались таким уважением во всем православном мире, что даже пустынноики с Афона приезжали в Россию для того, чтобы поклониться могиле епископа и взять у него «благовословение» на Иисусову молитву.

Вы спросите, как научиться Иисусовой молитве? Святые отцы говорят, что для начала необходимо после утреннего и вечернего правила несколько минут внимательно, неспешно, вслух самому себе читать ее. Затем стараться наполнить этой молитвой весь свой день: читать ее в пути, сидя за трапезой, исполняя свою обычную работу. Эта молитва должна стать непрерывной. Святые отцы сказали: «Меры молитвы нет!». Некоторые из них советовали употреблять при чтении Иисусовой молитвы четки, другие — вначале просто совершать молитву, не думая о числе молитв, а только лишь стараясь углубиться умом в содержание произносимых слов. Святитель Феофан Затворник советовал совершать молитву с земными и поясными поклонами. Святитель Игнатий заповедал тем, кто хочет заниматься Иисусовой молитвой, каждый день медленно, со вниманием прочитывать акафист Иисусу Сладчайшему.

Многие, услышав об Иисусовой молитве, захотели овладеть ею, творить ее всегда. Но прошло время, и они как бы остыли. Не видели они плодов от этого делания и постепенно оставили его. Почему это случилось? В чем была их ошибка? Во-первых, Иисусова молитва требует от человека большого молитвенного труда. Святые отцы говорили, что «молиться так же трудно, как кровь проливать». А иные так: «Дай кровь и

151 Ин. 16, 23.

152 Ср.: 1 Фес. 5, 17.

153 Мк. 10, 14.

прими Дух». Что же до тех, кто поревновал, а потом охладел, то из них многие Иисусову молитву творили небрежно, нерадиво, не внимая себе, не следя за жизнью своего сердца. Для них Иисусова молитва стала простым словосочетанием, простым созвучием слов. И поэтому молитва такая не могла привиться к их сердцу, и постепенно она угасла. Возможна и другая ошибка: нередко, прочитав творения древних аскетов, человек решает, что это так легко и просто — достигнуть описанных в них высоких состояний, и начинает творить Иисусову молитву без чувства покаяния, то есть строит дом свой без фундамента, не с основания начинает, а с крыши, и поэтому здание молитвы непрерывно разваливается и ломается.

Братия и сестры, святые отцы единодушно заповедали нам Иисусову молитву творить в чувстве покаяния — так, как молился Богу мытарь, как разбойник с креста умолял Господа о прощении своих грехов. Преподобный Иоанн Лествичник пишет: «Представь себя на судилище, как бы ты просил судию умиловаться над тобою». В основе Иисусовой молитвы должно быть чувство своей греховности и необходимости непрестанного покаяния. Святой Антоний Великий говорил, что вся его жизнь была не чем иным, как плачем о грехах. Итак, Господь примет молитву только лишь от сердца, сокрушенного покаянием: *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*¹⁵⁴. Сердце без покаяния твердо и бесплодно, как камень.

Еще одна наша ошибка: мы заботимся только о молитве, забывая о заповедях Божиих. Между тем вся жизнь человека должна «соответствовать» Иисусовой молитве. Если человек творит Иисусову молитву, но не борется со своими страстями, не отказывается от своих вожделений и грехов, то происходит внутреннее раздвоение, внутренний надрыв, и тогда вместо мира и небесного покоя, которые приносит эта молитва, человек, напротив, чувствует смятение, какую-то внутреннюю неудовлетворенность и раздражительность, потому что он как бы схватился грязными руками за хитон Господень. Иисусова молитва, особенно сердечная,— это распятие на кресте, а ко кресту, можно подойти, только лишь очистив себя от грехов и страстей или стремясь к этому очищению. Поэтому мы, конечно, заблуждаемся, если, занимаясь Иисусовой молитвой, не принуждаем себя творить заповеди Божии, ведь, по мнению святых отцов, вне евангельских заповедей невозможно никакое преуспевание.

Кроме того, Иисусова молитва, как и всякая молитва, требует определенной аскезы: уединения — хотя бы по временам, отказа от пустых, ненужных разговоров, от соблазнительных развлечений. Если мы ведем тот образ жизни, который принято называть светским, и в то же время стремимся к внутренней, сердечной молитве, то это похоже, по слову Иоанна Лествичника, на то, как если бы мы спали и видели себя во сне идущими по дороге.

Наконец, последняя наша ошибка в Иисусовой молитве состоит в том, что мы, не имея ни наставника, ни послушания, желаем проходить ее самочинно. В любом ремесле, в любом деле нужен учитель, тем более в такой науке, как духовная жизнь. Все монахи, аскеты, делатели Иисусовой молитвы учились у своих старцев. Они были преемниками их благодати. Поэтому тот, кто занимается Иисусовой молитвой без благословения, без совета, без исповедания своих помыслов, тот уже положил в основание ее самость, эгоизм и гордыню.

Братия и сестры, а что означает Иисусова молитва? Мы говорим в ней: «Господи»,— значит, мы исповедуем, что Господь — наш Владыка, а мы Его рабы, что наша жизнь не зависит ни от случайностей, ни от каких-то обстоятельств, ни от «судьбы», которой нет, но зависит от Промысла Божиего, от Его святой воли. Когда мы произносим слова: «Господь», «Владыка», «Господин», мы этим как бы внутренне даем обязательство свою волю подчинять воле Божией.

Затем мы говорим: «Господи, Иисусе». Иисус — это значит Спаситель. Спасение вечное и спасение от временных бед и несчастий мы видим в Иисусе Христе. Его свойство

— спасать. Поэтому именем Его изгоняли бесов, именем Его святые творили дивные и великие чудеса. Имя Господа, произнесенное с верой (а с верой оно произносится, если наша жизнь соответствует вере), всегда будет творить дивные и великие чудеса. Оно может вырвать нас из адского пламени и спасти со дна морского.

Затем мы говорим: «Христе». Христос — это помазанник, обладатель полноты даров Духа Святого. Только лишь через Него изливается благодать Духа Святого в Церкви и через Него открывается людям вечная жизнь и спасение.

«Сыне Божий» — так мы прославляем Его могущество; Владыка вечной и бесконечной жизни, Он — образ Небесного Отца; Он, Сын Божий, стал Сыном Человеческим, чтобы мы, грешные, стали сынами Божиими по благодати.

Затем мы говорим: «помилуй». В слове «помилуй» всё: спаси, заступи, прости, будь моим Помощником и Заступником. В этой молитве-мольбе, можно сказать, заключены и сконцентрированы все наши прошения к Богу.

И, наконец, слова: «мя, грешнаго». Заканчивается Иисусова молитва нашим исповеданием себя последними грешниками на земле. Антонию Великому Ангел велел идти в Александрию поучиться у кожевника, как угождать Богу. И кожевник открыл ему свое внутреннее делание. Он сказал: «Я искренне считаю, что все люди нашего города по добрым своим делам спасутся, один лишь только я буду осужден за грехи мои».

Итак, чем глубже у нас будет чувство нашей греховности, чем пламеннее будет наше покаяние, тем скорее наша молитва будет услышана Богом.

Святитель Иоанн Златоуст говорит: «У нас есть своя священная песнь — это имя Иисуса Христа. Повторяй это имя с утра до ночи, а если можешь, и всю ночь напролет. Когда оно войдет в твое сердце, то вызовет на бой дракона, обитающего в его глубинах, и не только вызовет на бой, но и низложит его и исцелит раны, нанесенные его ядовитыми зубами. Пусть сердце твое поглотит Бога, а Бог — твое сердце, и оба станут едино».

Итак, братья и сестры, в сегодняшнем Евангелии — образ той Иисусовой молитвы, которая заповедана всем христианам.

Аминь.

Об исцелении иерихонского слепца (2)
Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Братья и сестры! Сегодня мы слышали евангельское повествование об исцелении Господом нашим Иисусом Христом иерихонского слепца. Иерихон — второй по величине город Иудеи. Когда-то в древности это была мощная, неприступная крепость — оплот аморрейских и ханаанских царей. Только чудом Божиим смог взять ее преемник Моисея Иисус Навин. Тогда Иерихон был сожжен и разрушен, но через некоторое время восстановлен. Расположенный в пустыне, он представлял собой цветущий, роскошный оазис, утопавший в цветах и зелени. Трудна была дорога в Иерихон из Иерусалима. Она пролегла через мертвую, выжженную солнцем пустыню, среди диких скал и гор.

В пещерах известковых скал находили приют преступники, скрывавшиеся от правосудия, разбойники, солдаты, дезертировавшие из армии, беглые рабы. Они нападали на одиноких путников, грабили и убивали их, как бы мстя всему роду человеческому за свои собственные несчастья и страдания. Они не видели ни от кого жалости в этой жизни и сами не имели ее ни к кому. Они наводили страх на окрестные селения. Иногда римские воины переодевались путниками и, когда разбойники нападали на них, вынимали мечи и убивали грабителей на месте, а тех, кого брали в плен, подвергали страшным пыткам и затем распинали на кресте.

Путники, намеревавшиеся пройти через иерихонскую пустыню, собирались, как правило, в большие группы, притом вооружались, или же примыкали к караванам, везшим в Иерихон товары.

Часто посещал Иерихон Господь со Своими учениками, но не трогали Его ни разбойники, ни дикие звери, обитавшие в пустыне, ни спускавшиеся с Синая львы. По

предопределению, Господа должны были замучить не разбойники, а духовные вожди еврейского народа, пребывавшие во мраке бездны богоотступничества и богоненавистничества.

Братия и сестры! Когда путник, утомленный долгой дорогой, видел Иерихон, то этот город казался ему прекрасным сказочным садом, и под сенью пальм он забывал свои труды!

Однако Господь, войдя в Иерихон, увидел иное — картину человеческих страданий. У дороги сидел слепец Вартимей, сын Тимея, как свидетельство того, что за фасадом благополучия и роскоши всегда скрываются страдания, нищета и горе. Один из толковников разъясняет: «Почему святой евангелист Марк называет слепца сыном Тимея — Вартимеем? Потому, что Тимей был известным и знатным человеком». Вот как непрочно все на земле! Сын известного и знатного человека вынужден сидеть на земле и просить милостыни у проходящих мимо путников!

Вартимей услышал шаги, голоса... Неожиданно слепой понимает, что идет некто великий. Он спрашивает: «Кто это?». Ему отвечают: «Это Иисус Назарянин!». Братия и сестры, или Вартимей прежде слышал о чудесах Спасителя, или же благодать коснулась его сердца — мы не знаем этого наверняка, но только он стал кричать изо всех сил, надрывая связки: *Иисус, Сын Давидов! помилуй меня.*¹⁵⁵

В жизни каждого человека есть необычайные случаи проявления силы Божией. Господь каждого из нас извещает, удостоверяет в Своем бытии. Если мы рассмотрим свою жизнь, то увидим, сколько таких чудесных посещений было у нас. Однако человек может как бы заглушить в себе голос вечности, не обратить на него внимания. Если бы Вартимей не стал кричать, призывая Господа, и просить Его о милости, то Господь прошел бы мимо него. Мимо слепца прошло бы его спасение, но он отозвался всей душой на ведомый лишь для него призыв Бога. Люди запрещали ему, требовали, чтобы он умолк, однако он не переставая кричал изо всех сил: *Иисус, Сын Давидов! помилуй меня.*

Что это значит? Наши страсти, наши грехи заглушают нашу молитву. Они властно требуют, чтобы мы служили им, чтобы мы замолчали, чтобы мы не призывали на помощь Спасителя и Господа нашего. Однако слепец лишь еще сильнее кричал: «Помилуй меня!». Так и мы в той духовной борьбе, когда демон хочет заглушить, отнять, иссушить, развеять, как песок, нашу молитву, должны сосредоточить все силы, не отступать в поединке и звать на помощь Господа, зная, что Он близ нас.

Господь остановился и велел позвать слепого. Его позвали и сказали: *Не бойся, вставай, зовет тебя*¹⁵⁶. Что значит *не бойся*? Это значит не малодушествуй, не отчаивайся, но знай, что спасение твое близко. Так Господь говорит каждому из нас, когда мы изнемогаем в трудах, в молитве, изнемогаем в борьбе со своими страстями и демонскими искушениями, когда душа колеблется и готова уже пасть под натиском темных, сатанинских сил. Он говорит: «Не бойтесь, Я здесь, Я с вами!». Услышав, что Христос зовет его, слепец сбросил верхние одежды. Для нас это означает совлечь с себя все суетное, все ненужное, все лишнее, все мешающее идти ко Господу.

Когда мы хотим покаяться, когда хотим обратиться к Богу, то нас сразу захватывают мирские заботы, у нас возникает тысяча дел и, обманывая самих себя, говорим, что мы «потом обратимся к Богу», когда завершим все дела.

Слепой сбросил с себя одежду, чтобы она не мешала идти быстро, потому что знал, что Господь может пройти, и дорожил каждым мгновением. Так и мы, когда нашего сердца коснется благодать Божия, не должны медлить, а должны начать новую жизнь тотчас, не откладывая.

Вартимей устремился к Господу. Как трудно идти слепому! Каждый шаг — во тьме, в неизвестности! Братия и сестры, так труден и наш путь к Богу! Он покупается ценой нашей собственной крови. Господь спрашивает у слепца: *Чего ты хочешь от Меня?* Тот

155 Мк. 10, 47.

156 Мк. 10, 49.

отвечает: *Учитель, чтобы мне прозреть*. Вера делает слепца достойным, и Господь говорит: *Иди, вера твоя спасла тебя*¹⁵⁷. И тотчас открылись глаза у Вартимея. Толковники утверждают, что открылись не одни лишь телесные, но и духовные очи; и он познал, что Иисус Назарянин не только Сын Давидов, но и Сын Божий, и последовал за Ним. Следовать, идти за Христом — значит исполнять заповеди Божии.

Святые отцы говорят, что Евангелие, которое мы сегодня слышали, учит нас всегда иметь в своем сердце молитву. Слепец кричал изо всех сил не только устами, но и сердцем и душой: *Иисус, Сын Давидов! помилуй меня*. Отцы дали нам такую молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго». Всего восемь слов. В церковной символике это число означает вечность. Восемь слов Иисусовой молитвы вводят человеческую душу в вечность. Один — символизирует единство Божества, начало и конец всего; два — дружбу; три — внутреннюю жизнь Пресвятой Троицы и план творений; четыре — четыре конца света, вещественный, материальный мир; пять — человека; шесть — гармонию небесного и земного, духовного и телесного; семь — действие, излияние благодати Божией на землю; восемь — вечность: восьмой день — это конец времени и наступление Царства вечности; девять — ангельский мир; десять, так называемая плирома, — полноту и совершенство...

...Восемь слов Иисусовой молитвы, братия и сестры, — это как бы восемь драгоценных камней, которые должны сиять в сердце каждого христианина. Однако некоторые говорят: «Я начал заниматься Иисусовой молитвой, но не дается мне она. Постепенно я охладел и бросил ее». Почему? — Потому, что молились без смирения и без покаяния! В христианской Церкви есть икона, называемая «Деисис», что означает «Усердное моление»: Господь Вседержитель восседает на троне, справа от Него — Матерь Божия, склоненная к Сыну Своему, слева — Иоанн Креститель с опущенной главой. Матерь Божия — олицетворение смирения, Иоанн Креститель — покаяния. Под ногами Господа — облака. Облака, которыми окружен небесный Престол, символизируют непостижимость, невыразимость Божества, тайны Божией, Божественный свет, созерцать который могут со страхом лишь одни Небесные Силы. И наша молитва ко Господу должна быть молитвой смирения и покаяния: только тогда услышит ее Господь.

Молитва смирения, как небесный покров, защищает человека. Один помещик решил отомстить своей соседке за то, что она не отдала за него свою дочь. Он нашел известного в тех краях колдуна и обещал ему большую награду, если тот погубит эту женщину своим искусством. Колдун охотно согласился и уже приступил к заклинаниям, как вдруг лицо его исказилось, будто от страшной боли. Он упал на землю и стал судорожно биться, крича: «Она стоит на коленях на молитве, одетая во власяницу. Огонь окружает ее, и теперь та сила, которую я хотел напустить на нее, возвратилась ко мне и мучает меня!».

Смирение, слезы покаяния омывают душу человека от множества грехов. Во времена императора Маврикия на одну из византийских областей наводил ужас страшный, свирепый разбойник, которого никто не мог поймать. Император собственноручно написал этому разбойнику письмо, в котором обещал прощение, если он придет к нему сам, добровольно. Когда разбойнику вручили это письмо, он тотчас явился к императору с покаянием. Тот простил его и принял как достойного человека. И вот вскоре после этого видит император дивный сон: будто ведут душу разбойника на суд. С одной стороны — следы страшных злодеяний, совершенных им: трупы убитых, пролитая кровь, а с другой стороны — Ангелы, которые ищут и не могут найти никаких его добрых дел. Демоны торжествуют. Но вот один из Ангелов приближается к одру, на котором умер разбойник, и возвращается оттуда, держа нечто, и говорит: «Он принес искреннее покаяние и умер в молитве и слезах. Вот платок, омоченный его слезами, горькими, как его кровь».

Император наутро послал слуг к этому человеку. Они действительно нашли лишь бездыханное тело, а под подушкой увидели платок, весь мокрый от слез. Молитва покаяния спасла душу этого страшного злодея.

157 Мк. 10, 51, 52.

Братия и сестры! Каждый православный христианин должен учиться молитве — молитве Иисусовой. Кто творит ее со смирением и покаянием, тот окружен невидимым духовным светом. Преподобный Исихий говорит: «Этот свет осияет человеческую душу, саму душу превратит в свет, и после смерти она пройдет через страшные мытарства, как ослепительная молния».

Аминь!